Рр II
55

БИБЛІОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

БОРИСЪ ГОРОВСКІЙ
(Б. К. Подгурскій)

ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ

ЧУКОТСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ И КАМЧАТКА

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Съ 55 илюстраціями и 1 картой

ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА

Редакціи журнала
„МОРСКОЙ СБОРНИК“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М2
Г70-3

Тип. им. Котлякова. 4 — 5000000. 1982 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 0 р. 58 к. за 100 шт.

Рр II
55
ПРС 051 г.

БИБЛІОТЕКА „ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ“

91
Г-70

БОРИСЪ ГОРОВСКІЙ.

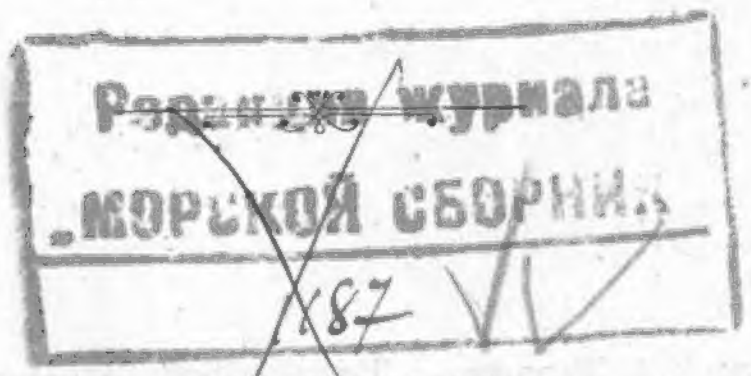
ЗАБЫТЫЯ РУССКІЯ ЗЕМЛИ

ЧУКОТСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ И КАМЧАТКА

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Съ 55 илюстраціями и 1 картой

Изданіе Б. А. Суворина



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

542677

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧУКОТСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.

СТРАН.

I. Забытая страна.—Чукчи 1
II. Мы и Американцы 9
III. Въ пути.—Ново-Маріинскій постъ 13
IV. Администрація.—Пушной промыселъ 23
V. Снова въ пути.—Бухта Провидѣніе.—Золото . . 30
VI. Золото подъ запретомъ 36
VII. «Хищники» и люди 40
VIII. У береговъ Ледовитаго Океана 47
IX. Итоги и выводы 52

КАМЧАТКА.

X. Въ пути.—Петропавловскъ.—Его будущность . . 56
XI. Еще о Петропавловскѣ.—Жертвы моря.—Петропавловскъ и Николаевскъ-на-Амурѣ 64
XII. Коряки.—Рыбные промыслы 73
XIII. Японскіе рыбопромышленники 81
XIV. Пароходные рейсы 85
XV. Условія плаванія 90
XVI. Командорскіе острова.—Котиковый и бобровый промыслы 95
XVII. Охрана котиковъ 109
XVIII. Уроки прошлаго и задачи будущаго 120

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Быть ознакомленнымъ со страной—значитъ изучать ее, имѣя подъ руками источники, дающіе пусть не слишкомъ обширное, но вѣрное представленіе о краѣ.

Какъ всякая крупная величина составляется изъ суммы самыхъ мелкихъ, такъ и жизнь любого центра страны всегда зависитъ отъ процвѣтанія питающихъ его мелкихъ уголковъ. А если при этомъ такой «уголокъ» является цѣлымъ обширнымъ краемъ, обладающимъ собственными богатствами и имѣющимъ самостоятельное значеніе, но мало извѣстнымъ лишь въ силу своей отдаленности отъ метрополіи,—халатность при изученіи его граничитъ уже съ преступной небрежностью.

Когда мнѣ пришлось столкнуться съ жизнью Чукотскаго полуострова и Камчатки и приняться за ихъ изученіе на мѣстѣ, я невольно вспомнилъ о своихъ ученическихъ годахъ, началъ припоминать, какое представленіе объ этихъ далекихъ краяхъ давали учебники географіи... Память мнѣ абсолютно ничего не отвѣтила. Не довѣряя себѣ, я просмотрѣлъ многіе современные учебники—и развелъ руками; объ этихъ окраинахъ либо не говорятъ ничего, либо даютъ такія свѣдѣнія, которыя совершенно далеки отъ истины. Беллетристическая же и публицистическая литература по этому вопросу широкой публикѣ совершенно неизвѣстна. Недавно я прочелъ перечень массы книгъ на эту тему, но вѣдь таковыхъ перечней никто не знаетъ, ибо почти всѣ они помѣщаются въ какихъ-нибудь офиціальныхъ отчетахъ, надо знать, гдѣ искать ихъ, а для этого нужно, чтобы публика интересовалась тѣмъ

краемъ, о которомъ вздумается читать. О томъ, что ни въ одномъ источникѣ я не нашелъ ни малѣйшаго желанія увлечь интересующагося человѣка этими обширными, богатѣйшими, но неизвѣстными нашими владѣніями—и говорить нечего: этимъ благороднымъ порывомъ по адресу русскихъ забытыхъ земель не воспылалъ ни одинъ авторъ.

Наши самые популярные учебники географіи говорятъ объ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи слишкомъ мало.

Теперь, когда въ Сибири сильно развились такіе торговые центры, какъ Красноярскъ, Омскъ, Иркутскъ, Чита, наконецъ, Владивостокъ; когда великій сибирскій путь сорвалъ съ громаднѣйшей полосы земель оковы неприступности; когда тысячи переселенцевъ идутъ туда и становятся въ лучшія условія своего благосостоянія,—ученикъ изъ такого учебника почерпаетъ лишь общія указанія, совершенно не объясняющія истиннаго значенія для страны этихъ владѣній. Что же касается Чукотскаго полуострова, Камчатки, района Амура, повѣствованіе объ этихъ краяхъ не выдерживаетъ никакой критики. Вниманіе учебниковъ привлекли рѣки Обь, Енисей, Лена, Амуръ, которымъ посвящено десятка два словъ, тогда какъ такая рѣка, какъ Анадырь, протекающая по странѣ на разстояніи слишкомъ тысячи верстъ, вполнѣ судоходная на двѣсти верстъ отъ устья, не возбудила къ себѣ никакихъ симпатій. Далѣе, о Чукотскомъ полуостровѣ—ни звука, кромѣ равнодушнаго замѣчанія, что самый крайній восточный мысъ Азіи—Дежневъ. А гдѣ же все золото, о которомъ послѣднее время такъ много говорятъ, которое можетъ дать въ недалекомъ будущемъ Россіи такой же доходъ, какъ Аляска—Америкѣ.

Гдѣ колосальное количество пушнины, расходящейся по всему міру съ Чукотской земли? При описаніи рыболовства въ самыхъ общихъ чертахъ упоминаются рѣки Обь, Иртышъ и озера Байкалъ и Зайсанъ, между прочимъ и Амуръ; учебникъ скромно умалчиваетъ о томъ, что на міровыхъ рыбныхъ рынкахъ Амуръ занимаетъ второе мѣсто послѣ Камчатки, о рыбопромышленности которой уже совсѣмъ не говорится ни слова. Что съ Камчатки вывозится рыбы ежегодно и Русскими, и Японцами въ среднемъ на три-четыре миліона рублей, что тамъ болѣе пятисотъ рыба-

локъ, что въ Усть-Камчатскѣ работаетъ два рыбныхъ консервныхъ завода, это, очевидно, не интересно. Тогда какъ наша рыба питаетъ главнѣйшіе рынки Америки и Англіи, такой учебникъ говоритъ: «По причинѣ дурного засола и неумѣнья приготовить рыбу впрокъ, сибирское рыболовство ограничивается только удовлетвореніемъ *мѣстныхъ* нуждъ». Объ ошибкахъ въ описаніи значенія городовъ, въ перечисленіи мѣстъ тѣхъ или другихъ породъ звѣря, не стоитъ и говорить.

Въ «Азіатской Россіи», составленной преподавателями географіи Круберомъ, Григорьевымъ, Барковымъ и Чефрановымъ, при описаніи сѣвера Чукотскаго полуострова и береговъ Колымской губы есть фраза: «единственное, возможное здѣсь сообщеніе—верхомъ». Не буду оспаривать справедливости этого, но прибавлю: «только вдоль рѣки Колымы, которую надо считать внѣ Чукотскаго полуострова, да и то въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ». Когда въ 1910 году на Чукотскій полуостровъ впервые привезли лошадей, Чукчи толпами ходили за ними, съ такимъ изумленіемъ глядя на диковиннаго звѣря, съ какимъ Европеецъ обратилъ бы свой взоръ на вдругъ воскресшаго ихтіозавра. Мнѣ лично ни разу не пришлось слышать о другомъ способѣ передвиженія, какъ на собакахъ. Далѣе этотъ курсъ говоритъ, что Чукчи не татуируются—еще въ 1911 году я почти всѣхъ ихъ видѣлъ татуированными; что «Чукчи никогда не моются»—это далеко отъ истины. Они моются, и очень часто, но, правда, не водой съ мыломъ, а... собственной м...й.

Есть ошибки даже у такого географа, какъ Реклю. «Тайга,—говоритъ, напримѣръ, онъ,—почти вездѣ представляетъ безмолвный лѣсъ, безъ насѣкомыхъ и птицъ... подъ тѣнью ея не увидишь ни одного живого существа». Тайга, на самомъ дѣлѣ, славится своей богатѣйшей охотой на дичь, кабановъ, лосей, знаменитыхъ сѣверныхъ тигровъ и т. д.

Если авторъ въ данномъ случаѣ хочетъ дать ученику понятіе о покрывающей Сибирь на тысячи квадратныхъ верстъ тайгѣ, онъ ошибается: понятіе получится совершенно неправильное.

Вотъ какъ грѣшатъ противъ истины наши источники познаній по географіи Россіи. Вѣдь далекія наши вла-

дѣнія не клочокъ земли, ничего не стоющій, о которомъ можно было бы и забыть. Это край, который можетъ дать странѣ громадныя богатства, заслуживающій труда изученія и интереса къ себѣ.

Я коснулся учебниковъ, какъ источниковъ, долженствующихъ считаться наиболѣе вѣрными. О частной литературѣ въ данномъ случаѣ говорить не стоитъ, ибо иначе пришлось бы писать цѣлые томы.

Въ одинъ прекрасный моментъ человѣкъ съ такимъ знаніемъ далекой окраины назначается туда на административную должность, и въ результатѣ—тотъ развалъ, который существуетъ сейчасъ на нашихъ берегахъ Тихаго и Ледовитаго океановъ, то полное незнакомство съ жизнью края, о которомъ Реклю говоритъ: «... изъ всѣхъ частей Сибири ни одна не осталась болѣе чуждой славянскому міру, несмотря на завоеваніе ея Русскими... чѣмъ Чукотскій полуостровъ и Камчатка». Слова того же Реклю о Петропавловскѣ,—«...одинъ изъ этихъ маленькихъ заливовъ есть знаменитая губа Авачинская, одна изъ бухтъ оспаривающихъ у Ріо-де-Жанейро и С.-Франциско право на званіе *лучшаго порта* въ свѣтѣ»,—лишній разъ иллюстрируютъ наше нежеланіе знать то, что мы имѣемъ, нежеланіе дать къ тому подходящія средства и цѣлесообразную постановку дѣла изученія своей страны.

При составленіи своей книги я не задавался мыслью дать обществу серьезный научный трудъ; я хочу только, чтобы рядъ написанныхъ очерковъ, высказанныхъ мнѣній хоть немного заинтересовалъ общество, привлекъ бы его вниманіе къ далекимъ, забытымъ краямъ. Тогда каждый, кто интересуется этой темой, всегда сумѣетъ найти такой источникъ, который уже будетъ его учить, тогда явится и необходимость въ составленіи книгъ, строго обдуманныхъ, въ опредѣленной системѣ дающихъ человѣку тѣ познанія, которыя нужны для изученія нашихъ далекихъ желанныхъ земель.

Борисъ Горовскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Чукотскій полуостровъ.

I.

Забытая страна.—Чукчи.

«Мыслимъ ли хозяинъ, не знающій своего жилья и что въ немъ имѣется?—Но одинаково странно жить въ краѣ—и не знать его»... Вотъ слова, которыя авторъ одной брошюры поставилъ девизомъ, когда разбиралъ «Наши богатства».

«Странно не знать края»... Да, странно и больно сознавать, что у насъ есть край, на который махнули рукой, который, повидимому, никому не интересенъ.

Отъ пятидесятой до семидесятой паралели сѣверной широты и отъ 110° до 180° долготы лежатъ наши далекія русскія владѣнія—Чукотскій полуостровъ и Камчатка.

Не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ большинство читающей публики живо интересовалось отплытіемъ изъ нашихъ водъ въ далекія, неизвѣстныя скитанія экспедиціи лейтенанта Брусилова; намѣренія экспедиціи, ея цѣль, предстоящія условія плаванія—все это представляло собою массу темъ для разговоровъ, обсужденій, обмѣна мнѣній и т. д., но ни разу не пришлось услышать серьезно поставленнаго вопроса: «А что это за земли, въ которыя

они идутъ, нужно ли ихъ изученіе, что эта экспедиція можетъ дать, стоитъ ли тотъ край такого вниманія?»—Лично меня, какъ человѣка, часто встрѣчавшагося съ лейтенантомъ Брусиловымъ въ далекомъ невѣдомомъ Ледовитомъ океанѣ, изучавшаго вмѣстѣ съ нимъ наши сѣверо-восточныя владѣнія,—именно послѣдній вопросъ заинтересовалъ болѣе, чѣмъ все остальное. Я хочу подѣлиться съ публикой тѣми впечатлѣніями, которыя у меня сохранились отъ недавняго пребыванія на сѣверо-восточныхъ берегахъ Ледовитаго океана, берегахъ нашихъ, русскихъ, но извѣстныхъ любому иностранцу лучше, чѣмъ намъ самимъ.

Далеко за предѣломъ всякой цивилизованной жизни, омываемый холодными темными водами Ледовитаго и Тихаго океановъ, имѣющій въ своей несложной забытой исторіи лишь одно, смутно припоминаемое имя простого казака Дежнева, прозябаетъ въ безпросвѣтной глуши богатѣйшій край—Чукотскій полуостровъ.

Уже простой взглядъ на карту дастъ основаніе предполагать въ нѣдрахъ Чукотскаго полуострова тѣ же богатства, что мы видимъ въ Аляскѣ. Но Американцы на Аляскѣ имѣютъ богато разработанные рудники, имѣютъ вполнѣ оборудованные пути сообщенія; всего въ полутораста миляхъ отъ крайняго восточнаго мыса—Дежнева, гдѣ у насъ ужасающая глушь—на американскомъ берегу имѣется портовый городъ Номъ (Nome). А у насъ... кто-то, когда-то рѣшилъ, что мѣстное населеніе (тѣ же Чукчи, что и на Аляскѣ)—вымирающіе остатки дикарей, а посему не стоитъ-де заботиться ни о нихъ, ни о мѣстности, ими населенной.

Мрачныя, обрывистыя, лишенныя всякой флоры дикія скалы, ограждающія землю отъ нападенія страшнаго тамъ противника-океана, высокія голыя горы, едва видимыя сквозь дымку тумана за грознымъ рядомъ скалъ, долгое время не рождали въ головѣ рѣдкихъ видѣвшихъ ихъ путешественниковъ мысли, что на Чукотскомъ полуостровѣ

Бухта св. Павла.

есть жизнь, хотя и дикая, есть громадныя богатства, нетронутыя рукою человѣка.

Лишь послѣднее время мы начали обращать наши взоры туда, но много раньше насъ познали всю выгоду знакомства съ этимъ краемъ Американцы.

Когда тридцать лѣтъ тому назадъ мы продали Америкѣ за семь съ половиной милiоновъ Аляску, мы не подозрѣвали, что отдали за безцѣнокъ колосальное богатство, такое же, какое можемъ открыть теперь на Чукотскомъ полуостровѣ. Въ этомъ краѣ въ изобилiи водится пушной звѣрь; всѣ мѣха расходятся по всему мiру оттуда; тамъ громадныя стада китовъ, моржей, бѣлыхъ медвѣдей—этихъ цѣнныхъ обитателей моря. Въ нѣдрахъ Чукотскаго полуострова покоится золото, платина, уголь,—все это ждетъ разработки. Всѣ эти богатства, правда, въ слабой степени, кромѣ пушного промысла, эксплоатируются Американцами-хищниками, ибо офицiально имъ, конечно, это не разрѣшается. Но побороть ихъ намъ чрезвычайно трудно. Американцы давно изучили нашъ край, познакомились близко съ населенiемъ, снискали въ немъ къ себѣ большое уваженiе—гдѣ жъ тутъ спорить намъ, которыхъ жители и не знаютъ. Разумѣется, вытѣснить Американцевъ, занять ихъ положенiе, перевести въ свой карманъ всю эксплоатацiю Чукотскаго полуострова,—вотъ насущная задача для Россiи, задача, которую мы должны стремиться выполнить во что бы то ни стало. Но надо помнить, что это работа крайне тяжелая, залогъ успѣха которой зиждется прежде всего на основательномъ изученiи края людьми, которые для этого будутъ посланы туда, и на возможно болѣе популярномъ ознакомленiи съ далекими землями широкой публики.

Мѣстное населенiе—Чукчи (Чаукту, или, какъ они себя называютъ «Туски»)—дикари, мало ушедшiе отъ первобытнаго состоянiя, но привившiе себѣ поверхностно нѣкоторые внѣшнiе признаки цивилизацiи, ведутъ свое происхожденiе отъ монгольскаго племени. У обитателей Чукотскаго полуострова много общаго въ жизни, въ языкѣ съ населенiемъ сѣверныхъ береговъ Америки и Гренландiи;

это подтверждаетъ предположеніе, что по всему побережью Ледовитаго океана населеніе родственно между собой.

Многіе изслѣдователи высказываютъ предположеніе, что нѣкогда Чукчи обитали гораздо южнѣе—въ верхней Монголіи, но постепенно другими народами были оттѣснены къ берегамъ Ледовитаго океана. Въ 1869 году особымъ указомъ строго опредѣлена територія чукотской осѣдлости; на громадномъ пространствѣ въ 704,000 кв. верстъ насчитывается до 4,000 человѣкъ (хотя Реклю считаетъ 12,000—это врядъ ли вѣрная цифра); Чукчи рѣзко раздѣляются на двѣ категоріи: оленные и болѣе осѣдлые. Первые—кочующій народъ, бродящій по всему пространству Чукотскаго полуострова съ огромными стадами оленей; нѣкоторые богатые Чукчи имѣютъ болѣе 2,000 головъ оленей. Осѣдлые Чукчи въ послѣднее время обосновались на прибережной полосѣ; ихъ занятіе—рыболовство, звѣроловство и торговля пушниной.

Эти двѣ категоріи сильно отличаются другъ отъ друга своимъ языкомъ и, вслѣдствіе разницы въ условіяхъ жизни, понятно, и бытомъ, но общія, основныя черты всего ихъ племени одинаковы.

Чукчи по натурѣ очень воинственный и храбрый народъ; условіями своей суровой жизни они отлично закалены противъ всякихъ невзгодъ. Мнѣ пришлось разъ наблюдать, какъ Чукча переноситъ боль. Къ намъ на пароходъ пріѣхалъ молодой Чукча съ товарищемъ, немного говорившимъ по-англійски; отъ этого переводчика узнали мы, что нуженъ докторъ. Когда свели его въ лазаретъ, оказалось, что у перваго подъ мышкой какой-то громадный нарывъ, величиною съ кулакъ, необычайно твердый; докторъ нашелъ необходимымъ немедленно его разрѣзать. Чукча совершенно спокойно это выслушалъ и усѣлся на табуретку. Жутко было смотрѣть, какъ этотъ больной спокойно просидѣлъ болѣе получаса съ поднятой рукой, которую поддерживалъ его товарищъ, пока производилась операція. За все время, пока докторъ очищалъ отъ гноя

большую полость съ разрѣзомъ около шести сантиметровъ длиной, Чукча ни разу не выказалъ и признака боли. Когда операція была окончена, онъ подробно выслушалъ наставленія доктора, что надо дѣлать дальше, потомъ долго благодарилъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ въ свою байдарку и уѣхалъ.

Живутъ Чукчи обыкновенно по пять, шесть семей вмѣстѣ, причемъ самый старшій (или, часто, самый богатый изъ стариковъ) выбирается «тойономъ»—вождемъ и руководителемъ всей общей семьи; такой руководитель пользуется громаднымъ уваженіемъ и авторитетомъ, образовавшаяся подъ его начальствомъ большая семья живетъ своей отдѣльной жизнью, но живетъ всегда безъ всякихъ распрей и раздоровъ.

Чукчи крайне гостепріимны, сильно развита въ нихъ любовь къ дѣтямъ. Я ни разу не наблюдалъ, чтобы Чукча не только наказалъ своего ребенка, но даже прикрикнулъ на него; они буквально обожаютъ дѣтей и сильно балуютъ ихъ.

Можно привести интересный примѣръ рѣдкой для дикаря привязанности матери къ ребенку. Лѣтъ тридцать тому назадъ посѣтившимъ Чукотскій полуостровъ лицомъ была вывезена въ Россію дѣвочка 3—4 лѣтъ; далѣе ребенокъ былъ отданъ въ одинъ изъ институтовъ. Дѣвочка обѣщала быть очень интересной, что и исполнилось, когда она, кончивъ институтъ, стала взрослой барышней, скоро вышедшей замужъ. Мать этой дѣвочки жива и, узнавъ, что ея дочь гдѣ-то въ Россіи, пришла два года тому назадъ на русскій пароходъ, гдѣ говорила, что собирается ѣхать въ Россію отыскивать свое дитя, на что уже у нея скоплены деньги. При этомъ она торжественно показывала серебряный рубль.

Одежда Чукчей состоитъ исключительно изъ звѣриныхъ шкуръ (большею частью — оленьихъ), примитивнымъ способомъ сшитыхъ на подобіе платья и надѣваемыхъ мѣхомъ внутрь, прямо на тѣло; снимаетъ Чукча свою одежду лишь тогда, когда она окончательно износилась и

требуетъ замѣны новой. Пищей этимъ дикарямъ служитъ главнымъ образомъ сырая рыба, а однимъ изъ лучшихъ деликатесовъ—сырыя же внутренности кита или моржа, обильно приправленныя китовымъ жиромъ. Еще три года тому назадъ одному изъ Европейцевъ, путешествовавшихъ вмѣстѣ со мною по чукотскимъ деревнямъ, было предложено радушными хозяевами слѣдующее блюдо: смѣсь изъ внутренностей моржа и рыбы, съ большимъ количествомъ рыбьихъ головъ (что считается особымъ лакомствомъ); приправлено все это было моржовымъ и китовымъ жиромъ. Моются Чукчи всегда собственной м...й; я предложилъ разъ одной чукотской дѣвушкѣ кусокъ мыла, показавъ на ея собственной рукѣ, какъ надо употреблять его; Чукчанкѣ это мытье какъ будто очень понравилось, по крайней мѣрѣ, она смѣялась отъ души, но только я успѣлъ отвернуться на одну минуту, какъ уже половина куска была... ею съѣдена.

У Чукчей до сихъ поръ еще сохранились такіе обычаи старины, какъ умерщвленіе стариковъ. Очень часто, когда Чукча начинаетъ чувствовать, что вслѣдствіе своей старости уже становится въ тягость другимъ, онъ проситъ, чтобы его убили; обыкновенно это долженъ сдѣлать собственный сынъ или ближайшій родственникъ, и отказать старику въ такой просьбѣ считается преступленіемъ. Трупы Чукчи часто сжигаютъ или выставляютъ на деревянномъ помостѣ для растерзанія хищнымъ птицамъ; хотя теперь уже, мало-по-малу, исчезаютъ эти старинные обычаи. Чукчи обращены въ христіанство, но, разумѣется, ученіе это имъ незнакомо; насколько они понимаютъ христіанство, можно себѣ представить хотя бы по тому, что, среди изображеній своихъ боговъ есть у нихъ и изображеніе того Бога, о Которомъ имъ говорили—просто они нѣкоторыя основы христіанскаго ученія перевернули на свой ладъ.

У Чукчей въ полной мѣрѣ сохранились жертвоприношенія животныхъ и шаманство. Хотя у нихъ существуютъ особые исполнители этого обряда, такъ сказать, верховные шаманы, но и кромѣ нихъ шаманить можетъ каждый

Чукча. У Тапа есть прекрасное описаніе этого обряда. Онъ приводитъ примѣръ шаманства для умилостивленія бога вьюги, при чемъ дословно переводитъ ихъ заклинанія:

«Уквунъ (имя Чукчи) снялъ бубенъ, испробовалъ звонкость оболочки колотушкой изъ китоваго уса и приготовился приступить къ священнодѣйствію. Обѣ лампы были погашены и въ пологѣ было темно, какъ въ гробу; но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный звукъ колотушки раздавался какъ набатъ. Уквунъ надрывался отъ усердія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложные напѣвы: подражалъ храпу моржа и клекоту орла, рычалъ медвѣдемъ и гоготалъ гагарой, завывалъ въ унисонъ вьюгѣ, бушевавшей на дворѣ. Но напрасно слушатели кричали:—«Гычь, гычь! Правда»,—поощряя его и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь выставить передъ призываемыми духами его силу въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ. Духи бури, пролетавшей мимо, не обращали, повидимому, никакого вниманія на его призывъ и никакъ не хотѣли задержаться на минуту и откликнуться. Быть можетъ, имъ хотѣлось еще потѣшиться надъ беззащитной тундрой, и они не одобряли затѣи Уквуна, клонившейся къ ихъ умиротворенію.

— «Э-ге-ге-ге-гей! Гей, Гей!..»—протянулъ наконецъ Уквунъ.—«Гей, Гей! Я человѣкъ, я ищущій, я зовущій»...

Онъ рѣшилъ отъ простыхъ напѣвовъ перейти къ заклинаніямъ, которыя считаются гораздо болѣе дѣйствительными.

— «Маленькая рыбка Векапъ...»—запѣлъ онъ громкимъ и протяжнымъ речитативомъ.

— «Гей, гей. Выросла и стала больше кита. Гей! Она лежитъ среди открытаго моря; шея ея стала какъ островъ, спина ея вытянулась материкомъ. Гей, гей, гей! Если ты, пролетая, задѣлъ концомъ крыла за землю Люренъ, дай отвѣтъ».

Но буря опять пролетала мимо, не откликаясь на призывъ.

— «Надъ истокомъ бѣгущей воды, на вершинѣ бѣлаго хребта, у гремящаго ледника живетъ молнія, мать горнаго

542677

эхо; она летаетъ по небу, гремя желѣзными крыльями... Изъ-подъ ногъ ея брыжжетъ алый огонь... Если ты вылетѣлъ изъ ея узкихъ ущелій, дай отвѣтъ.

Но отвѣта не было попрежнему...»

Это описаніе даетъ характерную картину обрядовъ Чукчей.

Живутъ Чукчи почти исключительно звѣроловствомъ, сбытомъ пушнины, ниже стоитъ моржовый промыселъ. Всѣ Чукчи прекрасные моряки; на своихъ небольшихъ байдаркахъ изъ кожи моржа Чукчи не знаютъ страха передъ какой бы то ни было непогодой. Вооружены они привозимыми Американцами винчестерами. Каждый Чукча уже съ дѣтства—великолѣпный стрѣлокъ.

Я говорилъ лишь о чертахъ ихъ дикаго состоянія. Но какой рѣзкій, въ первый моментъ трудно укладывающійся въ головѣ, контрастъ составляютъ со всѣмъ этимъ зачатки культуры, привившіяся въ какой-то безпорядочной, безсистемной формѣ! На моихъ глазахъ за послѣдніе два года почти всѣ прибрежныя деревни Чукчей промѣняли свои грязные шатры изъ шкуръ животныхъ—на чистенькіе деревянные домики съ желѣзной крышей, печами, настоящими стеклами и т. д.

Въ бухтѣ Провидѣнія Чукчи пріобрѣли двѣ моторныхъ шхуны, научились сами справляться съ моторами, и теперь имѣютъ собственный каботажъ между деревнями; у нихъ начинаютъ появляться новѣйшія приспособленія и орудія лова морскихъ животныхъ, появляются прекрасныя гарпунныя пушки для боя китовъ и т. д. Всего забавнѣе, что почти въ каждомъ домикѣ у Чукчи можно услышать грамофонъ. Но все это какъ-то странно укладывается у нихъ наряду съ прочно держащимися дикими, первобытными правами, ужасающей грязью, страшными болѣзнями (почти всѣ Чукчи больны сифилисомъ, и, конечно, вслѣдствіе полнаго отсутствія какого бы то ни было леченія, эта болѣзнь свила себѣ въ средѣ полу-дикарей прочное гнѣздо).

Но разъ Чукчи восприняли хоть нѣкоторыя проявленія цивилизаціи, правда лишь тѣ, которыя имъ оказались

У береговъ Чукотскаго полуострова.

необходимыми, или просто интересными, значитъ они способны къ воспринятію и болѣе серьезныхъ основъ культуры. Чукчи не питаютъ никакой вражды къ иноплеменникамъ, охотно перенимаютъ отъ нихъ многое, что имъ предлагаютъ. Но вслѣдствіе того, что народъ этотъ никому не интересенъ, имъ серьезно и не занимались. Все, что Чукчи имѣютъ, исходитъ отъ Американцевъ, а тѣ, разумѣется, заботятся объ этомъ народѣ и цивилизуютъ его лишь постольку, поскольку это имъ выгодно.

II.

Мы и Американцы.

Чукотскій полуостровъ такъ же дикъ своей природой, какъ и жизнью своихъ обитателей. Крайне суровый климатъ (снѣгъ, выпадая въ октябрѣ, сходитъ лишь въ началѣ іюня; температура лѣтнихъ мѣсяцевъ, іюля и августа +3—4!), отсутствіе какой-либо растительности, кромѣ травы и низкаго кустарника по склонамъ горъ, полная неспособность земли вырастить какія бы то ни было овощи,—все это ставитъ край въ положеніе дикой, глухой земли.

Но зато та же земля скрываетъ въ себѣ громадныя богатства; образованіе земныхъ породъ въ этомъ краѣ совершенно то же, что и на Аляскѣ, которая своимъ значеніемъ для Америки, въ смыслѣ эксплоатаціи богатствъ, достигла значенія, не уступающаго Калифорніи. Но Американцы сумѣли перенести цивилизацію даже въ такое глухое мѣсто, какъ и нашъ Чукотскій полуостровъ. Приспособиться можно къ какой угодно дикой жизни,—Американцы блестяще доказали это. На Аляскѣ, не говоря уже о рудникахъ, разработанныхъ согласно новѣйшимъ требованіямъ техники, находятся два портовыхъ города: Номъ и Кларенсъ, своимъ благоустройствомъ отвѣчающіе самымъ строгимъ требованіямъ.

Какъ больно становится, когда вспомнишь, что все это находится въ какихъ-нибудь трехстахъ верстахъ отъ нашихъ владѣній!

На весь Чукотскій полуостровъ, который могъ бы свободно помѣстить въ себѣ Францію, имѣется лишь 10—12 человѣкъ интелигенціи, включая въ это число фельдшера, завѣдующаго магазиномъ и т. п. Мѣстная администрація—два уѣздныхъ начальника, одинъ помощникъ и семь человѣкъ нижнихъ чиновъ, которые тамъ почему-то изстари называются «казаками».

Въ юго-западномъ углу Чукотскаго полуострова вливаетъ свои воды въ Берингово море громадная рѣка Анадырь, въ устьѣ которой расположенъ постъ Ново-Маріинскъ, гдѣ лѣтомъ живетъ начальникъ Анадырскаго уѣзда. Этотъ постъ представляетъ собою маленькій поселокъ съ пятью жилищами. Я употребляю именно это слово потому, что назвать предназначенныя для жилья берлоги домами—никакъ нельзя. Наиболѣе комфортабельнымъ жильемъ считается тамъ палатка; одна изъ палатокъ имѣетъ на своей вершинѣ крестъ, рядомъ стоятъ два столба, на которыхъ подвѣшены колокольчики, это—православная церковь. На зиму все населеніе поста перекочевываетъ въ селеніе Марково, находящееся на рѣкѣ Анадырь, въ 800 верстахъ отъ устья. Марково уже нѣсколько лучше приспособлено для жизни, но и оно стоитъ, конечно, ниже любого самаго глухого села Европейской Россіи. Названными двумя пунктами и исчерпываются всѣ наши попытки къ «благоустроенному» житью въ краѣ. О какихъ бы то ни было рудникахъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи; нѣтъ и намека на ихъ существованіе. Покой золота нами совершенно не нарушается.

Американцы, видя наше полное нежеланіе приняться за цивилизацію края, наше отчаянное равнодушіе къ его существованію, разумѣется, воспользовались этимъ въ полной мѣрѣ. Они хозяйничаютъ на Чукотскомъ полуостровѣ какъ и сколько имъ угодно. Я говорилъ уже, что всѣ богатства уходятъ въ ихъ руки; это—результатъ той системы, которую они примѣняютъ при эксплоатаціи любой

колоніи. Они тщательно изучаютъ край, подробно знакомятся со всѣми его данными, знакомятся съ населеніемъ, его нуждами и правами; они «приручаютъ» мѣстныхъ жителей, стараясь все время итти навстрѣчу ихъ желаніямъ, внося въ ихъ жизнь нѣкоторыя основы культуры. Чукчи ясно видятъ, что все, предлагаемое имъ Американцами, не только полезно, но дѣйствительно необходимо. Вся жизнь Чукчей зависитъ отъ боя звѣрей, морскихъ животныхъ,—Американцы привозятъ имъ прекрасныя ружья, орудія охоты.

Чукчамъ нужны средства сообщенія по побережью,—тѣ же Американцы даютъ имъ моторныя шхуны, обучаютъ ихъ управлять машинами и т. д.

Американцамъ, конечно, слишкомъ выгодно, чтобы всѣ улучшенія въ бытѣ Чукчей, весь маленькій прогрессъ этого народа шелъ отъ нихъ. Во-первыхъ, Чукчи вынуждены платить за самыя необходимыя вещи столько, сколько Американцы захотятъ, а, во-вторыхъ, для Америки очень «удобно», что Чукчи видятъ возможность прогреса исходящей лишь отъ нея, а не отъ Россіи; Чукчи относятся буквально снисходительно къ Русскимъ, какъ къ людямъ, которые имъ ничего новаго дать не могутъ.

Были попытки заводить на Чукотскомъ полуостровѣ склады съ необходимыми для Чукчей вещами. Но эти склады обычно имѣли все, что угодно—до духовъ включительно, но только не то, что надо Чукчамъ. Были склады у прекратившей еще въ 1909 году свое существованіе одной компаніи по разработкѣ золота, имѣется и по сейчасъ на посту Дежнева складъ торговаго дома Чурина, устраиваются казенные склады, но все это не то, что надо. Именно можно сказать, что всѣ эти склады «слышали звонъ, да...». Зато какъ только гдѣ-нибудь появляется американскій магазинъ, Чукчи сейчасъ же идутъ туда, минуя Русскихъ—настолько прочно ихъ довѣріе къ Американцамъ. Теперь Американцы изгоняются изъ нашихъ краевъ; изгнали ихъ изъ Ново-Маріинска, съ поста Дежнева. Но что принесетъ такая мѣра? Чукчи будутъ лишены тѣхъ необходимыхъ

вещей, которыя они получали отъ Американцевъ, а мы, при существующей организаціи дѣла, имъ ничего полезнаго не дадимъ.

Если какъ слѣдуетъ ознакомиться съ основными требованіями Чукчей, съ ихъ нуждами, если подготовить людей, знающихъ эти нужды, приготовить склады, установить и организовать правильный доступъ необходимыхъ товаровъ, тогда съ легкимъ сердцемъ можно гнать Американцевъ и поставить Русскихъ. Но нужно, чтобы Чукчи сразу увидѣли, что мы имъ предлагаемъ лучшее, чѣмъ они имѣли отъ Американцевъ. Я говорю именно «лучшее» потому, что если мы сейчасъ, изгнавъ Американцевъ, дадимъ только то, что давали они—трудно будетъ завоевать довѣріе къ себѣ, ибо слишкомъ ужъ глубоко сидитъ въ Чукчахъ убѣжденіе, что мы въ сравненіи съ Американцами—ничто. У Чукчей сильно развито предубѣжденіе противъ нашей способности быть имъ не только необходимыми, но и полезными.

Съ 1910 года Американцамъ запрещено появляться на своихъ шхунахъ въ нашихъ водахъ; поэтому, каждый, нарушившій это правило, именуется уже «хищникомъ». Сути дѣла этотъ законъ, конечно, не измѣнилъ: раньше Американцы хозяйничали открыто, теперь—подъ названіемъ «хищникъ». А кто же можетъ бороться съ ними? На всѣхъ хищниковъ «стража» состоитъ лишь изъ семи «казаковъ» да маленькой тихоходной шхуны въ распоряженіи чукотскаго уѣзднаго начальника. Очевидно, при такихъ условіяхъ охраны никакого надзора за дѣяніями Американцевъ быть не можетъ.

Результатъ всего описаннаго тотъ, что населеніе крайне привыкло къ Американцамъ, привыкло обращаться къ нимъ за малѣйшей помощью, пріучилось уважать ихъ, твердо зная, что тѣ всегда помогутъ Чукчамъ всѣмъ, чѣмъ нужно. Чукчи, не имѣя ни малѣйшаго представленія о русскомъ языкѣ, почти всѣ говорятъ по-англійски. И больно становится русскому человѣку, когда видишь всюду, въ мельчайшихъ намекахъ на цивилизацію, безпорядочно разсыпан-

ныхъ среди мѣстныхъ жителей, лишь имя давшаго эти крохи: «Америка», когда вынужденъ говорить съ Чукчей по-англійски, когда видишь на себѣ взглядъ Чукчи, обращенный на Русскаго, какъ на чужого, невѣдомаго, ненужнаго ему человѣка.

III.

Въ пути.—Ново-Маріинскій постъ.

Подходилъ къ концу девятый день нашего томительнаго плаванія въ открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ.

Устье рѣки Анадырь.

Несмотря на то, что была только середина октября, въ далекомъ Берингoвомъ морѣ уже начали свирѣпствовать осенніе штормы съ ихъ пронизывающимъ холодомъ, пургой и бѣшеной, неутомимой качкой.

На разсвѣтѣ мы увидѣли покрытые первымъ снѣжнымъ пухомъ берега Анадырскаго лимана. Лиманъ этотъ сильно даетъ себя чувствовать своими мелями уже за сорокъ миль до входа въ рѣку: командный персоналъ парохода становится серьезнѣе, чаще посматриваетъ на карту, не отрываетъ глазъ отъ бинокля, устремленнаго на ме-

дленно открывающіяся за туманомъ очертанія негостепріимнаго берега. Лоцмановъ никакихъ здѣсь нѣтъ—приходится итти крайне осторожно, медленно пробираясь среди разбросанныхъ могучей рѣкой безконечныхъ мелей—«банокъ», какъ называютъ ихъ моряки.

— Ну, вотъ и ходъ уменьшили... Смотрите, и чего это мы кружимъ все время... Охъ, какъ бы не выскочить куда-нибудь,—слышатся недовольные голоса пасажировъ, жаждущихъ какъ можно скорѣе выбраться на сушу.

Нѣтъ нужды, что послѣзавтра опять надо идти дальше, опять «кружить» по лиману и опять проклинать вѣтеръ и холодъ, превращающіе палубу въ катокъ, на который то и дѣло попадаютъ сорванные налетѣвшимъ шкваломъ гребни крутыхъ волнъ. Объ этихъ непріятностяхъ забыли; голова занята лишь одной мыслью—какъ можно скорѣе, сейчасъ, сію минуту почувствовать подъ ногами землю.

«И кто меня, спрашивается, неволилъ пускаться въ такое путешествіе?..»—слышу за собой ворчливый голосъ. Оборачиваюсь—стоитъ мой визави по столу за обѣдомъ. Онъ всю дорогу привлекалъ мое вниманіе. Высокій плотный мужчина лѣтъ сорока, съ простыми чертами лица, обыкновенной русой бородой, акуратно причесанной, но безъ претензіи на что-нибудь «парикмахерское»,—онъ невольно заставлялъ меня вглядываться въ его выразительные, красивые глаза. Одѣтъ онъ былъ очень чисто, но просто. Очень мало говорилъ вообще, а о себѣ никогда ничего не разсказывалъ. Я же, какъ онъ ни интересовалъ меня, стѣснялся его разспрашивать.

— А развѣ вы поневолѣ ѣдете?—спросилъ я въ отвѣтъ на его ворчаніе.

— Если хотите—да,—усмѣхнулся мой собесѣдникъ.—Я, видите ли, нашелъ на Анадыри, въ четырехъ верстахъ отъ устья, залежи платины и золота. Сдѣлалъ заявку, теперь хочу разрабатывать.

Я высказалъ свое удивленіе по поводу того, что не вижу ни его рабочихъ, ни какихъ-либо инструментовъ для разработки золота.

— Э, батенька, плохо вы знаете наши порядки. Я долженъ за эту зиму только произвести развѣдку, представить результатъ ея, а вотъ на будущій годъ можно и рабочихъ везти.

— Да вѣдь вы такъ теряете два года прибыльной работы?

— Что жъ подѣлать,—развелъ онъ руками,—волокита... Вотъ зиму какъ-нибудь проживу съ тремя людьми, а тамъ, что Богъ дастъ, пока вчетверомъ поработаемъ.

— Да какъ же вы жить будете? Вѣдь тамъ никакихъ построекъ нѣтъ?

Онъ молча показалъ рукой на носовой трюмъ. Тамъ я увидѣлъ груду гофрированнаго оцинкованнаго желѣза и нѣсколько деревянныхъ стропилъ. Этотъ человѣкъ собирался прожить суровую зиму съ тридцатипяти-градусными морозами подъ защитой желѣзнаго, кое-какъ собраннаго сарая. Ему предстояло всю зиму просидѣть на однихъ консервахъ, да еще работать, чтобы представить результатъ развѣдки.

— Ну, знаете,—отвѣтилъ я,—хуже трудно себѣ что-нибудь представить.

— Да... хотя бывало и хуже,—оборвалъ онъ вдругъ разговоръ и отошелъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что онъ русскій эмигрантъ изъ Америки, работалъ на Аляскинскихъ золотыхъ пріискахъ; тамъ его обокрали, остался безъ копѣйки. Два года тому назадъ пошелъ на американской хищнической шхунѣ къ нашимъ берегамъ, набрелъ на участокъ золота, но попался. Теперь, отсидѣвъ положенное, онъ, въ компаніи еще троихъ такихъ же неудачниковъ, рѣшилъ заняться разработкой золота легально, сдѣлавъ на этотъ участокъ заявку.

Послѣ нашего разговора я невольно задумался, представляя себѣ всѣ тяжелыя условія жизни, которыя ему предстоятъ. Начать съ того, что не легко добраться до этого участка. Въ устьѣ Анадыри надо высадиться и прожить въ какой-нибудь холодной, грязной чукотской лачугѣ добрый мѣсяцъ, пока установится снѣгъ; тогда можно

добраться на собакахъ. Или же, если не выжидать этого времени, придется подниматься вверхъ по быстрому теченію рѣки на шлюпкѣ. Это путешествіе прямо ужасно. Открытая, низкобортная чукотская шлюпка не предохранитъ въ пути ни отъ вѣтра, ни отъ снѣга. Вода въ это время года уже покрывается по ночамъ корочкой льда, что сильно затрудняетъ движеніе шлюпки, влекомой вдоль берега бичевой, въ которую впряжены 8—10 собакъ. Часто приходится останавливаться, чтобы дать отдохнуть собакамъ, или просто размять ноги. Переѣздъ на лодкѣ до его участка занялъ бы недѣли двѣ. Двѣ недѣли на открытомъ воздухѣ, въ холодъ, въ пургу, не имѣя возможности переодѣться, когда отъ срываемыхъ вѣтромъ брызгъ промокаетъ платье, безъ горячей пищи, безъ моціона! Какое здоровье надо имѣть, чтобы перенести безнаказанно такое испытаніе! А уѣхать раньше изъ Владивостока, чтобы поспѣть на участокъ въ теплое время, нельзя было.

— Въ областномъ правленіи не были готовы необходимые документы. Я клянчилъ, просилъ поторопиться— ничто не помогло. Какое имъ дѣло до морозовъ; они воображаютъ, что вездѣ—Ницца.

Да, нелегко при такихъ условіяхъ работать.

А что предстоитъ зимой? Голое мѣсто, которое покрывается снѣгомъ, иногда аршина на два—три, постоянные вѣтры, несущіе крѣпкія, острыя снѣжинки, которыя пребольно впиваются въ кожу, сильные морозы, продолжающіеся съ ноября по май,—вотъ какъ встрѣтитъ природа человѣка, рѣшившагося на эту жизнь.

Въ тѣсной, низкой лачугѣ изъ жести, невыносимо душной отъ чадящаго камелька, покрытой по стѣнамъ толстымъ слоемъ инея, вздрагивающей каждый разъ отъ пронесшагося порыва вѣтра, которымъ, кажется, вотъ-вотъ снесетъ ее, какъ пушинку,—надо сидѣть все время въ шубѣ. Изъ каждой щели, изъ каждаго угла задуваетъ снаружи пушинки снѣга; кругомъ свиститъ, воетъ вѣтеръ, точно хочетъ сорвать на жалкой горсти полузамерзшихъ людей всю свою злобу...

При одной мысли обо всемъ этомъ, заранѣе откажешься и отъ золота, и отъ денегъ, лишь бы не испытать всего ужаса такой дикой жизни далекаго сѣвера.

Когда мы подходили къ Ново-Маріинскому посту, насъ поразило, что, несмотря на нашъ большой ходъ, мы все же двигались крайне медленно. Оказалось, что въ этомъ мѣстѣ скорость теченія рѣки доходитъ до 6—7 узловъ, на обыкновенномъ языкѣ это значитъ 9—10 верстъ въ часъ.

Упряжка грузовой нарты.

Наконецъ пароходъ нашъ остановился, «отдали якорь», пасажиры, жаждавшіе поскорѣе ступить на что-нибудь болѣе надежное, чѣмъ танцовавшая послѣдніе четыре дня палуба парохода, приготовились съѣхать на берегъ. За какую-нибудь версту отъ парохода виднѣлась низкая песчаная коса, съ разбросанными маленькими домишками и массой бѣлыхъ палатокъ. На одной изъ крышъ развѣвался флагъ. Въ первый моментъ при видѣ такой картины всѣ мы были очень разочарованы, ожидая отъ «поста» много большаго, но потомъ, вспомнивъ только что кончившееся путешествіе, рѣшили, что «каковъ ни есть берегъ— все-жъ земля».

187

Какъ только спустили трапъ и подвели къ нему шлюпку, всѣ бросились было садиться въ нее, но сейчасъ же остановились въ нерѣшительности, снизу, съ трапа, кто-то даже крикнулъ:

— Стойте, стойте, нельзя садиться, пароходъ идетъ еще.

Дѣло въ томъ, что вокругъ цѣпко державшейся за трапъ шлюпки, съ громадной быстротой стремилась вода, подъ носомъ бурлила пѣна и, дѣйствительно, въ первый моментъ все это производило такое впечатлѣніе, что шлюпка вмѣстѣ съ пароходомъ идетъ быстрымъ ходомъ впередъ.

Когда всѣ разсѣлись, насъ сразу подхватило теченіемъ и черезъ нѣсколько секундъ мы уже оказались далеко позади парохода. Матросы сѣли за весла, и понемногу шлюпка наша начала приближаться къ берегу. Но первая попытка высадиться оказалась неудачной, потому что мы не приняли въ должной степени во вниманіе теченія и очутились много ниже того мѣста, гдѣ предполагали сойти на берегъ.

Навстрѣчу намъ уже двигалось по косѣ все населеніе поста: начальникъ уѣзда съ женой, его помощникъ, семь человѣкъ «казаковъ» и около двадцати Чукчей.

Кстати о «казакахъ». Изъ коренныхъ Камчадаловъ, уже теперь совершенно обрусѣвшихъ, набираются для поддержанія порядка нижніе чины, которые почему-то называются «казаками». Это очень низкорослый, неуклюжій народъ, на видъ очень слабенькій. Придумали имъ форму съ красными погонами, они крайне гордятся этимъ. Функціи они исполняютъ самыя разнообразныя: изображаютъ собою мѣстное войско, вооруженное кто—дробовикомъ, кто—берданкой, полицію сухопутную и морскую (въ ихъ распоряженіи шлюпки); на посту имѣется метеорологическая наблюдательная будка—«казаки» ведутъ наблюденія, мѣстная «почтовая контора» обслуживается ими же.

Познакомившись съ начальникомъ уѣзда, мы двинулись къ нему.

— Вы простите, господа, я не могу васъ принять какъ слѣдуетъ, палацо мой ужъ очень примитивенъ, да что по-

дѣлаешь—пять лѣтъ все обѣщаютъ новый построить,—обратился онъ къ намъ.

— А гдѣ же вашъ домъ?

— А вонъ, видите, съ флагомъ на крышѣ.

Дѣйствительно, «домъ» оказался очень невзрачнымъ. Кое-какъ сколоченный изъ досокъ сарай, обтянутый весь толемъ и покрытый смолой, съ маленькими окошечками, въ которыхъ часть стеколъ замѣнена бумагой и кусками жести, онъ своимъ чернымъ цвѣтомъ и видомъ избушки бѣднѣйшаго крестьянина въ деревнѣ производитъ очень

Постъ Ново-Маріинскъ.

грустное впечатлѣніе, въ особенности, когда вспомнишь, что это жилище главнаго представителя власти и администраціи для всего края.

— Мы сначала посмотримъ мою хату, а потомъ перейдемъ въ палатку,—продолжалъ уѣздный начальникъ.—Я буду очень радъ поболтать, вѣдь цѣлый годъ не видѣлъ свѣжихъ людей.

Вошли внутрь; низкіе потолки, двѣ небольшія клѣтушки, по стѣнамъ оклеенныя газетной бумагой—это и пріемная, и столовая, и спальня, и кабинетъ.

Рядомъ съ домомъ стоитъ чистенькая, большая палатка. Тамъ очень любезно намъ предложили чаю, нашлись также ромъ и коньякъ.

Разговоръ вертѣлся, конечно, около жизни на Чукотскомъ полуостровѣ. Большинство изъ насъ были здѣсь въ первый разъ и съ большимъ интересомъ слушали разсказы радушныхъ хозяевъ.

Начальникъ уѣзда, бывшій офицеръ С., живетъ на посту уже шесть лѣтъ, ни разу за все время не выѣзжая изъ края. Когда я услышалъ это—у меня прямо морозъ по кожѣ прошелъ. Шесть лѣтъ безвыѣздно жить въ этомъ ужасномъ своей дикостью мѣстѣ, жить въ такихъ условіяхъ полудикаря! А этотъ человѣкъ не жалуется, не сѣтуетъ, говоритъ, что вполнѣ свыкся съ такимъ положеніемъ, привыкъ и къ этой жизни и къ Чукчамъ.

— Да что я,—улыбнулся намъ въ отвѣтъ С.—Вотъ, посмотрите, мой помощникъ тридцать пять лѣтъ уже живетъ исключительно въ этихъ краяхъ, изъ нихъ послѣдніе пятнадцать лѣтъ на посту. А попробуйте ему предложить уѣхать отсюда—ни за что не согласится.

Изъ какого-то особеннаго тѣста долженъ быть сдѣланъ человѣкъ, чтобы примириться съ подобной жизнью, навсегда оторвать себя отъ культуры и оставаться еще при этомъ довольнымъ, удовлетвореннымъ и жизнерадостнымъ.

Съ какими невѣроятными способностями человѣка «акклиматизироваться» въ какой угодно жизни, въ любыхъ условіяхъ, приходится сталкиваться иногда во время путешествій.

Въ первый моментъ моего знакомства съ начальникомъ уѣзда Чукотскаго полуострова я невольно смотрѣлъ на него, какъ на человѣка совершенно другого какого-то міра, ничего общаго съ нашимъ обыкновеннымъ культурнымъ не имѣющаго. Но когда, вмѣстѣ съ другими пасажирами—моими товарищами по путешествію въ сѣверныхъ земляхъ, я сидѣлъ на посту Ново-Маріинскъ въ уютной, чистенькой палаткѣ, когда завязался оживленный разговоръ, когда радушно принявшіе насъ хозяева заняли всѣхъ крайне

интересными разсказами изъ мѣстной дикой жизни — я готовъ былъ забыть, что передо мной сидитъ человѣкъ, уже шесть лѣтъ не видѣвшій ничего, кромѣ Чукотскаго полуострова и Чукчей.

Разумѣется, мы засыпали хозяевъ всевозможными вопросами. Меня лично очень интересовала наша торговля въ краѣ.

— Скажите?—спросилъ я начальника уѣзда,—вотъ вы живете уже шесть лѣтъ здѣсь—много ли на вашихъ глазахъ ушло нашихъ богатствъ къ иностранцамъ?

— Я считаю, что, по меньшей мѣрѣ, восемьдесятъ процентовъ. Вѣдь, посудите сами: за все время моего пребыванія я видѣлъ только двухъ русскихъ скупщиковъ, да и то не изъ крупныхъ; остальные—все представители иностранныхъ фирмъ. Я объясняю это лишь недостаткомъ энергіи у нашихъ капиталистовъ. Любой иностранецъ пріѣзжаетъ сюда съ очень большими запасами товаровъ, не боится ни разстоянія, ни климата. Просидитъ онъ здѣсь зиму, вымѣняетъ все, что есть, на пушнину, на слѣдующій годъ является опять; Чукча уже знаетъ его, самъ идетъ охотнѣе къ старому знакомому, чѣмъ къ новичку. А наши—либо пріѣдетъ съ тѣмъ, что ни одному Чукчѣ не нужно, и прогораетъ, либо же, увидѣвъ здѣшнюю суровую жизнь, сразу удираетъ обратно; въ обоихъ случаяхъ онъ ужъ второй разъ ни за что не пріѣдетъ. Смотришь—иностранцы и берутъ верхъ, да надъ нами посмѣиваются.

— Да вотъ вамъ примѣръ: въ прошломъ году пріѣхалъ сюда одинъ молодой комерсантъ. Пріѣхалъ ко мнѣ, заявляетъ, что рѣшилъ мѣха покупать. «Ну, что-жъ», думаю, «слава Богу, хоть одинъ нашелся». Только поразило меня, что мало что-то у него товара, но ничего его не спросилъ. На другой день спрашиваетъ меня, хороша ли тутъ охота; «отличная» говорю, «надо только немного вверхъ подняться по рѣкѣ». Поохотился онъ, четыре дня пропадалъ, потомъ вдругъ, какъ пошелъ пароходъ обратно—онъ на немъ и укатилъ. Что ему не понравилось—не знаю, вѣрно погода не угодила.

— Постойте,—перебилъ я хозяина,—не на пароходѣ ли «Н...» онъ былъ?

— А вы его знали?

— Видите ли,—продолжалъ я,—на «Н...» былъ одинъ субъектъ, очевидно тотъ самый, про кого вы разсказываете; онъ, пока жилъ въ Питерѣ, самымъ искреннимъ образомъ былъ увѣренъ, что на Камчаткѣ соболя бѣгаютъ, какъ у насъ собаки—любого бери и веди къ себѣ. Когда я былъ съ нимъ въ Петропавловскѣ на аукціонѣ бобровъ, онъ глубоко разочаровался, узнавъ, что шкура цѣлаго бобра стоитъ 800—1000 рублей. «А я-то думалъ и правда, здѣсь мѣхъ дешевъ», заявилъ онъ, «думалъ, рублей двадцать, что ли, боберъ, ну пятьдесятъ... зналъ бы, такъ ни за что бы не поѣхалъ».

— А что-жъ,—отвѣтилъ хозяинъ,—вѣдь и правда, въ Россіи, поди, многіе думаютъ, что здѣсь можно китовъ прямо неводомъ ловить, а бѣлые медвѣди, какъ коровы—стадами пасутся.

Разговоръ перешелъ на цѣны шкуръ.

Хорошій бѣлый медвѣдь стоитъ здѣсь отъ 50—70 рублей, первосортный песецъ—не дороже двѣнадцати; выдѣлывать шкуры Чукчи совершенно не умѣютъ. Мы подсчитали, что можетъ стоить хорошая дамская горжетка и муфта изъ бѣлыхъ песцовъ, если, скажемъ, изъ Владивостока, отправить выдѣлать въ Москву. Оказалось, что все это обойдется, самое большое, рублей въ 60—70; зато это будетъ гарнитуръ, который стоитъ въ Россіи не меньше двухсотъ, двухсотъ пятидесяти рублей.

Мнѣ хотѣлось поговорить съ казаками и, извинившись передъ хозяевами, я вмѣстѣ съ однимъ изъ нашихъ пасажировъ вышелъ изъ палатки. Къ намъ подошелъ «старшина» казаковъ, нѣчто вродѣ фельдфебеля ихъ. На берегу Чукчи нагружали чѣмъ-то большую шлюпку очень оригинальной постройки; скелетъ шлюпки былъ сдѣланъ частью изъ дерева, частью изъ костей (реберъ) кита, скрѣпленныхъ тонкими кожаными ремешками.

Поверхъ скелета туго натянута шкура моржа. Шлюпки эти чрезвычайно легки и въ умѣлыхъ рукахъ Чукчей разви-

ваютъ иногда хорошій ходъ; единственное сообщеніе по рѣкѣ—эти чукотскія байдарки. Когда я подошелъ, Чукчи какъ разъ возились съ погрузкой своего незамысловатаго скарба, готовясь къ переселенію на зиму въ селеніе Марково. До Маркова идутъ обыкновенно въ такой шлюпкѣ недѣли три, мѣсяцъ. Мнѣ очень хотѣлось попасть въ Марково—эту столицу Чукотскаго полуострова, но, къ сожалѣнію, это было немыслимо, такъ какъ тогда пришлось бы въ немъ зазимовать; поэтому я ограничился выслушиваніемъ разсказовъ и разсматриваніемъ фотографій начальника уѣзда.

IV.

Администрація. – Пушной промыселъ.

О порядкахъ административныхъ въ управленіи Чукотскимъ полуостровомъ можно говорить очень много. Не касаясь личной характеристики нынѣшнихъ представителей администраціи въ этомъ краѣ, опишу вкратцѣ положеніе, въ которое они поставлены.

Условія жизни ихъ таковы, что, поставь туда сейчасъ человѣка хоть семи пядей во лбу, онъ врядъ ли сможетъ проявить тамъ какую-нибудь полезную дѣятельность. Чукотскій полуостровъ раздѣленъ на два уѣзда: Анадырскій и Чукотскій; изъ нихъ болѣе обширный — Анадырскій, который одинъ смѣло вмѣститъ въ себѣ цѣлую Францію.

Начальникъ Анадырскаго уѣзда зимой живетъ въ Марковѣ, переѣзжая на іюль и августъ въ постъ Ново-Маріинскъ, который, какъ я уже говорилъ, расположенъ отъ Маркова въ восьмистахъ верстахъ.

При этомъ не имѣется даже казеннаго катера для передвиженія по рѣкѣ; уѣздный начальникъ долженъ совершать это путешествіе, пользуясь обыкновенными чукотскими шлюпками. Такое милое путешествіе обычно длится три-четыре недѣли, что, конечно, слишкомъ большихъ удобствъ не представляетъ. А переѣзжать необходимо, ибо лѣтомъ вся жизнь Маркова переходитъ на постъ. Заходящіе лѣтомъ два парохода тоже далѣе поста не проходятъ. Помѣ-

щеніе на посту для начальника уѣзда я уже описывалъ. Этотъ сарай обыкновенно не обладаетъ способностью слишкомъ разниться своей температурой отъ окружающаго его воздуха. А природа тамъ неласковая: средняя температура наиболѣе теплыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ около 4—6° тепла. Отъ вѣтровъ же этотъ домишко, расположенный на косѣ, совершенно не защищенъ.

Не знаю, что могло привести въ восторгъ губернатора Камчатки г. Перфильева, когда онъ, войдя въ домъ начальника уѣзда, заявилъ:

— Однако, у васъ тутъ совсѣмъ не такъ плохо... наоборотъ, вы очень мило устроились...

Если это не была самая тонкая насмѣшка, то положительно отказываюсь понять, чѣмъ могло быть вызвано подобное замѣчаніе. А вѣдь найди онъ это помѣщеніе такимъ же отвратительнымъ, какимъ его находятъ всѣ, бывавшіе въ немъ—отъ него въ сильной степени могло бы зависѣть улучшеніе условій жизни на посту.

Изъ тысячи подобныхъ мелочей создается въ общемъ атмосфера тѣхъ условій, той невозможной жизни, въ которой долженъ жить человѣкъ, обязанный, по идеѣ своей службы, очень много и неустанно работать.

Не только лѣтомъ, для обхода побережья, но и зимой для путешествія по ввѣренному краю уѣздному начальнику не дается никакихъ подходящихъ къ тому средствъ. У него нѣтъ ни достаточнаго количества людей, ни возможности получать свѣдѣнія о томъ, что у него въ уѣздѣ дѣлается.

Понятно, что у человѣка, поставленнаго въ подобныя условія жизни, совершенно опускаются руки и нѣтъ желанія что-нибудь дѣлать. Я повторяю, что не хочу въ данномъ случаѣ касаться личной характеристики; мнѣ кажется, что самый энергичный человѣкъ скоро падетъ духомъ и перестанетъ работать потому, что, во-первыхъ, поставленный уже самой отдаленностью края отъ цивилизованныхъ пунктовъ въ положеніе чуть не дикаря, онъ къ тому же еще не имѣетъ самаго необходимаго въ жизни комфорта, а, во-вторыхъ, еще и потому, что, какъ онъ ни пытайся

работать, вся его работа сведется къ какому-то верченію бѣлки въ колесѣ.

На этомъ вопросѣ невольно приходится остановиться, ибо первый, отъ кого потребуется самая большая энергія и работа при насажденіи культуры въ краѣ—это, естественно, начальникъ уѣзда. Мѣстному населенію—Чукчамъ, приходится слишкомъ часто при всякой мелочи сталкиваться близко съ этимъ представителемъ администраціи. Увы, опять и опять приходится брать въ примѣръ Американцевъ, которые въ такомъ же совершенно краѣ, въ такихъ же условіяхъ цивилизаціи дикарей поставили дѣло много иначе. Они требуютъ отъ людей, такъ близко соприкасающихся съ населеніемъ, большой и интенсивной работы, но зато и условія жизни ихъ обставляютъ возможно лучше.

И это первое, о чемъ намъ придется серьезно подумать, если мы захотимъ поставить край такъ, чтобы онъ дѣйствительно приносилъ намъ ту пользу, которую онъ долженъ и можетъ принести.

Въ этомъ году на посту Ново-Маріинскомъ заканчивается постройка станціи безпроволочнаго телеграфа. По всему краю черезъ годъ должны быть станціи, соединяющія мысъ Дежневъ съ Петропавловскомъ, который теперь своимъ телеграфомъ связанъ съ цивилизованнымъ міромъ и съ Сибирью.

Начинаніе хорошее, которое можетъ быть только привѣтствуемо. Такой телеграфной линіи можетъ предстоять громадная будущность, особенно если использовать ее, какъ сообщеніе съ Америкой. Телеграмы, идущія сейчасъ въ Америку по океанскому кабелю черезъ Европу, стоятъ громадныхъ денегъ, тогда какъ тарифъ линіи радіо-телеграфа можетъ быть сдѣланъ несравненно ниже. Естественно, что тогда не къ чему уже будетъ прибѣгать къ помощи кабеля Атлантическаго океана. Сейчасъ слово изъ Владивостока въ Америку стоитъ, въ среднемъ, около рубля; стоимость же слова по такой сѣверной линіи, судя по тарифу уже существующихъ радіо-станцій, можетъ быть оцѣнена въ 10—

15 коп. [1]). Такое преимущество нашей телеграфной линіи можетъ дать очень не маленькій доходъ Россіи, не говоря о томъ, что постоянная связь Чукотскаго полуострова со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ—уже громадная помощь и облегченіе для развитія тамъ какой бы то ни было промышленности.

Сейчасъ способъ сообщенія съ Сѣверомъ—морской—хромаетъ очень сильно. Одна изъ главныхъ причинъ та, что ближайшимъ отправительнымъ пунктомъ для далекаго края служитъ Владивостокъ. Когда мы начнемъ пробуждать въ этомъ краѣ прогрессъ, когда начнется цивилизація его—намъ придется очень сильно считаться съ необходимостью правильнаго и быстраго подвоза всего необходимаго. Естественно, явится вопросъ объ удешевленіи сообщеній, о возможно болѣе быстромъ подвозѣ матеріаловъ. Невольно придется обратиться къ вывозу не изъ Владивостока, а изъ Америки.

Возраженій противъ этого, правда, можетъ быть сдѣлано очень много; ихъ можно заранѣе предвидѣть.

Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ, мы можемъ вытѣснить Американцевъ, только оборудовавъ край, а въ силу этого, пока край не оборудованъ вполнѣ, мы должны не только терпѣть ихъ, но и пользоваться ихъ помощью. Это будетъ много дешевле и удобнѣе для насъ до тѣхъ поръ, пока на пути изъ Владивостока не будетъ порта, который могъ бы служить базою для вывоза товаровъ, базой, удаленной отъ Чукотскаго полуострова настолько, чтобы можно было чаще пускать изъ нея пароходы, чтобы она была главнымъ отправительнымъ пунктомъ. Пока этого нѣтъ — необходимо воспользоваться близостью Америки, изъ которой товары будутъ доходить чаще, быстрѣе и дешевле. Когда я говорилъ о томъ, что мы должны давать Чукчамъ все, что они имѣютъ

---

[1]) Что касается возможности быстрой передачи, то существуютъ приборы, функціонирующіе уже на нѣкоторыхъ станціяхъ Америки и дающіе передачу до 100—120 словъ въ минуту.

отъ Американцевъ—это значитъ, что Чукчи должны привыкнуть имѣть товары изъ нашихъ рукъ; а чьи будутъ эти товары—наши или американскіе—безразлично. Здѣсь приходится руководствоваться только соображеніемъ, что удобнѣе и дешевле доставлять. А пока не будетъ базы, о которой я говорилъ, намъ удобнѣе и дешевле воспользоваться сообщеніемъ отъ близкихъ къ намъ береговъ Америки, и лишь для поддержанія престижа показать, что все проходитъ черезъ наши руки.

Торговля наша на Чукотскомъ полуостровѣ находится пока въ зачаточномъ состояніи.

Ввозная торговля ограничивается, разумѣется, лишь тѣмъ небольшимъ выборомъ товаровъ, которые необходимы исключительно Чукчамъ. Но даже и къ этому небольшому выбору мы не можемъ отнестись внимательно. На всемъ Чукотскомъ полуостровѣ имѣется лишь одинъ магазинъ Чурина, но и этотъ складъ (на посту Дежнева) совершенно не удовлетворяетъ нуждамъ края. На Дежневѣ нѣтъ многихъ вещей, необходимыхъ Чукчамъ, а что есть, производитъ такое впечатлѣніе, будто кто-то взялъ какіе-то товары, набросалъ ихъ какъ попало въ складъ и предлагаетъ Чукчѣ, усиленно уговаривая его, вмѣсто необходимаго чая или сахара, купить кусокъ хорошаго мыла или зубную щетку и т. д.

Я говорилъ уже, что Чукчи—не совсѣмъ дикари. Они прекрасно видятъ, когда имъ предлагаютъ полезныя вещи, или когда имъ хотятъ «подсунуть» что-нибудь. А послѣдняя тенденція, увы, существуетъ. Разумѣется, результатомъ подобнаго отношенія къ дѣлу, подобнаго безалабернаго подбора товаровъ, является то, что Чукчи не желаютъ ничего брать, только смѣются надъ нами, и торговля наша стоитъ на точкѣ замерзанія. Правда, и Дежневскій складъ получаетъ мѣха, но какимъ путемъ? Когда Чукчи распродадутъ за лѣто все, что у нихъ имѣется, Американцамъ, тогда ихъ взоры обращаются въ сторону нашего склада. Начинаютъ отыскивать какихъ-то завалявшихся песцовъ, медвѣдей и тащатъ все это въ складъ Чурина, гдѣ все-таки, хотя и пло-

химъ товаромъ, но втрое дороже платятъ, чѣмъ платитъ Америка.

Американскія шхуны подходятъ къ берегамъ Чукотскаго полуострова, нагруженныя именно тѣмъ, въ чемъ Чукчи испытываютъ весной самую острую нужду. Чукчи ждутъ ихъ появленія, какъ манны небесной, и набрасываются на все привезенное, отдавая пушнину до смѣшного дешево. А нашъ пароходъ приходитъ туда на полтора мѣсяца позже, къ тому же еще везя то, что абсолютно никому не нужно. Примѣромъ того, какъ Чукчи жадно бросаются на необходимую для нихъ вещь, можетъ служить слѣдующее. Чукчи вооружены всѣ винчестерами, но обращаться съ оружіемъ они совершенно не умѣютъ. Если у Чукчи хоть немного загрязнилось ружье, онъ его чистить ни за что не будетъ, а просто броситъ, какъ негодное и, при первомъ же появленіи американской шхуны, купитъ себѣ новое, платя все, что съ него спросятъ. Не полезно ли было бы, если бы Чукчи имѣли возможность отдавать свои «негодныя» ружья хотя бы тому же складу Чурина и получать ихъ вычищенными и снова исправленными. Сдѣлать это не трудно, а между тѣмъ Чукчи сейчасъ же набросились бы на подобную возможность ремонта, зная, что можно опять имѣть свою вещь вполнѣ пригодной для дальнѣйшаго дѣйствія, безъ необходимости покупать новую и платить за нее втридорога.

Чукотскій полуостровъ обладаетъ, какъ я говорилъ, многими богатствами. Среди нихъ главное мѣсто принадлежитъ пушному промыслу; далѣе идетъ моржовый промыселъ, золотопромышленность, китобойство.

Пушнины на Чукотскомъ полуостровѣ громадное количество. Главный рынокъ ея—селеніе Марково, въ 800 верстахъ отъ устья вверхъ по рѣкѣ Анадырь. До послѣдняго времени вся пушнина со всѣхъ сторонъ стекалась туда, устраивались ярмарки, число которыхъ доходило до четырехъ за зиму. Торговля, конечно, исключительно мѣновая. Какъ плата за мѣхъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ чай, сахаръ, ружья, табакъ, далѣе такіе предметы, какъ мѣдная посуда,

нитки, иголки, предметы роскоши Чукчей—бусы, кумачъ, всевозможныя безхитростныя украшенія и т. д.

Скупщики пушнины все время жили въ Марковѣ, получая товары на зиму съ лѣтними пароходами, заходящими въ постъ Ново-Маріинскъ, расположенный въ устьѣ Анадыри. Теперь же ярмарки съ каждымъ годомъ становятся все рѣже и рѣже, да и пушнины въ Марково стало появляться очень мало, а то, что есть—сильно дорожаетъ. Причина такого явленія—все тѣ же Американцы. Чукчи предпочитаютъ продавать мѣха Американцамъ, получая взамѣнъ то, что имъ дѣйствительно нужно, а не то, что ихъ заставляютъ брать наши скупщики; громадную роль здѣсь играетъ возможность получать спиртъ, торговлей которымъ Американцы не стѣсняются. Русскими законами ввозъ спирта на Чукотскій полуостровъ и Камчатку запрещенъ; Чукчи настолько падки на водку, что за бутылку спирта готовы лишиться самыхъ необходимыхъ вещей. За ведро спирта можно свободно купить у Чукчи такое количество пушнины, которое, въ обмѣнъ на товары, было бы продано рублей за сто.

На пушной промыселъ необходимо обратить серьезное вниманіе. На Чукотскомъ полуостровѣ не существуетъ никакихъ правилъ для охоты, нѣтъ и намека на урегулированіе боя животныхъ; бьетъ всякій, кто хочетъ, гдѣ, когда и что хочетъ. Говорить о томъ, насколько подобный порядокъ вещей не способствуетъ правильному размноженію звѣрей и процвѣтанію промысла—излишне; это слишкомъ всѣмъ и каждому извѣстно. Пушнины, слава Богу, еще очень много, такъ что надъ этимъ вопросомъ никто не задумывался; но вотъ, на чемъ подобные порядки уже очень сильно сказались, это на промыслѣ моржей. Ихъ становится слишкомъ мало, идти за ними приходится очень далеко, забираясь на сѣверъ. А между тѣмъ, моржовые клыки могутъ имѣть прекрасный сбытъ, что блестяще доказано Американцами, скупающими ихъ въ очень большомъ количествѣ.

V.

Снова въ пути.—Бухта Провидѣнія.—Золото.

Быстро, незамѣтно пролетѣло время, проведенное всѣми нами, пасажирами, на берегу въ Ново-Маріинскѣ. Уже начались сумерки, мы торопились возвратиться къ себѣ на пароходъ, боясь, что вслѣдствіе сильнаго теченія намъ въ темнотѣ трудно будетъ приставать къ судну.

Съ трудомъ выбрались всѣ мы на палубу и долго еще внизу, въ каютъ-компаніи, обмѣнивались впечатлѣніями.

Простояли мы въ Анадырѣ всего два дня и пошли дальше на сѣверъ. Опять пришлось пройти этотъ скучный лиманъ съ его вѣчно туманными берегами, съ постоянными мелями; опять мы кружили по узкимъ проходамъ, чтобы гдѣ-нибудь не сѣсть; опять началась воркотня пасажировъ, настроеніе стало сразу какимъ-то кислымъ; этому много способствовала и погода. Потянуло съ Берингова моря холодкомъ; только вышли изъ лимана, накрылъ густой туманъ, съ неба посыпались мельчайшія капли отвратительной изморози, поднялся вѣтеръ—опять у всѣхъ мысли о качкѣ, словомъ, море насъ сразу встрѣтило до крайности непривѣтливо.

На другой день подошли къ бухтѣ Провидѣнія. Туманъ былъ настолько густой, что въ бухту нельзя было войти, и мы принялись бродить около входа взадъ и впередъ, дожидаясь мало-мальски ясной погоды...

Нѣтъ ничего ужаснѣе этого безцѣльнаго хожденія передъ бухтой. Представьте себѣ положеніе пасажировъ, осужденныхъ на эту пытку: наверхъ выйти нельзя, все мокро, палуба скользкая; всѣ томятся по каютамъ или въ каютъ-компаніи; читать нечего—все уже по нѣсколько разъ перечитано, разговаривать ни съ кѣмъ не хочется, потому что уже наизусть знаешь каждаго, да и темъ для разговоровъ нѣтъ, всѣ другъ другу надоѣли, ходятъ мрачные, озлобленные на всѣхъ и вся...

Только и слышишь возгласы: «Господи, когда туманъ кончится...», «Владиміръ Петровичъ, да бросьте вы, ради Бога,

ваше безконечное «Пожалѣй»—и безъ піанино тошно»... Піанистъ ехидно ухмыляется, но вдругъ крышка инструмента теряетъ равновѣсіе и съ силой падаетъ на руки музыканта; тотъ стремительно вскакиваетъ, нѣсколько мгновеній его громкія проклятія покрываютъ всѣ голоса, на минуту стоитъ въ каютъ-компаніи общій злорадный хохотъ...

Во время плаванія я всегда просилъ будить меня, если ночью мы входили въ какую-нибудь незнакомую мнѣ бухту. Къ шести часамъ утра туманъ разсѣялся, и мы вошли въ

Въ пути. — Видъ съ мостика.

бухту Провидѣнія. Когда я вышелъ на палубу, въ первый моментъ остолбенѣлъ отъ рѣзкаго контраста между тѣмъ, что открылось моимъ глазамъ, и воспоминаніями о погодѣ наканунѣ.

Длинная узкая бухта, стиснутая высокими скалами, крутыми обрывами спускающимися къ мертвенно спокойной водѣ, покрытой матовой блѣдностью утреннихъ испареній; мрачныя таинственныя горы, сіяющія на вершинахъ бѣлоснѣжной пеленой, освѣщенныя розовыми лучами не по-

казавшагося еще, только что восходящаго солнца; на обрывахъ зеленыя, желтыя, оранжевыя краски кустарника, мѣстами низко смотрящагося въ черную отъ тѣни берега воду; идеально чистый, свѣжій воздухъ, могильная тишина, едва нарушаемая монотоннымъ стукомъ машины парохода,—все это заставило забыть обо всемъ, кромѣ открывшейся волшебной картины. Прошло какихъ-нибудь полчаса, и мы стали на якорь.

Въ низкой, покрытой пескомъ ложбинѣ, между горами, расположились три домика; немного поодаль видны чукотскія «ранги». Когда мы подходили, на берегъ высыпало все мѣстное населеніе: старшина казаковъ, да четверо Чукчей.

Недалеко отъ мѣста нашей стоянки журчала небольшая рѣченка. Команда отправилась на берегъ за прѣсной водой для парохода. Мнѣ первый разъ пришлось видѣть такой способъ перевозки воды: прочно сшитый изъ непромокаемой парусины мѣшокъ имѣетъ небольшое отверстіе; мѣшокъ свозится на берегъ, погружается въ рѣчку, затѣмъ, когда онъ наполнится водой, отверстіе плотно закупориваютъ и мѣшокъ буксируютъ въ водѣ къ пароходу. Мѣшокъ вмѣщаетъ около двухъ тонъ воды (120 пудовъ) и, наполненный прѣсной водой, обладаетъ достаточной плавучестью, чтобы не тонуть въ соленой морской водѣ.

Вмѣстѣ со мною съѣхалъ на берегъ и нашъ докторъ, взявшій съ собою, несмотря на семь часовъ утра, фотографическій апаратъ. Какъ только мы вышли на берегъ, къ намъ подошелъ старшина, прося доктора осмотрѣть нѣкоторыхъ больныхъ Чукчей. Во время разговора я замѣтилъ, что сидѣвшіе около насъ на корточкахъ Чукчи смотрятъ на насъ очень пристально и явно позируютъ.

— Что это они, точно не въ своей тарелкѣ?—спросилъ я старшину.

— А фотографическій апаратъ увидѣли. Ихъ тутъ въ прошломъ году съ одного парохода снимали, дали потомъ карточки — съ тѣхъ поръ, какъ увидятъ апаратъ—сейчасъ думаютъ, что снимать будутъ: они это очень любятъ.

Бухта Провидѣнія. — Встрѣча двухъ «Колымъ», военной и Добровольнаго флота.

Осмотрѣвъ больныхъ, назначивъ нѣкоторымъ пріѣхать на пароходъ, мы съ докторомъ сѣли въ шлюпку и къ утреннему чаю уже сидѣли въ каютъ-компаніи.

Золото... волшебное, могучее золото. Когда попадешь въ край, таящій въ нѣдрахъ своихъ этотъ металъ, невольно чувствуешь себя точно подавленнымъ какой-то громадной мощью. Понятно, что когда мы были на Чукотскомъ полуостровѣ, только и разговора было на пароходѣ объ этомъ богатствѣ.

Въ бухтѣ Провидѣнія мы встрѣтились съ горнымъ инженеромъ Б., много изслѣдовавшимъ горныя породы Чукотской земли. Понятно, полились разспросы.

Оказывается, на Чукотскомъ полуостровѣ, дѣйствительно, много золота. Масса розсыпей, гдѣ золото доходитъ до тридцати трехъ золотниковъ на сто пудовъ руды. Это громадное содержаніе. Самородки мнѣ приходилось видѣть до пяти золотниковъ вѣсомъ.

— Послушайте,—спросилъ я Б.,—но вѣдь это же колосальное богатство. Отчего же ничего о немъ не слышно, никто не разрабатываетъ его?

— Не слышно потому, что всѣ отчеты о немъ, какъ вообще о всѣхъ изслѣдованіяхъ этого края, хранятся во всевозможныхъ канцеляріяхъ да кабинетахъ, а публикѣ они неизвѣстны. Не разрабатываютъ его... ну, тутъ виновата и стоверстная полоса, и концесія одного общества, захватившаго весь край въ свои руки, да, наконецъ, и то, что ужъ очень оно далеко.

Я долженъ пояснить, что подъ выраженіемъ «стоверстная полоса» надо подразумѣвать слѣдующее: по всему побережью никому не разрѣшаютъ работать въ полосѣ ста верстъ отъ берега; чѣмъ это вызвано —высшія соображенія запретившихъ. Но только «стоверстная полоса»—ужасное зло для всѣхъ предпринимателей, да и для Россіи вообще. Во-первыхъ, золото-то главнымъ образомъ въ этой полосѣ и лежитъ, а, во-вторыхъ,—большая разница работать

подъ самымъ берегомъ, или забираться вглубь. Не угодно ли жить за сто верстъ отъ моря въ такомъ суровомъ климатѣ!

Поселяясь такъ далеко, надо сначала построить тамъ громадные склады для всевозможныхъ матеріаловъ, для провизіи и т. д.; надо соорудить чуть ли не желѣзную дорогу къ берегу, чтобы перевозить черезъ всѣ крутыя горы грузы,—словомъ, необходимо, по меньшей мѣрѣ, еще за годъ до начала работъ, обзавестись всѣмъ необходимымъ для жизни рудника; тамъ вѣдь ни провизіи, ни топлива не достанете. Иными словами, чтобы разрабатывать «дозволенное» золото, надо въ совершенно дикомъ мѣстѣ построить цѣлый городъ, способный жить совершенно самостоятельной жизнью. Это сдѣлать немыслимо. Если вводить въ край культуру, то, конечно, начиная съ береговой полосы, гдѣ можетъ быть доступъ грузамъ, провизіи и т. п. Когда разовьется жизнь на прибрежной линіи, тогда только можно начать понемногу отходить вглубь страны, имѣя за собою постоянное сообщеніе съ расположенными на берегу пунктами, уже приспособленными для жизни въ дикихъ земляхъ.

Другая причина, почему нельзя было до послѣдняго времени разрабатывать наше золото та, что съ 1900 года до 1912 года право на разработку чуть не всего золота Чукотскаго полуострова было отдано одной компаніи, называвшейся «Сѣверо-Восточнымъ сибирскимъ обществомъ». Почти монопольная, компанія эта до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлала...

— А вотъ, господа,—предложилъ намъ Б.,—отчего бы вамъ не начать работать. Вѣдь получить участокъ не трудно; выберите себѣ мѣсто, я вамъ могу дать массу указаній, гдѣ стоитъ начать разработку—сдѣлайте «заявку», т. е. заявите во Владивостокѣ, что вотъ такой-то и такой-то участокъ вы хотите взять, поставьте посрединѣ вашей площадки столбъ съ надписью «мое» и данный кусокъ земли принадлежитъ вамъ. И вѣдь, право, дешево: расходъ лишь рублей десять на гербовыя марки.

Положительно, нѣтъ такого человѣка, который могъ бы равнодушно слышать слово «золото». Послѣ предложенія

Б. у всѣхъ сразу глаза разгорѣлись, какъ-то всѣ начали нервничать и пошли разспросы, разговоры. Всѣ волнуются, лѣзутъ къ Б., перебиваютъ другъ друга.

«А гдѣ лучшій участокъ?»—«А что, тамъ самородки или розсыпи?»—«Вы говорите здѣсь одиннадцать золотниковъ?..»—«А во сколько времени я наживу деньги?..»—«А сколько рабочихъ надо; какіе инструменты везти?»... Ну, впечатлѣніе такое, что вотъ черезъ полчаса всѣ идутъ на берегъ и начнутъ копать. Но они быстро охладѣли, услыхавъ приблизительно слѣдующее:

— Предположимъ, вамъ сегодня понравился участокъ; и золота въ немъ непочатый уголъ, да и качества его хороши, смотришь—самородочки попадаются... ну, понятно, бери его скорѣй, копай, да наживай деньгу. Вотъ вы пріѣзжаете во Владивостокъ, дѣлаете заявку. Сидите и ждете отвѣта; вамъ въ Питеръ надо ѣхать, дѣла зовутъ. «Къ чорту»,—машете вы рукой,—«какія тамъ дѣла, когда тутъ золото... черезъ годъ-два милліонеромъ буду». Смотришь, мѣсяцъ проходитъ, другой, изъ Россіи все хуже письма—дѣла совсѣмъ плохо идутъ; вы начинаете безпокоиться. Каждый день являетесь въ областное управленіе справляться — вамъ говорятъ, что «бумаги посланы»; скоро вы начинаете уже соображать, что въ чиновничьемъ лексиконѣ «бумаги посланы», значитъ: «путешествуютъ по всей Россіи». Такъ это вы тянете и проживаете зря деньги во Владивостокѣ до января, скажемъ. Тутъ уже, видя, что въ Питерѣ-то ваши дѣла совсѣмъ швахъ, бросаете все—летите въ Россію. Вотъ вамъ уже рублей около тысячи вскочило. Весной узнаете вы, что вамъ дали заявку, да заодно узнаете и правила: «Въ первый же годъ сдѣлать постройки (жилье), произвести развѣдку, представивъ ее осенью по начальству; все добытое золото должно быть представлено, разработки же еще въ первый годъ начинать нельзя, подъ угрозой, что отберутъ участокъ». Далѣе вы узнаете, что работать для своей выгоды вы можете начать лишь черезъ два года. Тутъ-то вы и подсчитываете все. И окажется, что вы за первые два года должны израсходовать, этакъ, тысячъ пятьдесятъ, а дальше,

понудно сборъ съ золота также въ казну гоните. Вотъ и выйдетъ, что вы свои пятьдесятъ тысячъ лѣтъ въ пять только окупите, а тамъ окажется, что золота не такъ ужъ много въ вашемъ участкѣ (хищники все растаскаютъ)— тутъ вы и увидите, каково это заманчиво...

VI.

Золото подъ запретомъ.

Изъ всевозможныхъ начинаній и предпріятій въ области разработки чукотскаго золота обратила на себя вниманіе только одна компанія «Сѣверо-Восточнаго сибирскаго общества», существовавшая десять лѣтъ, но ничего, какъ мы говорили, не сдѣлавшая. Главные воротилы этой компаніи предпочитали сидѣть въ Россіи, а въ результатѣ —громадный, затраченный кѣмъ-то и когда-то капиталъ (положимъ, и по сейчасъ еще видны слѣды этой затраты: построенные въ разныхъ мѣстахъ склады, съ залежавшимися десятокъ лѣтъ, никому ненужными товарами), ни капли пользы, полное паденіе дѣла. Но хуже и обиднѣе всего, что до сихъ поръ за этимъ обществомъ еще числятся многіе лучшіе и богатѣйшіе участки съ золотомъ, на которые, можетъ быть, и нашлись бы охотники, да нельзя эти участки получить, ибо «арендовано уже другими».

«Сѣверо-Восточное сибирское общество» образовалось по иниціативѣ одного богатаго американскаго Еврея; въ Россіи главными заправилами были горный инженеръ Корзухинъ, Кованько, Вальцовъ и др. Общество получило въ 1900 году десятилѣтнюю концессію на разработку чуть не всего золота Чукотскаго полуострова. Въ то время еще никто не задумывался надъ этимъ вопросомъ, если не считать Вонлярлярскаго, исторія котораго такъ нашумѣла въ свое время. Дѣла общества съ самаго начала были поставлены отвратительно; не было выработано никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, набрана масса совершенно ненужныхъ людей, лишь тормозившихъ дѣло; главные же заправилы, заполучивъ деньги, сидѣли въ Петербургѣ,

ничего серьезнаго на самомъ Чукотскомъ полуостровѣ не предпринимая. Но такъ какъ правительство требовало, чтобы производились какія-нибудь работы, общество это начало распространять самые нелѣпые слухи о сказочныхъ результатахъ какихъ-то миѳическихъ развѣдокъ, о результатахъ якобы производимыхъ работъ и т. д. Въ такомъ положеніи тянулось дѣло до 1910 года, когда подходилъ срокъ окончанія концесіи. Видя, что дѣло окончательно прогораетъ, что уплываютъ изъ рукъ деньги и довѣріе къ обществу, что масса конкурентовъ жаждетъ наброситься на освобождающіеся участки, компанія выхлопотала себѣ продленіе концесіи еще на два года.

Въ 1911 году нарождается новая компанія: «Анадырское золотопромышленное общество».

Лѣтомъ 1911 года новая компанія посылаетъ экспедицію для работъ по развѣдкѣ.

Экспедиція эта, въ составѣ тридцати пяти рабочихъ и одного штейгера (даже не инженера), отправляется на Чукотскій полуостровъ только съ поздним рейсомъ парохода Добровольнаго флота; работаютъ всего нѣсколько дней— и уѣзжаютъ ни съ чѣмъ. Составъ этой экспедиціи сидитъ теперь безъ необходимыхъ построекъ, безъ средствъ передвиженія, безъ провизіи.

Офиціально придраться къ этому обществу пока нельзя: оно въ первый годъ по правиламъ «произвело развѣдку».

Здѣсь повторилась буквально та же исторія, что была и съ «Сѣверо-Восточнымъ обществомъ». Опять пошли «золотыя утки», разсказы о томъ, что рабочіе везутъ съ собой нелегально золото чуть не фунтами и т. д. Когда же въ Петропавловскѣ было предложено устроить внезапный осмотръ рабочихъ—отъ обыска отказались. Въ дѣйствительности, представлено золота, какъ результатъ развѣдки, всего лишь тридцать золотниковъ.

Но самое грустное то, что во главѣ новой компаніи являются опять Кованько, Вальцовъ, Корзухинъ—давно знакомыя имена...

Новое общество оказалось ничѣмъ инымъ, какъ той же «Сѣверо-Восточной компаніей», только преподнесшей свои услуги подъ другой вывѣской. И опять наше золото въ тѣхъ же рукахъ, въ какихъ было уже двѣнадцать лѣтъ.

Неужели близкіе къ сему дѣлу власть имущіе не могутъ найти средствъ выйти изъ заколдованнаго круга, созданнаго господами Вонлярлярскими, Корзухиными и прочими! Вѣдь есть же много людей, которые ждутъ только возможности начать работы, но ждутъ тщетно.

Вѣдь надобно, наконецъ, подумать о томъ, что единственное средство развить начало промышленности—это поощреніе ея, съ тѣмъ, чтобы всякій, желающій работать, могъ это исполнить. Есть богатство, которое ждетъ эксплоатаціи, но находится оно въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что прежде всего необходимо не закрѣпощать его за однимъ лицомъ, а дать ему волю. Пусть будетъ много людей, пусть возникнетъ конкуренція—тогда невольно явится и стремленіе къ возможно большей выгодѣ. Тогда у всѣхъ предпринимателей на первомъ планѣ выступитъ шкурный вопросъ. А теперь владѣютъ этимъ богатствомъ люди, которые отлично знаютъ, что все имъ сходитъ съ рукъ и что другихъ къ нимъ не пустятъ.

Изъ исторіи описанныхъ двухъ компаній, владѣющихъ нашимъ золотомъ, видно, какъ тяжело другимъ золотопромышленникамъ начинать дѣло въ краѣ. Но и кромѣ этихъ условій есть много побочныхъ, не менѣе тормозящихъ всякое начинаніе. Все, что касается введенія культуры въ краѣ, промышленникамъ приходится дѣлать самимъ; наша же администрація не желаетъ, да и не можетъ, по своему невѣдѣнію всего происходящаго, что-либо сдѣлать въ этомъ направленіи. Неужели такъ ужъ трудно взять примѣръ съ Америки, которая смогла же поселить культуру въ Аляскѣ—родной сестрѣ нашего Чукотскаго полуострова? А вѣдь намъ это еще легче сдѣлать; достаточно вспомнить только, что на Аляскѣ нѣтъ ни крошки угля; Американцы платятъ за него бѣшеныя деньги, а у насъ на Чукотскомъ полуостровѣ открытъ не одинъ залежъ угля. А это уже

одно—громадный плюсъ, колосальная помощь для зарожденія цивилизаціи въ краѣ.

Было предложеніе со стороны Американцевъ построить желѣзнодорожный путь отъ мыса Дежнева вглубь полуострова, даже провести тунель подъ Беринговымъ проливомъ. Предложенія эти отвергнуты. Пусть сто-мильный тунель—воздушные замки, но желѣзнодорожное дѣло на полуостровѣ можетъ, очевидно, процвѣтать такъ же, какъ оно процвѣтаетъ на Аляскѣ.

Китобойный промыселъ находится не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ золото. Американцы, занимаясь въ широкой мѣрѣ этимъ промысломъ у своихъ береговъ, конечно, знаютъ несравненно лучше насъ, что за полтораста миль, у береговъ Чукотскаго полуострова китовъ сколько угодно.

Два года подрядъ мнѣ пришлось видѣть громадныя стада китовъ въ трехъ-четырехъ миляхъ отъ бухты Провидѣнія. Киты здѣсь такъ близко подпускаютъ къ себѣ корабль, что иногда вотъ-вотъ, кажется, задѣнешь за него. Чукчи своими примитивными средствами бьютъ здѣсь три-четыре кита въ лѣто лишь для собственныхъ нуждъ, продавая одинъ усъ, да и то за безцѣнокъ. Меня спросятъ: «почему же, если это такъ легко, тамъ никто не бьетъ ихъ?»— Да хотѣлъ бы я найти такого русскаго человѣка, который, имѣя деньги, поѣхалъ куда-то въ Ледовитый океанъ, ему неизвѣстный и неинтересный, бить китовъ. Наши капиталисты предпочитаютъ сидѣть дома и спокойно получать проценты; а если и рискнетъ такой человѣкъ на болѣе или менѣе энергичный шагъ въ области какого-нибудь новаго предпріятія, то только развѣ тогда, когда слишкомъ ясно видитъ, что можно получить на рубль—еще рубль. Вѣдь бывали же случаи, и не разъ, что у насъ бросались рудники, гдѣ количество золота доходило до одного золотника на сто пудовъ руды. Американцы довольствуются десятой долей такого содержанія руды—и, какъ будто, богатѣютъ, богатѣетъ, понятно, и ихъ край.

Къ счастью, киты у бухты Провидѣнія держатся слишкомъ близко отъ берега, а на берегу здѣсь имѣется все-таки и староста, и казаки, да и резиденція Чукотскаго уѣзднаго начальника тутъ же; а съ 1910 года суда подъ иностраннымъ флагомъ не имѣютъ права здѣсь плавать. Интересно только, будутъ ли киты ждать русскаго предпринимателя, или уйдутъ куда-нибудь, гдѣ ихъ станутъ бить Американцы?

VII.

„Хищники“ и люди.

Я только что упоминалъ о хищникахъ, приведу кстати небольшой эпизодъ изъ ихъ жизни, до нѣкоторой степени характеризующій наши съ ними взаимоотношенія.

Хмуръ и непривѣтливъ лѣтомъ Ледовитый океанъ, когда безконечной туманной пеленою затягиваются его мрачные берега, когда гладкой холодной сталью отливаетъ застывшая поверхность воды. Безконечную свободную ширь ея лишь изрѣдка медленно прорѣзаетъ большая съ обтаявшимъ по краямъ сѣрымъ снѣгомъ, молчаливая льдина, точно подавленная общей могильной тишиной. Тоскливо ползетъ это дѣтище сѣвера, осиротѣлое, оторвавшееся отъ могучей груди полярнаго ледяного покрова.

Въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ туманныхъ дней вдоль берега тихо пробиралась типичная чукотская байдарка, въ которой, однако, былъ лишь одинъ пожилой Чукча, а другіе два пасажира представляли собою обыкновенный типъ Европейца, хотя одѣты были въ мѣховое платье, немного отличавшееся своемъ покроемъ отъ одежды ихъ товарища по путешествію. Одинъ изъ Европейцевъ, еще молодой человѣкъ, но необычайно худой, съ ввалившимися глазами на блѣдномъ лицѣ, сохранившемъ несмотря на сильную худобу мягкія удивительно симпатичныя черты, сидя на кормѣ, весломъ вмѣсто руля направлялъ байдарку, все время пристально всматриваясь въ небольшое, ограниченное густымъ туманомъ, пространство воды. Байдарка медленно двигалась по гладкой поверхности, какъ вдругъ впе-

реди показалась какая-то черная точка. Молодой человѣкъ тотчасъ вскочилъ и схватилъ лежавшее на днѣ шлюпки ружье.

— Лентайръ, впереди нерпа, —вполголоса обратился онъ къ одному изъ сидѣвшихъ на веслахъ. Второй Европеецъ сейчасъ же взмахомъ весла повернулъ байдарку бокомъ. Раздался выстрѣлъ, нерпа исчезла, но прошло пять, десять минутъ—она не показывалась. Тотъ, кого сидѣвшій на рулѣ называлъ Лентайромъ, покачалъ головой и произнесъ, какъ бы въ пространство:

— Чтожъ, теперь немногимъ хуже, чѣмъ раньше; вѣдь это у васъ послѣдній патронъ, Николай Дмитріевичъ.

— Увы, да,—послѣдовалъ съ кормы отвѣтъ.

— Я готовъ придти въ отчаяніе... вѣдь это же была наша послѣдняя надежда—поѣсть хоть нерпы. Слушайте, Лентайръ, еще нѣсколько часовъ и наступитъ ночь. А дальше... Я положительно теряю голову. Вѣдь мы и такъ уже почти сутки ничего не ѣли.

— Спросимъ совѣта у Ингойда,—упавшимъ голосомъ отвѣтилъ Лентайръ и обратился къ Чукчѣ на его родномъ языкѣ.

Тотъ долго что-то говорилъ, жестикулировалъ, все время показывая на берегъ.

— Николай Дмитріевичъ, Ингойдъ предлагаетъ пристать къ берегу, онъ хочетъ поискать на ближайшей отмели какую-нибудь палку и сдѣлать гарпунъ.

— Попробуемъ.

Скоро шлюпка была уже у берега и всѣ трое вышли. Чукча ушелъ куда-то, оставивъ двухъ пріятелей дожидаться его на берегу.

Лентайръ, американскій подданный, уже десять лѣтъ жилъ на Чукотскомъ полуостровѣ, ведя мѣновую торговлю съ Чукчами. Это былъ пожилой человѣкъ на рѣдкость крѣпкаго тѣлосложенія, съ громаднымъ запасомъ здоровья, какъ нарочно приспособленнаго къ суровой жизни на Сѣверѣ. Послѣднее время онъ очень подружился съ Николаемъ Дмитріевичемъ Кутенинымъ, всего полгода тому назадъ пріѣхавшимъ изъ Россіи на одинъ изъ глухихъ постовъ Чукот-

Чукотская байдарка.

скаго полуострова. Кутенинъ, молодой врачъ, поѣхалъ на постъ исключительно изъ-за отчаянныхъ денежныхъ обстоятельствъ. Его слабое здоровье очень быстро сдало, не выдержавъ суровой жизни, но возвращаться назадъ до истеченія трехъ лѣтъ ему нечего было и думать—по крайней мѣрѣ такъ было ему сказано губернаторомъ, недавно пріѣзжавшимъ на Чукотскій полуостровъ.

За нѣсколько дней до начала разсказа на посту среди Чукчей разнесся слухъ, что въ трехъ-четырехъ дняхъ пути около берега затерта во льдахъ шхуна, и вотъ Лептайръ и Кутенинъ, взявъ съ собою одного изъ преданныхъ имъ Чукчей, рѣшили отправиться на помощь, думая по дорогѣ охотиться и запастись провизіей, а затѣмъ на своей легкой байдаркѣ доставить людей съ затертой шхуны на берегъ. Съ перваго же дня имъ не повезло: небольшая волна неожиданно сильно накренила шлюпку, и единственный патронташъ выпалъ въ воду со всѣми патронами. Случайно у Кутенина нашлись въ карманѣ еще два заряда. Возвращаться на постъ они не хотѣли, во-первыхъ, потому, что уже далеко отошли и надѣялись на два удачныхъ выстрѣла, а во-вторыхъ, слишкомъ безпокоились за участь затертой

шхуны, зная отлично, какъ легко льды могутъ ее унести въ открытое море, гдѣ экипажъ ждала голодная смерть.

Пока они обсуждали свое настоящее положеніе, подошелъ Ингойдъ съ какимъ-то подобіемъ гарпуна. Всѣ трое сѣли опять въ байдарку и пошли дальше. До самаго вечера океанъ попрежнему безмолвствовалъ, и лишь поздно, уже въ сумерки, они замѣтили нерпу. Ловко брошенное искусной рукою Ингойда древко на смерть поразило животное. Выйдя на берегъ, кое-какъ закусивъ поджаренымъ на кострѣ кускомъ мяса невкусной нерпы, путешественники рѣшили продолжать путь. Ночь прошла спокойно, утромъ начали попадаться мелкія льдины, и скоро шлюпка вошла въ густой ледъ, гдѣ приходилось медленно пробираться, лавируя между холодными громадными льдинами, рискуя каждую минуту быть ими раздавленными. Здѣсь уже друзья всецѣло довѣрились Ингойду, который какимъ-то чутьемъ издали угадывалъ движеніе льдовъ и смѣло велъ шлюпку въ открывавшіеся то тутъ, то тамъ проходы. Молчаніе царило въ шлюпкѣ, даже проснувшійся опять голодъ былъ заглушенъ сознаніемъ опасности, которой была подвержена байдарка; люди каждую минуту готовились выскочить на льдину, на случай если бы вдругъ началъ смыкаться какой-нибудь проходъ, грозя раздавить дерзкую скорлупу, такъ назойливо прокладывавшую себѣ путь среди могучихъ ледяныхъ громадъ.

— Эхъ, Николай Дмитріевичъ,—нарушилъ вдругъ это молчаніе Лентайръ,—говорилъ я вамъ, что не надо ѣхать.

Затираемая льдами «Колыма».

Ну, смотрите, на что вы похожи? Это съ вашимъ-то здоровьемъ?

— А что же мнѣ было дѣлать? Вѣдь вы не хуже меня знаете, что вотъ уже недѣля, какъ нашъ постовой старшина со всѣми своими семью казаками ушелъ вглубь полуострова ловить какихъ-то хищниковъ... А вѣдь все ваши же, Американцы. Если бы вы знали, съ какимъ наслажденіемъ я собственными руками передушилъ бы ихъ всѣхъ; вѣдь они насъ обворовываютъ, наше золото расхищаютъ... а мы безсильны,—ничего не сдѣлать съ ними. Эхъ, Лентайръ, не спорю, много пользы вы, Американцы, принесли краю, но ваши хищники,—это бичъ ужасный.

— Старая пѣсня... посмотрите-ка лучше, вонъ тамъ, за этой большой льдиной, какъ будто мачты видны. Не видите? Да вонъ за тѣмъ маленькимъ проходомъ.

— Да, да, вижу. Несомнѣнно, это и есть затертая шхуна. Хорошо, что туманъ порѣдѣлъ. Только какъ мы пройдемъ къ ней?..

Въ это время Нигойдъ обратился къ Лентайру, точно уговаривая его на что-то.

— Нигойдъ не совѣтуетъ идти въ этотъ проходъ, говоря, что онъ скоро закроется, и насъ затретъ. Давайте, Николай Дмитріевичъ, вытащимъ байдарку на ледъ и пойдемъ пѣшкомъ; похоже на то, что эта льдина идетъ до самой шхуны.

Послѣ какихъ-нибудь десяти минутъ хода показалась на другомъ концѣ громаднаго куска ледяного поля накренившаяся шхуна.

— Вотъ странно,—заговорилъ Лентайръ,—вѣдь это американская шхуна. Какъ она попала сюда, такъ близко отъ нашего поста.

Кутенинъ вдругъ упалъ и, поднявшись, сильно закашлялся. Лентайръ съ тревогой посмотрѣлъ на него.

— Николай Дмитріевичъ, оставайтесь вы лучше здѣсь и подождите насъ. Я, право, боюсь, что вы черезъ десять минутъ окончательно свалитесь.

— Да, мнѣ что-то нехорошо стало. Идите вы впередъ и узнайте въ чемъ дѣло.

На шхунѣ тоже замѣтили приближавшихся къ ней людей и начали имъ что-то кричать по-англійски, но Лентайръ, не разобравъ въ чемъ дѣло, думая. что просятъ идти скорѣе, лишь прибавилъ ходу.

— Не идите туда,—обратился вдругъ къ нему Ингойдъ, мнѣ кажется, что часть льдины около шхуны движется, тамъ должна быть полынья; да смотрите, и шхуна уже не такъ сильно накренена—очевидно около нея открывается новый проходъ...

Глухой трескъ прервалъ его слова; обледенѣвшая корка снѣга разступилась подъ ногами путниковъ и оба они полетѣли въ ледяную воду. Нѣсколько мгновеній Лентайръ

Во льдахъ.

пытался взобраться на льдину, но быстро коченѣвшіе пальцы отказывались служить, скользя по гладкой поверхности льда.

Очнулся Лентайръ въ кровати въ небольшой каютѣ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ Ингойдъ.

— Что случилось, Ингойдъ?

— Я же предупреждалъ васъ: мы провалились, но скоро подошли люди со шхуны и вытащили насъ.

Въ это время открылась дверь каюты и вошелъ коренастый человѣкъ, оказавшійся владѣльцемъ шхуны, одѣтый въ кожаную куртку, такіе же до пояса сапоги и нансеновскую мѣховую шапку.

— Ну, вы пришли въ себя?—обратился онъ къ Лентайру,—мы же вамъ кричали, что открывается проходъ, чтобъ вы подождали... Вотъ кого благодарите—вашего Чукчу—онъ васъ, полузамерзшаго, вытащилъ на льдину. Шхуна сейчасъ на свободной водѣ, я думаю васъ высаживать на берегъ.

— Не буду тратить пустыхъ словъ благодарности; вы сами знаете, какъ она велика. Но вотъ въ чемъ дѣло: на оторвавшейся льдинѣ остался нашъ товарищъ — надо найти его.

Собесѣдникъ Лентайра задумался.

— Прошло уже около четырехъ часовъ... Что-жъ, придется искать его. Вы можете встать?

— О, да, сію минуту.

Вокругъ шхуны плавали лишь мелкія льдины. Спустили шлюпку и, взявъ съ собою небольшую походную аптечку и бутылку вина, капитанъ, Лентайръ и Ингойдъ отправились на поиски.

Лишь къ вечеру съ трудомъ отыскали роковую льдину. Кутенинъ лежалъ безъ сознанія, но, къ счастью, не успѣлъ еще замерзнуть. Послѣ долгихъ усилій привели его, наконецъ, въ чувство и съ громадными предосторожностями доставили на шхуну.

На утро шхуна подходила къ посту. Кутенинъ вышелъ наверхъ и, встрѣтившись съ владѣльцемъ шхуны, неожиданно узналъ въ немъ того самаго хищника, на поиски котораго отправились съ поста стражники.

— Какъ вы позволяете себѣ такъ открыто подходить къ нашимъ берегамъ... Изъ благодарности за мое спасеніе я самъ не донесу на васъ, но какъ только выйду на берегъ, предупреждаю, ни одной попытки къ вашему спасенію не сдѣлаю.

Американецъ грустно улыбнулся.

— Я знаю, ваши ищутъ меня. Но я во-время успѣлъ сѣсть на шхуну и былъ бы уже далеко отсюда, если бы не затершіе меня льды... Теперь... до вашего поста всего четыре мили. Какъ видите, штиль мертвый, а у меня вышелъ

весь газолинъ для мотора. Сегодня вернутся стражники, на шхунѣ же сейчасъ около девяти фунтовъ золота... Я даю вамъ шлюпку, черезъ часъ вы будете на берегу,—вдругъ рѣзко перемѣнивъ разговоръ, отвернулся капитанъ и ушелъ внизъ.

Шлюпка съ тремя пріятелями подходила къ берегу.

— Николай Дмитріевичъ, я думаю, мы будемъ молчать о томъ, что провели ночь на шхунѣ... что она недалеко отъ поста,—проговорилъ Лентайръ.

Кутенинъ посмотрѣлъ на него, но ничего не отвѣтилъ.

Выйдя на берегъ, Кутенинъ взялъ съ собой гребца шлюпки и привелъ въ свою небольшую хижину.

— Вотъ видите, здѣсь, въ этой банкѣ, газолинъ, арестованный на одной изъ вашихъ шхунъ; съ этимъ количествомъ вы скоро будете въ безопасности. Берите его и передайте капитану, это все, чѣмъ я могу отплатить ему за наше спасеніе...

VIII.

У береговъ Ледовитаго океана.

Есть ли краски, способныя передать всѣ дивныя картины природы, картины, до того разнообразныя въ варіаціяхъ своей могучей красы, что иногда невольно напрашивается вопросъ: «Да полно, не сонъ ли? Неужто это—дѣйствительность, неужто можетъ быть на яву такой дивный видъ, для описанія котораго не найдешь и словъ. Есть ли полотно, способное передать красоту холоднаго льда, голыхъ скалъ, дикаго Ледовитаго океана? Нѣтъ кисти, которая могла бы изобразить волшебную картину громаднаго водяного пространства, сверкающаго на солнцѣ тысячами огней, цвѣтовъ и переливовъ, спокойнаго, точно увѣреннаго въ своей мощи, одинаково страшной какъ въ яркій солнечный день—такъ и глубокой темной ночью, какъ въ лѣтнюю теплую пору—такъ и въ суровую холодную зиму.

Неопытный путешественникъ не предположитъ даже, что голыя скалы, круто спускающіяся въ безконечно гладкую поверхность океана, на горизонтѣ котораго проходитъ лишь изрѣдка громадная льдина—такъ же прекрасны, какъ и дивные берега широкаго Нила, украшенные роскошными пальмами,—берега, плавно, незамѣтно переходящіе въ медленно движущіяся струи воды, по которой взадъ и впередъ снуютъ арабскія лодки съ ихъ причудливой формы парусами.

Но именно въ могучей, величественной суровости дикихъ сѣверныхъ пейзажей чувствуется какая-то мощная сила. Когда начинаетъ подниматься съ высокихъ снѣговыхъ вершинъ предразсвѣтный туманъ и красноватые лучи холоднаго полярнаго солнца розовымъ цвѣтомъ окрашиваютъ бѣлоснѣжную пелену берега и прозрачный голубой ледъ, медленно ползущій громадными массами по застывшей черносиней поверхности,—тогда только поймешь, что ни кипучая жизнь, ни роскошная флора, ни жгучіе лучи тропическаго солнца не могутъ произвести такого сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ эта дикая мощь, захватывающая своей могучей суровой красотой.

Такая картина открывается глазамъ путешественника на восточной сторонѣ Чукотскаго полуострова, на мысѣ Дежневѣ. Этотъ мысъ—Рубиконъ мореплавателей, отправляющихся въ Ледовитый океанъ, Рубиконъ, за которымъ начинается новый міръ, невольно пугающій человѣка своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ обычной жизнью.

Уже въ Беринговомъ проливѣ начинаютъ попадаться льды, огибающіе лѣтомъ этотъ мысъ. Стоитъ только пройти его, обогнуть Дежневъ—начинается таинственный Ледовитый океанъ, съ его страшнымъ дѣтищемъ—полярнымъ льдомъ, съ его всегда спокойной поверхностью воды, холодными лучами рѣдкаго солнца, съ полной чарующей красоты картиной сѣвернаго сіянія. Кажется, что вступаешь въ другой міръ, что этотъ міръ точно посылаетъ тебѣ своихъ предвѣстниковъ,—яркую полярную звѣзду, таинственное сѣверное сіяніе, которое кажется какимъ-

Полярной ночью.

то могучимъ свѣтовымъ богомъ, сіяющимъ холоднымъ голубымъ свѣтомъ, и невольно легкая жуть беретъ, когда вступаешь впервые въ эту невѣдомую жизнь, въ этотъ новый міръ—царство холода и смерти, царство неприступной мощи, поглотившей уже столько жертвъ, тѣхъ смѣль-

Льды подъ мысомъ Дежневымъ.

чаковъ, которые пытались раскрыть скованныя льдомъ тайны сѣверныхъ водъ.

Но не боятся этихъ водъ Чукчи. На Дежневѣ есть богатѣйшее селеніе ихъ Наукапъ. То тутъ, то тамъ виднѣются ихъ «еранги»—конусообразные шатры изъ кожи моржа и звѣриныхъ шкуръ, натянутыхъ на китовыхъ костяхъ, попадаются и деревянные домики, перенятые у Американцевъ. Недалеко отъ селенія виднѣется на холмѣ большой бѣлый крестъ,—единственный памятникъ казаку Дежневу, открывшему этотъ край, первому не побоявшемуся тайнъ Сѣвера, подарившему Россіи громадныя богатства, до сихъ поръ неиспользованныя.

И какъ-то странно гармонируетъ этотъ унылый крестъ со всей окружающей его дикой пустынной мѣстностью,— дѣтищемъ полярной природы.

Около селенія часто можно видѣть много шхунъ и чукотскихъ, и хищниковъ-Американцевъ, ведущихъ торговлю съ Чукчами. Раннею весною, когда чуть начнутъ двигаться льды, Американцы уже подходятъ къ нашимъ берегамъ, везя на своихъ шхунахъ все, что къ этому времени нужно Чукчамъ, для обмѣна на дорогіе мѣха. Условія плаванія крайне тяжелыя, постоянно шхуны затираются льдами,—часто затертую шхуну вытаскиваютъ на большую льдину и такъ путешествуютъ по волѣ судьбы, пока эту льдину не вынесетъ на чистое мѣсто. Посчастливится имъ, спустятъ шхуну и пойдутъ по побережью собирать мѣха, не повезетъ—замерзнутъ, или умрутъ съ голода, занесенные на льдинѣ въ такія края, гдѣ даже звѣрь не живетъ.

Возвращаются шхуны въ Сіяттль—портовый городъ, недалеко отъ С.-Франциско, и оттуда направляютъ свой товаръ для выдѣлки.

Очевидно, велика выгода этой торговли, если, несмотря на всѣ лишенія, весь громадный рискъ стать жертвой безпощаднаго океана, постоянную возможность захвата Русскими, Американцы все-таки твердо идутъ по намѣченному пути, навстрѣчу многимъ опасностямъ, лишь бы скупить пораньше всѣ мѣха. Мы же, въ чьихъ владѣніяхъ они хозяйничаютъ, чьи богатства расхищаютъ, платимъ потомъ за эти же мѣха, пришедшіе къ намъ изъ-за границы, страшныя цѣны.

И грустно становится, что ни одного русскаго человѣка не находится, который пошелъ бы туда и послѣдовалъ бы примѣру нашихъ сосѣдей.

Выше я говорилъ о торговлѣ съ Чукчами нашихъ товарныхъ «складовъ». На мысу Дежнева въ складѣ Чурина мнѣ жаловались на полное отсутствіе организаціи правильной торговли. Но вскорѣ мнѣ пришлось узнать о системѣ торговли нашихъ казенныхъ складовъ.

Въ бухтѣ Провидѣнія и на посту Ново-Маріинскомъ устроены склады, которымъ придается видъ правительственныхъ учрежденій; цѣль этихъ складовъ мнѣ никто разъяснить не могъ, зато много я узналъ объ отношеніи къ нимъ мѣстной администраціи.

Теперь, когда Американцевъ изгнали, всѣ товары скуплены казеннымъ складомъ, но... почему-то продаются уже вдвое дороже. По чьей иниціативѣ это сдѣлано, куда идетъ прибыль отъ этой торговли? Складъ производитъ впе-

Чукотская «ерапга».

чатлѣніе какого-то совершенно безконтрольнаго учрежденія. Подъ вывѣской «казенный» имъ завѣдуетъ уѣздный начальникъ. Удивительно удачное соединеніе высшаго въ краѣ представителя администраціи — съ должностью приказчика!

Что же касается вывозной торговли, то она направлена куда угодно, только не въ наши руки. Я уже говорилъ, что въ Марковѣ бываютъ ярмарки; этимъ исчерпывается единственная возможность для вывоза мѣстныхъ товаровъ, т.-е. пушнины. Нѣсколько скупщиковъ, живущихъ тамъ,

составляютъ центръ, около котораго группируется небольшое количество мѣховъ, но это количество слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что уходитъ за границу. Если въ Россіи есть мѣха, то они всѣ пришли къ намъ изъ Лондона, Лейпцига, черезъ Америку, ибо крупные скупщики-иностранцы получаютъ для обработки наши мѣха изъ Америки.

Впрочемъ, для того, чтобы имѣть прибыль отъ торговли въ краѣ, необходимо имѣть прежде всего своимъ союзникомъ мѣстное населеніе, а этого у насъ нѣтъ и въ зачаткѣ.

Мы столько времени не обращали никакого вниманія на Чукчей, что приручить ихъ теперь будетъ очень не легко. А приручить ихъ необходимо. Американцы и на своемъ Сѣверѣ, и въ Аляскѣ, и на Алеутскихъ островахъ, прежде чѣмъ приниматься за разработку какихъ бы то ни было богатствъ, постарались привлечь къ себѣ мѣстное населеніе, возбудить въ немъ довѣріе и любовь къ себѣ.

IX.

Итоги и выводы.

Что такое Чукотскій полуостровъ, зачѣмъ онъ намъ? Стоитъ ли имъ заняться и какъ приступить къ этому? Вотъ вопросы, которые сами собой напрашиваются, лишь только мы начнемъ вдумываться въ жизнь этого края.

Позволю себѣ повторить въ общихъ чертахъ все, что я уже говорилъ о Чукотскомъ полуостровѣ. Извѣстно, что тамъ имѣется золото; разработка его стоитъ еще на крайне низкой ступени развитія; при правильной эксплоатаціи оно дастъ въ будущемъ врядъ ли менѣе того, что даетъ Аляска. Разбросано оно, какъ показали изслѣдованія, по всему побережью, отъ мыса Дежнева до Анадыри и вверхъ по Анадыри, почти до селенія Марково [1]). Районъ

[1]) Въ прошломъ году нѣкто Коваленко нашелъ золото и платину въ 400 верстахъ вверхъ отъ устья рѣки Анадырь, гдѣ у него теперь и сдѣлана заявка.

громадный, который могутъ эксплоатировать сразу много людей. На Чукотскомъ полуостровѣ найдены также и залежи графита, правда, въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ золото, но все же болѣе, чѣмъ достаточномъ для того, чтобы стоило его разрабатывать. Если къ этимъ нетронутымъ еще богатствамъ прибавить уголь, то придется согласиться, что нѣдра Чукотскаго полуострова заключаютъ въ себѣ богатства достаточно большія, чтобы щедро вознаградить всякаго; кто приложитъ свой трудъ къ добыванію ихъ.

Пушной звѣрь водится въ такомъ количествѣ, что пока не приходится говорить о возможности уменьшенія мѣховъ. Наоборотъ, если правильно организовать пушное дѣло, то можно имѣть пушнины гораздо болѣе, чѣмъ сейчасъ. Теперь же весь край живетъ только пушниной, ибо всѣ сѣверные мѣха расходятся по всему міру, главнымъ образомъ, съ Чукотскаго полуострова и Камчатки. Паралельно съ этимъ вспомнимъ, что тамъ много водяного звѣря, китовъ и моржей. Все вышесказанное уже само собой отвѣчаетъ на вопросъ: «зачѣмъ намъ этотъ край?»

Необходимо привлечь на Чукотскій полуостровъ возможно большее число предпринимателей по всѣмъ отдѣламъ промышленности, которые только эта окраина можетъ дать. Если туда пойдетъ много людей, то этимъ уже невольно начнется насажденіе цивилизаціи. Современный культурный человѣкъ настолько привыкъ ко всѣмъ окружающимъ его условіямъ жизни, что онъ, хотя бы для себя только, постарается всѣми силами создать вокругъ себя тѣ признаки культуры, съ которыми онъ слишкомъ сжился. Невольно явится необходимость улучшенія и упорядоченія путей сообщенія, доставки товаровъ и провизіи, явится настоятельная необходимость въ связи края съ другими пунктами, въ разрушеніи той страшной преграды—недосягаемости края, которая существуетъ сейчасъ.

Но какъ привлечь туда людей?—Достаточно помочь имъ идти туда, пойти навстрѣчу ихъ нуждамъ, дать имъ широкое поле дѣятельности. Въ этомъ и можетъ выразиться цѣнная помощь правительства.

Администрація тамъ крайне необходима, но нужны для этого люди, знающіе край, интересующіеся имъ. Необходимо дать этимъ людямъ большія полномочія, возможность проявленія собственной инициативы во всемъ, что касается внутренней жизни края. Но не надо забывать, что сѣверныя наши окраины слишкомъ далеки отъ всѣхъ центровъ, что нельзя непосредственно управлять Чукотскимъ полуостровомъ, сидя въ Петербургѣ, подводя все подъ «общія правила», «постановленія» и т. д. Конечно, для подобной дѣятельности необходимы люди, заслуживающіе довѣрія, съ которымъ ихъ придется послать на такую трудную миссію. Но въ Россіи найдутся они, надо только горячо приняться за дѣло, дать возможность этимъ людямъ какъ слѣдуетъ изучить край. Тенденція—какъ можно больше требовать и какъ можно меньше давать—нигдѣ не оправдывается, а въ особенности, въ данномъ случаѣ. Придется считаться съ тѣмъ, что люди должны столкнуться съ очень суровымъ климатомъ, съ полной неподготовленностью края для существованія, съ полудикимъ, недалекимъ отъ первобытнаго состоянія населеніемъ.

Необходимо въ корнѣ измѣнить тѣ правила, которыя примѣняются сейчасъ къ нашимъ промышленникамъ. Я говорю къ нашимъ, ибо фактически Японцы и Американцы имъ не подчинены. Всякій промышленникъ, желающій предпринять какое-нибудь дѣло въ предѣлахъ строгой законности, стѣсненъ въ малѣйшемъ своемъ движеніи и стѣсненъ въ высшей степени неосновательно. Во-первыхъ, громадное стѣсненіе—это проволочка времени. Вполнѣ понятно, что прежде, чѣмъ начать что-нибудь на Сѣверѣ, нужно имѣть деньги и немалыя. И вотъ получается такая картина. Кто-нибудь захотѣлъ, допустимъ, заняться разработкой золота. Предприниматель назначаетъ опредѣленную сумму денегъ на дѣло, подаетъ сотни бумагъ (писательства въ этомъ случаѣ требуется много), ждетъ... Черезъ годъ всевозможной волокиты ему, наконецъ, даютъ категорическій отвѣтъ, что можно начать «развѣдку», но

безъ права производства регулярныхъ работъ. Во время развѣдки промышленникъ доходовъ не получаетъ, а только тратится; такъ тянется еще годъ. И вотъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ черезъ два года можно, наконецъ, начать правильную разработку золота. А два года капиталъ пролежалъ безъ движенія, надо было поддерживать на участкѣ всевозможныя постройки, содержать рабочихъ, нѣсколько разъ ѣздить ради хлопотъ въ Петербургъ. Да кому же охота пойти на подобную авантюру?

Затѣмъ слѣдующее запрещеніе относительно стоверстной полосы, о которомъ я выше уже писалъ. Къ этой стоверстной полосѣ никому не позволяется притронуться, ибо... если позволить, то пойдутъ Японцы и Американцы. Да отъ кого же зависитъ предотвращеніе такого нежелательнаго явленія? Подобнымъ оправданіемъ этого запрещенія мы сами расписываемся въ своей полной неспособности работать. Нѣтъ, не хочется вѣрить этому. Есть, есть люди, которые могутъ и хотятъ работать,—только надо дать имъ возможность этого. Если въ ту же стоверстную полосу нахлынетъ много Русскихъ, то некуда будетъ идти иностранцамъ. А наши Русскіе пойдутъ, только надо обставить ихъ, опять-таки, соотвѣтствующими условіями.

Пора отрѣшиться отъ созданныхъ правилъ, давящихъ всѣхъ; пусть будетъ больше контроля, пусть требуютъ отъ промышленника правильной организаціи дѣла, но пусть и правительство дастъ надежную, полезную администрацію, пусть требованія явятся дѣйствительно цѣлесообразными, согласованными съ жизнью въ краѣ, съ нуждами населенія и промышленника. А все это возможно только тогда, когда мы примемся за основательное изученіе края, когда онъ перестанетъ быть для насъ въ полномъ смыслѣ слова «terra incognita».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Камчатка.

X.

Въ пути.—Петропавловскъ.—Его будущность.

Камчатка за послѣднее время начала сильно интересовать многихъ русскихъ людей; ее посѣщаютъ, изучаютъ, ее описываютъ, пытаются по возможности культивировать. Много сдѣлано крупныхъ ошибокъ относительно этого края—ихъ уже не воротишь и не исправишь; но хорошо было бы хоть частью отдать себѣ полный отчетъ въ этихъ ошибкахъ, чтобы въ дальнѣйшемъ онѣ не повторялись.

Къ этой далекой окраинѣ мы до 1906 года относились со свойственной русскому люду инертностью. Лишь послѣ войны, когда Японцы вдругъ начали усиленно разрабатывать всевозможныя правила и положенія, касающіяся какой-то Камчатки, когда начали раздаваться робкіе голоса, что тамъ есть много богатствъ, когда единичныя лица энергично попробовали обратить русскій взоръ на «новую» страну—тогда только болѣе или менѣе серьезно принялись за изученіе Камчатки. Но, главнымъ образомъ, это изученіе сводится лишь къ выясненію неизвѣстныхъ еще сторонъ края съ точки зрѣнія естественной, научной, свѣдѣній же о практической, промышленной сторонѣ—очень мало. Су-

ществуетъ много брошюръ, книгъ, статей объ этомъ краѣ, но тѣмъ, кому захочется составить себѣ о Камчаткѣ должное, правдивое мнѣніе, необходимо очень осмотрительно выбирать источники и не довѣрять первому попавшемуся на глаза описанію. Единственные источники, которые, дѣйствительно, могутъ дать точное представленіе о краѣ—это офиціальные отчеты лицъ, такъ или иначе сталкивавшихся

Камни «Три Брата» у входа въ Авачинскую бухту, выдвинутые землетрясеніемъ 1737 г.

съ его жизнью, лежащіе обычно во всевозможныхъ «управленіяхъ» и на глаза широкой публикѣ рѣдко попадающіе.

Когда подходишь съ моря къ Камчаткѣ, открывается цѣлый рядъ нагроможденныхъ другъ на друга горъ, называемыхъ сопками; всѣ эти сопки вулканическаго происхожденія, очень многія изъ нихъ и сейчасъ дѣйствуютъ. Нѣ-

которыя горы достигаютъ очень большой высоты; такъ Ключевская сопка, находящаяся почти въ центрѣ Камчатки, высится на 13,000 футовъ надъ уровнемъ моря, окружность ея основанія считается въ 300 верстъ; въ ясную погоду со многихъ сопокъ можно видѣть оба берега Камчатки, и Тихаго океана и Охотскаго моря. Теперь на полуостровѣ насчитывается шесть-семь большихъ дѣйствующихъ вулкановъ. Въ давнія времена Камчатка много терпѣла отъ изверженій; одно изъ нихъ продолжалось подрядъ четыре года (1727—1731), далѣе было сильное изверженіе въ 1737 г., когда огромныя лавины изъ растаявшаго льда и снѣга затопили много окрестныхъ селеній на десятки верстъ кругомъ. Очень сильное изверженіе было также въ 1854 г., въ тотъ самый памятный годъ, когда Камчатка такъ храбро отстаивала свои берега отъ нападеній соединенной англо-французской эскадры. Не далѣе, какъ въ 1911 году, мнѣ пришлось наблюдать съ моря изверженіе одного изъ вулкановъ, расположеннаго довольно близко къ берегу; въ ясное солнечное утро это была картина удивительной красоты.

Переходъ изъ Владивостока въ Петропавловскъ никогда не вызываетъ удовольствія пасажировъ. Мы шли уже семь сутокъ въ сплошномъ туманѣ, въ 60—70 миляхъ отъ Курильской гряды, окруженной постоянно самыми неожиданными теченіями, могущими подарить неосторожному кораблю массу непріятныхъ сюрпризовъ. Всего годъ тому назадъ на этихъ островахъ разбился японскій крейсеръ «Naniva», наскочивъ на нихъ въ туманѣ.

На восьмыя сутки утромъ, когда всѣ встали, мы подходили къ Авачинской губѣ, въ глубинѣ которой расположенъ городъ Петропавловскъ. На высокомъ обрывистомъ входномъ мысу стоитъ единственный на все наше побережье отъ Ледовитаго океана до Японскаго моря маякъ Петропавловскій. Входъ въ Авачинскую губу замѣчательно красивъ. Пароходъ проходитъ между двумя совершенно отвѣсными обрывами мысовъ; отъ корабля до мыса около полу-

Петропавловскій маякъ.

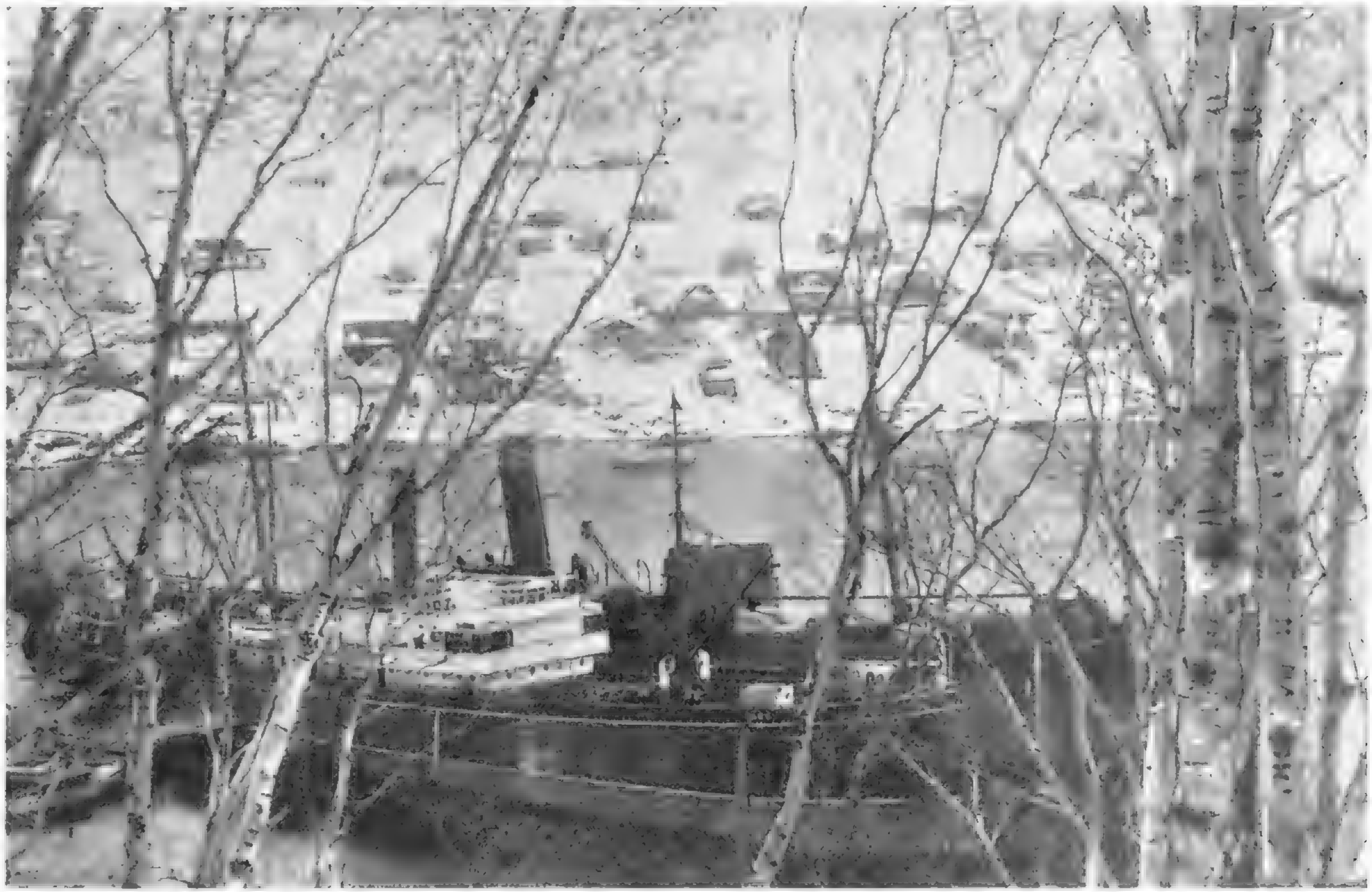
версты, но берегъ настолько здѣсь приглубъ, что можно проходить почти вплотную на глубинѣ до пятнадцати саженъ. Сейчасъ за входомъ открывается громадная бухта, вся изрѣзанная маленькими заливчиками; берега плавно уходятъ въ подернутую голубой пленкой даль. Слѣва высится снѣговая шапка Вилючинской сопки, справа сіяютъ въ лучахъ солнца бѣлоснѣжныя вершины трехъ сестеръ — сопокъ Коряцкой, Авачинской и Козельской. До того прозраченъ воздухъ, что совсѣмъ близко кажутся эти сопки, хотя до нихъ отъ входа не меньше пятидесяти верстъ. Вскорѣ пароходъ заворачиваетъ вправо въ небольшую бухточку, въ углу которой пріютился окруженный высокими горами, подъ сѣнью виднѣющейся вдали Коряцкой сопки, Петропавловскъ. Подходъ къ самому городу закрытъ песчаной косой, тянущейся поперекъ бухты, не доходя до противоположнаго берега саженъ на десять. Нѣсколько жутко становится, когда пароходъ проходитъ между косой и берегомъ, проходитъ совершенно вплотную. За косой открывается небольшая гавань, называемая ковшомъ, въ которой построена деревянная пристань. Ковшъ имѣетъ глубину въ пять саженъ, но затопленныя на днѣ его двѣ старыя японскія шхуны сильно стѣсняютъ движеніе судовъ. О днѣ петропавловскаго ковша одинъ Англичанинъ писалъ, что тамъ грунтъ—обломки дерева и битое стекло.

По склонамъ горъ, окружающихъ Петропавловскъ, раскинулся лѣсъ, образующій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльными группами крайне живописные уголки. Въ особенности красивъ склонъ горы, называемой Сигнальнымъ мысомъ, отдѣляющій самый ковшъ отъ Авачинской губы. Здѣсь высокія деревья срослись верхушками, образуя дивныя аллеи, закрытыя сверху отъ жаркихъ солнечныхъ лучей частой листвой; это—любимое мѣсто прогулокъ петропавловцевъ. По прибрежью растянулся городъ, состоящій сплошь изъ деревянныхъ домовъ, часто съ очень красивымъ фасадомъ; большинство зданій—казенныя строенія и дома административныхъ лицъ. Въ серединѣ города высится бѣлая деревянная церковь, въ оградѣ которой находится

Сигнальный мысъ у входа въ Авачинскую бухту.

памятникъ командору Берингу. Улицы Петропавловска, конечно, сохраняютъ совершенно первобытный видъ: невылазная грязь весной, лѣтомъ—страшная пыль лежатъ на дорогахъ,сплошь изрытыхъ колеями и выбоинами, между которыми то тутъ, то тамъ торчатъ корни вырубленныхъ деревьевъ.

Поражаетъ путешественника климатъ Петропавловска—онъ рѣзко отличается отъ климата прилегающихъ окрестностей. Зимой температура въ Авачинской губѣ не превышаетъ двѣнадцати градусовъ холода, лѣтомъ же держится +15°,+20°; вода въ ковшѣ лѣтомъ доходитъ до+16°,+17°, такъ что купанье становится вполнѣ возможнымъ. Дождей въ лѣтніе мѣсяцы крайне мало; эта небольшая котловина не знаетъ ни вѣтровъ, ни тумановъ; мнѣ нѣсколько разъ пришлось наблюдать, какъ входившая съ океана въ Авачинскую губу полоса тумана рѣзко сворачивала у Сигнальнаго мыса и густой стѣной огибала Петропавловскъ, оставляя надъ нимъ чистое голубое небо.



У пристани въ Петропавловскѣ. — Первый снѣгъ.

Населеніе Петропавловска доходитъ теперь до полутора тысячъ; но нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого громаднаго процента должностныхъ лицъ, какъ здѣсь. Губернаторъ Камчатки, вице-губернаторъ, вся губернская канцелярія, масса чиновниковъ, инженеры—все сосредоточено въ этомъ маленькомъ городкѣ. Разумѣется, всѣхъ непріятныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ жизнь каждаго провинціальнаго города, здѣсь сколько угодно; всѣ другъ друга знаютъ, всякій шагъ каждаго, какъ на ладони—извѣстенъ другимъ и т. д... Оживляется Петропавловскъ лѣтомъ, когда начинается навигація и заходятъ пароходы. Тогда въ мѣстномъ клубѣ открывается сезонъ любительскихъ спектаклей, вечеровъ, организуются пикники и т. п. Зимой петропавловцы усиленно занимаются спортомъ; на небольшомъ озерѣ устраивается прекрасный катокъ на гладкомъ, какъ паркетъ, льду, процвѣтаютъ поѣздки на собакахъ.

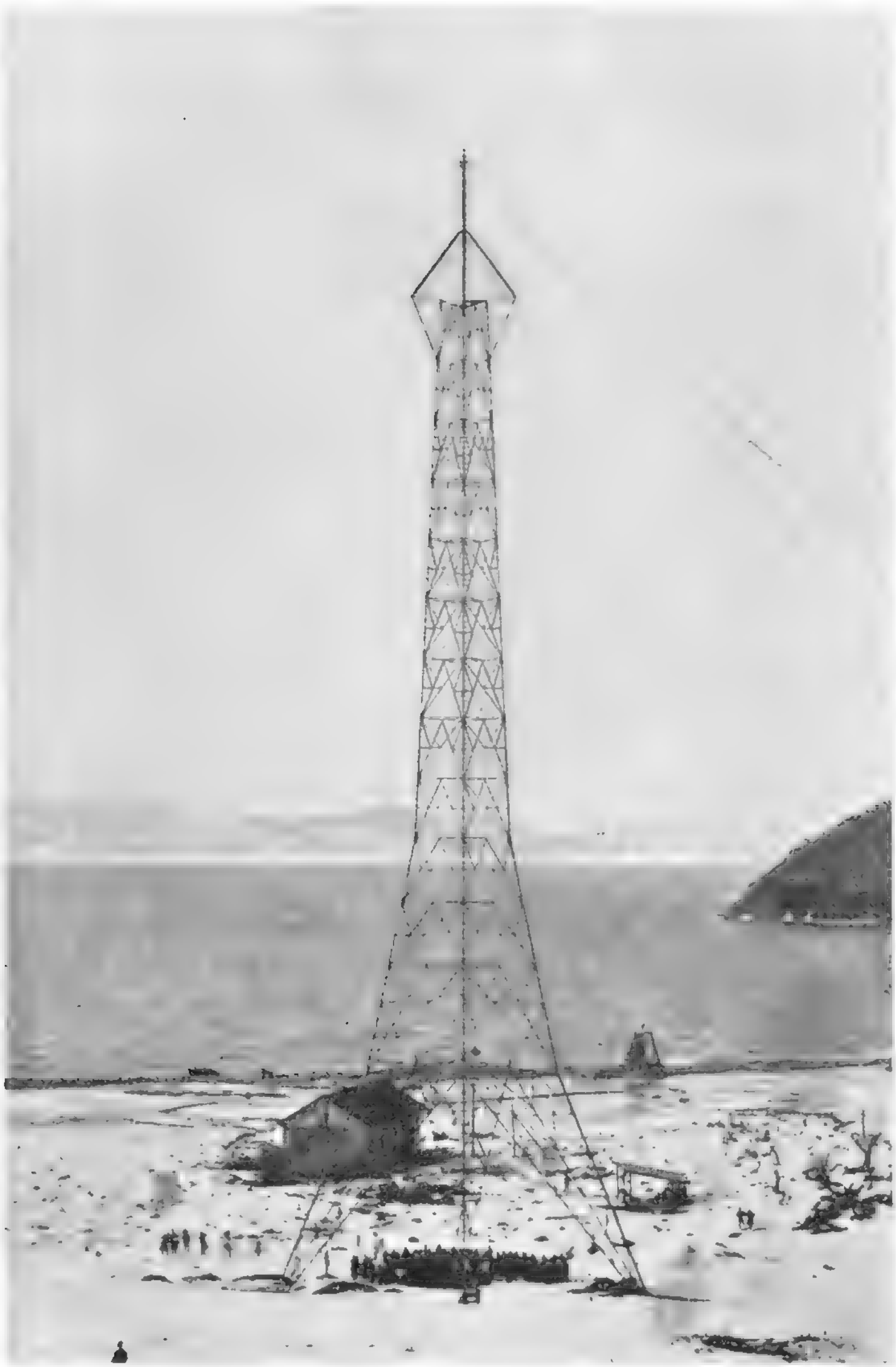
Въ Петропавловскѣ теперь есть уже магазинъ владивостокской фирмы Чурина, гдѣ можно все, что угодно, достать, но, конечно, по крайне высокимъ цѣнамъ. Разумѣется, особеннымъ комфортомъ жизнь населенія не обставлена, но въ общемъ все же, я думаю, большинство нашихъ провинціальныхъ городовъ живетъ много хуже. За время навигаціи,

Петропавловскъ. — Внутренній видъ ковша

съ мая по конецъ ноября, въ Петропавловскъ заходятъ изъ Владивостока до пятнадцати разъ пароходы, привозящіе почту и газеты; въ среднемъ, почта идетъ туда изъ Европейской Россіи мѣсяцъ. Важнѣйшія текущія событія узнаются тамъ по безпроволочному телеграфу. Кстати, нѣсколько словъ о немъ. Построена станція въ 1910 году, но лишь съ 1911 года она начала правильно функціонировать; не везло ей отчаянно. Первый дебютъ ея заключался въ томъ, что сильнымъ штормомъ сорвало со зданія крышу и испортило всѣ приборы; прошло немного времени, и станція сгорѣла до тла отъ вылетавшихъ изъ трубы искръ. Теперь, наконецъ, построили всю станцію изъ желѣза и бетона, послѣ чего установился правильный обмѣнъ депешами со станціей Николаевскъ-на-Амурѣ.

Во время стоянки въ Петропавловскѣ мы устроили прелестный пикникъ. На противоположномъ берегу Авачинской губы есть довольно большая деревня Паратунка; около нея находятся горячіе ключи. Мѣстные жители разсказывали такъ много интереснаго о нихъ, что мы рѣшили туда непремѣнно съѣздить.

Берегомъ до этой деревни надо тащиться около сорока верстъ; поэтому мы рѣшили пересѣчь бухту на шлюпкахъ. Отправились въ восемь часовъ утра на моторномъ и паровомъ катерахъ. Погода была идеальная, и десять миль до другого берега мы сдѣлали совершенно незамѣтно, въ разговорѣ, всевозможныхъ шуткахъ и остротахъ. На берегу насъ ждали заказанныя заранѣе верховыя лошади; но послѣднихъ было всего пять, такъ что многіе отправились до Паратунки пѣшкомъ. До деревни отъ берега оказалось еще двѣнадцать верстъ пути. Буцефалы наши, осѣдланные самымъ примитивнымъ способомъ, кто съ веревочными стременами, кто и совсѣмъ безъ нихъ, съ сѣдоками, изъ которыхъ многіе первый разъ садились на лошадь, представляли прекомичную картину. Дорога мѣстами удивительно красива; приходилось подчасъ пробираться среди кустарни-



Петропавловскъ. — Станція безпроволочнаго телеграфа.

ковъ, доходившихъ до груди сѣдоковъ; почти всю дорогу прошли шагомъ. Въ нашей компаніи былъ одинъ страстный охотникъ; мы часто надъ нимъ посмѣивались, ибо у него была привычка буквально всюду таскать съ собой ружье. Конечно, онъ не сѣлъ на лошадь, а отправился пѣшкомъ. Каково же было наше удивленіе, когда уже подъ Паратункой нашъ охотникъ опять присоединился къ намъ, гордо держа въ рукѣ двухъ тетеревей.

Подкрѣпившись завтракомъ изъ взятой съ собой провизіи, пошли осматривать ключи. Они представляютъ со-

Петропавловскъ. — Видъ съ ковша.

бою небольшія озера съ температурой воды отъ +27° до +40°. Говорятъ, подальше есть ключъ съ температурой до +70°. Разумѣется, всѣ мы выкупались въ двадцати-семи градусномъ ключѣ. Про цѣлебныя свойства его разсказываютъ прямо чудеса. Масса примѣровъ полнаго излеченія ревматизма, подагры и т. п. болѣзней заставляютъ глубоко сожалѣть, что эти ключи такъ далеки отъ Россіи и такъ мало извѣстны; по разсказамъ мѣстныхъ аборигеновъ, эта горячая сѣрнистая вода совершенно останавливаетъ на два года теченіе такой болѣзни, какъ проказа.

Нашъ докторъ, понятно, страшно заинтересовался этимъ естественнымъ курортомъ и взялъ воду въ бутылку съ собой для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Среди его спутниковъ стали шутить, говоря, что докторъ хочетъ основать здѣсь курортъ.

— Да что вы, господа, смѣетесь,—возразилъ онъ,— посчитайте, что вамъ можетъ стоить такое леченіе. Изъ Петербурга сюда можно добраться много въ двадцать дней; проживете здѣсь самое большее мѣсяцъ, полечитесь— не говорю уже о томъ, что здѣсь, въ Петропавловскѣ, климатъ лѣтомъ и погода точно созданы для слабаго организма—вся процедура займетъ у васъ два съ половиной мѣсяца и обойдется въ полторы тысячи рублей. Согласитесь, что масса больныхъ хлынетъ, если только доказать, это эти ключи такъ чудодѣйственны, какъ о нихъ говорятъ. Я слышалъ о нихъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ и положительно, судя по нѣкоторымъ даннымъ, думаю, что едва ли гдѣ можно найти такой, самой природой устроенный, курортъ.

Что-жъ, пожалуй, докторъ правъ. Невольно разговоръ о ключахъ принялъ болѣе серьезную окраску, и мы вынуждены были согласиться, что слова доктора не воздушный замокъ.

Сильно уставшіе, полные самыхъ лучшихъ впечатлѣній и отъ никника, и отъ радушнаго гостепріимства крестьянъ Паратунки, двинулись мы назадъ. Лишь къ ночи добрались до Петропавловска, любуясь всю дорогу зеркальной поверхностью застывшей бухты, освѣщенной всходившей полной луной.

XI.

Еще о Петропавловскѣ.—Жертвы моря.—Петропавловскъ и Николаевскъ-на-Амурѣ.

Петропавловскъ—городъ чиновничьяго міра; всѣ учрежденія въ немъ почти исключительно правительственныя.

Имѣется больница и начальная школа. Мѣстные жители охотно посылаютъ туда своихъ дѣтей; курсъ—двухклассный,

Деревня Парагуйка.

преподаетъ самъ начальникъ школы и три учительницы. Вся школа содержится на небольшія казенныя средства и добровольныя пожертвованія. Съ 1910 года, по иниціативѣ вице-губернатора Камчатки, при школѣ организованъ на пожертвованныя суммы интернатъ для дѣтей крестьянъ окрестныхъ деревень, вмѣщающій до 30 человѣкъ. Долго не могли придумать приманку для того, чтобы заставить жителей жертвовать; первый починъ въ этомъ положилъ въ 1910 году военный охранный транспортъ «Колыма». Офицерами, совмѣстно съ мѣстной интелигенціей, былъ поставленъ любительскій спектакль, давшій сразу около тысячи рублей; это былъ первый спектакль города Петропавловска, послѣ котораго теперь уже правильно функціонируетъ любительскій театръ, всегда дающій очень приличные сборы, идущіе цѣликомъ на дѣла мѣстныхъ общественныхъ нуждъ.

Петропавловская городская больница обставлена очень хорошо, но, къ сожалѣнію, въ ней слишкомъ малъ служебный персоналъ: начальникъ больницы—онъ же единственный врачъ всего Петропавловска, съ ногъ сбивается отъ массы работы. Помощниками его являются 5—6 сестеръ милосердія и лишь одинъ фельдшеръ. Въ семи-восьми верстахъ отъ Петропавловска издавна существуетъ колонія прокаженныхъ. Гдѣ гнѣздится зачатокъ этой ужасной болѣзни, сказать трудно, но постоянно, время отъ времени, прибываютъ туда новые больные. Вообще же Петропавловскъ—сравнительно здоровый городъ, онъ не знаетъ никакихъ эпидемій, повальныхъ болѣзней и лишь одна наша общерусская болѣзнь—пьянство, развита тамъ очень сильно.

Поразило меня мѣстное кладбище. Оно сплошь пестритъ крестами могилъ людей, утонувшихъ у береговъ Камчатки. На первомъ планѣ стоитъ памятникъ погибшимъ въ Петропавловскѣ въ 1906 году шести матросамъ съ транспорта «Колыма». Шлюпка съ шестью матросами и офицеромъ подходила къ берегу, но была опрокинута бурунами; всѣ бросились вплавь къ берегу, покрытому острыми

прибрежными камнями, между которыми съ шумомъ переливались разбивавшіеся о нихъ буруны. Лишь одинъ офицеръ поплылъ въ море отъ берега. Сколько онъ ни кричалъ людямъ, сколько ни приказывалъ удаляться отъ камней—ничто не помогло. Всѣ шесть человѣкъ были разбиты о камни, офицера же подобрала проходившая шлюпка. Во время моего пребыванія на Камчаткѣ въ концѣ мая 1911 года жертвой буруновъ стали шесть человѣкъ съ парохода «Транзитъ».

---

25 мая ушелъ изъ Петропавловска зафрахтованный Добровольнымъ флотомъ норвежскій пароходъ «Транзитъ». Капитанъ его былъ Норвежецъ, оба помощника—тоже; Русскими изъ администраціи парохода были только сюперкарго [1]) и его помощникъ. «Транзитъ» развозилъ по рыбалкамъ рабочихъ, преимущественно Японцевъ; всего пасажировъ на немъ было около 400 человѣкъ. Послѣ развозки людей и грузовъ онъ долженъ былъ вернуться въ Петропавловскъ около 10—13 іюня.

27-го мая, около двухъ часовъ дня, въ гавани Петропавловска неожиданно показался «Транзитъ» съ приспущенными флагами. Около пристани стоялъ въ это время военный транспортъ «Колыма», который собирался уходить и уже началъ оттягиваться. Немедленно былъ посланъ съ «Колымы» офицеръ; отъ береговой администраціи поѣхали на пароходъ уѣздный начальникъ и камчатскій областной врачебный инспекторъ.

Около трапа стоялъ какой-то русскій чиновникъ, къ которому мы сейчасъ же и обратились съ вопросомъ:

— Что случилось?

— У насъ погибли вчера шесть человѣкъ... Никого изъ Русскихъ не осталось...

Въ первый моментъ мы не нашли словъ, чтобы что-нибудь сказать. За два дня передъ этимъ, когда уходилъ

---

[1]) Сюперкарго—завѣдующій на пароходѣ всѣми пасажирами и грузами.

Горячій ключъ у деревни Паратуники.

«Транзитъ», была чудная, совершенно тихая погода, и вдругъ...

Я поднялся къ капитану, говорившему только по-англійски и немного по-нѣмецки, и засталъ его совершенно разстроеннымъ. Изъ его разсказа я понялъ только, что при высадкѣ на берегъ въ бурунахъ, у рыбалки Налачево, въ 40 миляхъ отъ Петропавловска погибли шесть человѣкъ съ его судна.

Капитанъ просилъ меня передать командиру «Колымы», что онъ проситъ прислать офицера для производства дознанія и доктора; «Транзитъ» не могъ уйти изъ Петропавловска, не имѣя въ своемъ экипажѣ Русскихъ.

Разумѣется, просьба капитана была тотчасъ исполнена. Когда я разспросилъ пасажировъ-очевидцевъ, выяснилась слѣдующая картина несчастья:

Около часа дня 26-го мая «Транзитъ» сталъ на якорь около рѣки Налачевы, гдѣ находилась рыбалка рыбопромышленника Н. Е. Германа, на которую надо было высадить 40 человѣкъ рабочихъ.

Берегъ былъ еще весь въ снѣгу, рѣка скована льдомъ и прежде, нѣмъ высадить людей, надо было отыскать способное

могли справиться своими четырьмя веслами, вода хлынула, семь человѣкъ очутились на волнахъ. Двоихъ очень быстро выбросило на берегъ, а пять человѣкъ были отбиты къ кунгасу. Кунгасъ же въ это время былъ окончательно затопленъ водой. Оставшіеся около него люди пытались что-нибудь сдѣлать, поставить его при помощи якоря поперекъ волнъ, но окончательно выбились изъ силъ, ничего не добившись. Часть бросилась вплавь къ берегу; кунгасъ вдругъ перевернуло, четыре человѣка попали подъ него. Тогда уже всѣ рѣшили бросить кунгасъ и спасаться. Сюперкарго три раза доплывалъ до берега, помогая людямъ выходить изъ воды, но когда отправился четвертый разъ—назадъ уже не вернулся...

Всѣ оказавшіеся на берегу люди были настолько слабы, что не могли даже раздуть костеръ и обсушиться.

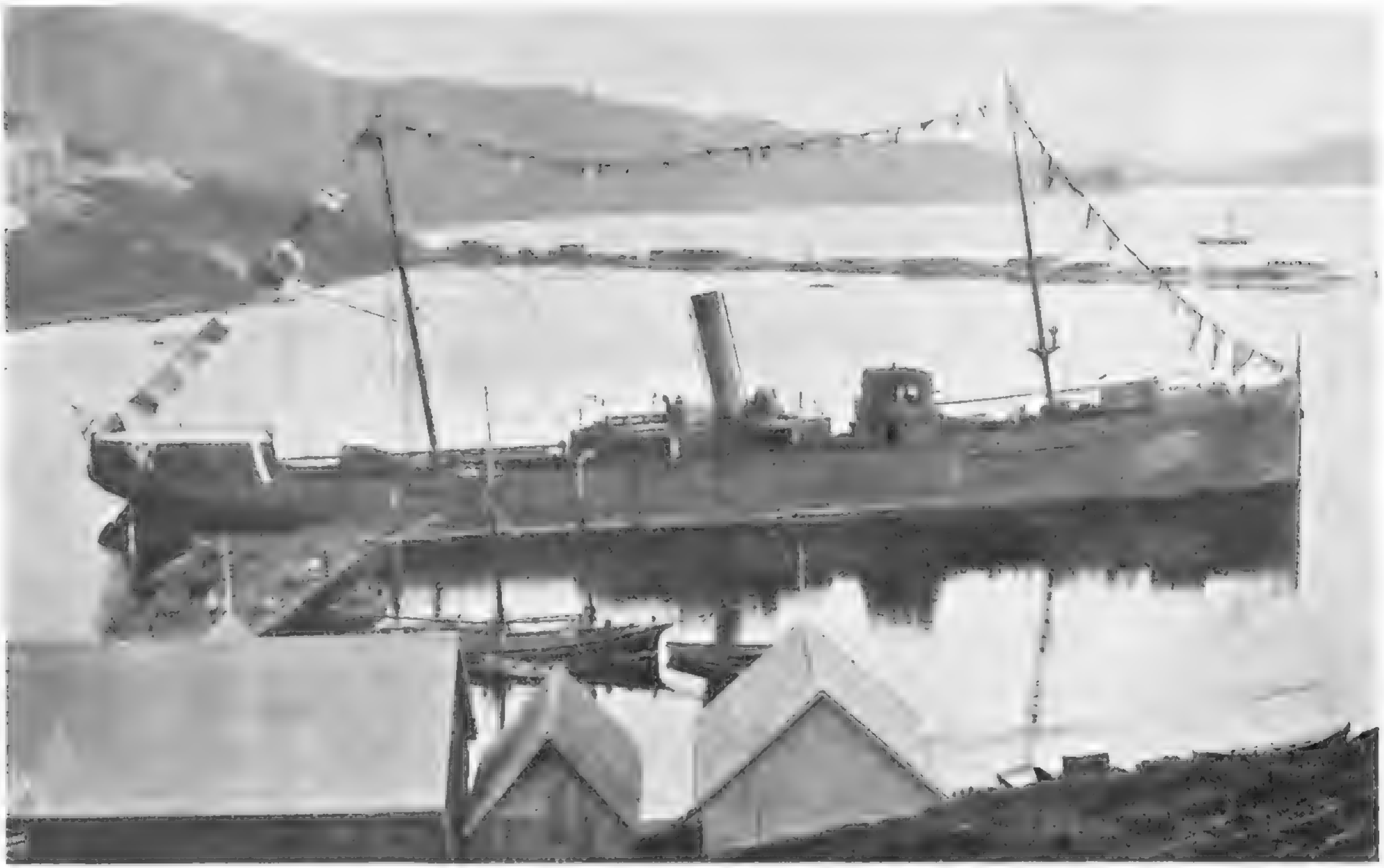
Иззябшіе, промокшіе, они уже не надѣялись вернуться когда-нибудь обратно. Руки и ноги коченѣли, одежда покрывалась тонкимъ слоемъ льда...

Только къ девяти часамъ утра буруны настолько уменьшились, что можно было подойти къ берегу. Японскіе рабочіе, бывшіе на «Транзитѣ», на большомъ кунгасѣ пошли на берегъ, привезли несчастнымъ провизіи, пытались забрать всѣхъ, но только двое рѣшились возвратиться, остальные же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитаго ужаса, пробывъ въ водѣ три-четыре часа, видя, что уже сильно темнѣетъ, рѣшили подождать утра. На утро ихъ всѣхъ привезли на «Транзитъ».

Погибли сюперкарго М. Прэде, рабочіе Самуилъ Тихоновъ, Андрей Нестеркинъ, помощникъ сюперкарго В. Филоновичъ, рабочіе Василій Пануровъ и Петръ Павлюченко; тѣла первыхъ трехъ привезли въ Петропавловскъ, а остальныхъ не нашли.

На слѣдующій день, 28-го мая, состоялись похороны несчастныхъ жертвъ.

Грустное, тяжелое впечатлѣніе производили три наскоро сколоченные гроба, закрытые національными флагами.



Военный транспортъ «Колыма» въ Петропавловскѣ.

Гробъ геройски погибшаго сюперкарго несли офицеры «Колымы», а рабочихъ—матросы. Почти весь Петропавловскъ провожалъ печальную процесію на кладбище...

Невольно вспомнилось, что въ Петропавловскѣ имѣется уже три памятника погибшимъ у береговъ Камчатки, а новое кладбище почти все состоитъ изъ отдѣльныхъ жертвъ моря.

Послѣ происшедшей катастрофы «Транзитъ» оказался въ самомъ тяжеломъ положеніи. Не имѣя никого въ своемъ экипажѣ Русскихъ, находясь подъ командою человѣка, который не могъ нигдѣ объясниться—онъ не въ состояніи былъ двинуться дальше. Капитанъ былъ совершенно убитъ — задерживались грузы, люди, терялось дорого стоющее время.

Видя это, командиръ «Колымы» далъ предписаніе командиру транспорта «Аргунь» назначить одного изъ своихъ помощниковъ идти на «Транзитъ» въ качествѣ сюперкарго, что и было выполнено въ тотъ же день вечеромъ. Находящійся въ Петроповловскѣ агентъ Добровольнаго флота говоритъ, что если бы не случайная стоянка «Колымы», они буквально не знали бы, что дѣлать.

Войсковыхъ частей въ Петропавловскѣ нѣтъ; послѣднее время много говорили на эту тему, строили всевозможные планы, писали объ отправкѣ туда цѣлаго батальона,—но пока эти планы ни во что реальное не вылились. Единственные воины тамъ—«казаки», которыхъ я уже описывалъ; ихъ здѣсь двадцать человѣкъ, исполняютъ они тѣ же функціи, что и въ Ново-Маріинскѣ. Въ Петропавловскѣ имъ поручаютъ еще охрану кассы государственнаго казначейства и карцера при полицейскомъ управленіи. Кстати, въ Петропавловскѣ съ 1910 года появился одинъ городовой,—жители были ужасно горды такимъ явнымъ признакомъ возникновенія зачатковъ цивилизаціи города. Насколько войско, составленное изъ «казаковъ», надежно, можно судить по слѣдующему.

Зимой 1910—1911 года въ Петропавловскѣ содержались въ карцерѣ для отправки ихъ весной во Владивостокъ четверо отъявленнѣйшихъ негодяевъ. Они терроризировали своими погромами и грабежами все населеніе; долго двадцать воиновъ не могли ихъ одолѣть. Наконецъ, когда тѣ были разъ мертвецки пьяны, ихъ какъ-то удалось упрятать въ карцеръ. Кончилось это предпріятіе тѣмъ, что арестанты отняли у часового-«казака» ружье и убили одного изъ своихъ же товарищей. Не думаю, чтобы такой караулъ могъ охранить пятьсотъ тысячъ петропавловскаго казначейства, а о его чисто боевыхъ качествахъ и говорить не стоитъ.

Какъ больно становится, когда вспомнишь, что все это—потомки тѣхъ людей, горсть которыхъ геройски отстояла Петропавловскъ отъ нападенія англо-французской эскадры въ 1854 году.

Я такъ подробно описываю Петропавловскъ потому, что вся жизнь Камчатки сосредоточивается въ немъ, отъ него зависитъ все ея благосостояніе.

Петропавловскъ, какъ городъ, разростается очень быстро. Камчатка начинаетъ сильно цивилизоваться, движеніе всевозможныхъ грузовъ и пасажировъ уже сейчасъ громадное, а удобствъ никакихъ. Не надо забывать, что этотъ городъ, единственный центръ далекой окраины, играетъ исключительную роль въ жизни края, роль, которая развивается съ каждымъ днемъ. Петропавловскъ для всего Дальняго Сѣвера—это то же, что Владивостокъ для Сибири, но роль его, какъ морского порта, несравненно значительнѣе, чѣмъ всякаго другого, ибо онъ навсегда лишенъ желѣзнодорожнаго пути. Немыслимо вести желѣзную дорогу вокругъ всего Охотскаго моря, черезъ Камчатку, да еще по такой мѣстности, какъ камчатскія крутыя горы и сопки.

Съ громадной грустью узналъ я, что при недавнихъ асигнованіяхъ на Владивостокъ и Николаевскъ-на-Амурѣ

Петропавловскъ. — Памятникъ войны 1854 г.

ассигновано шесть миліоновъ, а Петропавловскъ не получилъ ни копѣйки.

Стоитъ ли такихъ заботъ Николаевскъ-на-Амурѣ, если ассигнованія на него *идутъ за счетъ* Петропавловска, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развивающагося и пріобрѣтающаго большое значеніе?

Николаевскъ расположенъ въ такомъ неудачномъ, въ морскомъ смыслѣ, мѣстѣ, гдѣ никогда не можетъ возникнуть большой торговый портъ. За десятки миль отъ города начинаются сильныя мели, проходъ между которыми крайне затруднителенъ, вообще же возможенъ лишь въ теченіе весьма непродолжительнаго времени высокой воды; это—для судовъ средней осадки, большіе же грузовые пароходы совершенно этимъ портомъ пользоваться не могутъ. Скоро начнется правильное движеніе на строящейся теперь Амурской желѣзной дорогѣ. Конечно, съ этого момента все колосальное количество амурской рыбы будетъ отправляться по желѣзной дорогѣ; то преимущество воднаго пути передъ сухимъ, которое существуетъ въ большихъ портахъ, здѣсь сведется почти на нѣтъ. Малый промежутокъ времени, въ которое можно отправить рыбу, лихорадочная торопливость въ ея приготовленіи, чтобы только не опоздать въ настоящій сезонъ, малое количество судовъ, поспѣвающихъ ее вывезти, дороговизна фрахта, лоцмановъ, невозможность имѣть большіе пароходы,—вотъ что заставитъ рыбопромышленника отправлять свои грузы сухимъ путемъ, гдѣ, онъ знаетъ, можетъ не стѣсняться ни количествомъ отправляемаго, ни временемъ отправки; знаетъ, что все прибудетъ въ срокъ и гораздо скорѣе попадетъ на рынокъ, чѣмъ морскимъ путемъ.

Имѣя это въ виду, стоитъ ли тратить полтора миліона на оборудованіе порта, который потеряетъ не сегодня—завтра свое морское значеніе. Постройка же канала къ Николаевску обойдется, минимумъ, миліона три и все-таки своего назначенія—возможности большого и дешеваго движенія пароходовъ—не выполнитъ.

Весь нашъ Сѣверный Востокъ—Чукотскій полуостровъ и Камчатка—имѣютъ лишь одну морскую торговую базу—городъ Петропавловскъ, совершенно не оборудованную, какъ портъ.

Тѣмъ не менѣе условія входа въ Петропавловскъ не требуютъ ни излишне-напряженнаго вниманія и осторожности, ни какихъ бы то ни было лоцмановъ. Выгрузка товаровъ крайне удобна на большомъ протяженіи берега. Достаточно сказать, что къ закрывающей Петропавловскую внутреннюю гавань косѣ большіе пароходы для выгрузки подходятъ на разстояніе десяти саженъ. Трудно найти лучшія естественныя условія для зарожденія торговаго порта; надо еще прибавить, что Авачинская губа не замерзаетъ и для любого судна доступна круглый годъ.

Вся камчатская рыба, количество которой гораздо больше, чѣмъ амурской, проходитъ черезъ Петропавловскъ. Подъ самымъ Петропавловскомъ расположены пять большихъ рыбалокъ. А между тѣмъ нѣтъ ни пакгаузовъ, ни достаточнаго количества пристаней (есть одна небольшая, къ которой пароходы вынуждены становиться по три-четыре рядомъ или ждать очереди), нѣтъ средствъ для передвиженія грузовъ по прибрежному пути, для нагрузки ихъ на суда и т. д.; для самихъ судовъ нѣтъ достаточнаго количества угля, воды, припасовъ, не говоря уже объ отсутствіи малѣйшаго намека на мастерскія. Въ Петропавловскѣ нечѣмъ даже спаять два куска метала.

О громадныхъ богатствахъ края и его значеніи для Россіи въ послѣднее время очень много говорятъ и пишутъ.

Въ данный моментъ процвѣтаніе не только Камчатки, но и Чукотскаго полуострова въ сильной степени зависитъ отъ работоспособности ихъ центра, а таковымъ является единственно Петропавловскъ. Создать городъ, который могъ бы служить такимъ мѣстнымъ центромъ культуры,—вотъ ближайшая нелегкая задача, лежащая на высшей дальне-восточной администраціи и петербургскихъ центральныхъ правительственныхъ органахъ.

Петропавловскъ. — Видъ съ Сигнальнаго мыса.

XII.

Коряки.—Рыбные промыслы.

Коренное населеніе Камчатскаго полуострова—Коряки, называемые Камчадалами (отъ слова «Кончало», какъ они себя называютъ). Это очень низкорослый народъ, съ типичными чертами монгольскаго происхожденія; основы ихъ жизни, религія, обряды очень сходны съ обрядами Чукчей. Когда-то этотъ народъ былъ очень воинственнымъ и нѣсколько разъ пытался возставать; особенно сильныя возстанія были въ 1731 и 1740 годахъ. Теперь они совершенно обрусѣли, хотя сохранили нѣкоторые изъ своихъ старинныхъ вѣрованій и обрядовъ; внутри полуострова часто можно встрѣтить обрядъ шаманства, очень схожій съ таковымъ же у Чукчей. Но такіе старинные обычаи сохранились лишь въ сѣверной Камчаткѣ, вся же южная половина ея настолько уже заселена нашими переселенцами, что стала совершенно русской во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, покрылась многими разсѣянными то тутъ, то тамъ русскими деревнями; среди переселенцевъ главное мѣсто занимаютъ старообрядцы и молокане. Въ Петропавловскѣ Камчадалами называютъ именно такое полурусское коренное населеніе, почти ничего общаго уже съ ископными Корякамн не имѣющее; изъ этихъ Камчадаловъ и набираются «казаки», которыхъ я раньше описывалъ. Все, что осталось въ теперешнихъ Камчадалахъ отъ ихъ предковъ, это—низкорослость и слабосильность, да то, что вмѣсто всѣхъ шипящихъ буквъ они произносятъ «ц» или «с».

Всѣ Камчадалы—прекрасные рыболовы, пища ихъ состоитъ почти исключительно изъ рыбы. Своихъ ѣздовыхъ собакъ они кормятъ также «юкколой», провяленными на солнцѣ пластами рыбы. Скотоводство на Камчаткѣ развито очень слабо; лишь въ послѣднее время населеніе начало разводить рогатый скотъ, взявъ примѣръ съ русскихъ переселенцевъ. На сѣверѣ Камчатки сильно развито оленеводство. Разумѣется, большой доходъ дастъ населенію звѣро

Коряки съ матросами «Колымы».

ловство; жители промышляютъ преимущественно бурыми медвѣдями, которыхъ на Камчаткѣ большое количество, далѣе идутъ лисицы, бѣлки, горностаи, наконецъ, соболя.

Рыбная промышленность Камчатки славится во всемъ мірѣ. На полуостровѣ расположено безчисленное множество рыбалокъ (если считать всѣ мелкія—около 2000).

Наиболѣе крупныя рыбалки находятся въ районѣ селенія Усть-Камчатска, гдѣ сейчасъ первое мѣсто занимаетъ рыбалка рыбопромышленника Х. П. Бирича, имѣющаго тамъ же два консервныхъ рыбныхъ завода. Усть-Камчатскъ вылавливаетъ за сезонъ около миліона штукъ всевозможной рыбы. Почти вся камчатская рыба изъ породы лосося. кеты, горбуши, чевыча. Паралельно съ этимъ, на Камчаткѣ въ большомъ количествѣ развивается приготовленіе различныхъ сортовъ икры и тука; многими рыбопромышленниками энергично развивается за послѣднее время ловъ сельди.

Усть-Камчатскіе консервные заводы поставляютъ продукты своего изготовленія въ огромномъ количествѣ въ Англію; въ Россію же они почти совсѣмъ не идутъ.

Мнѣ часто приходилось слышать жалобы, что якобы на Камчаткѣ нѣтъ лѣса. А, между тѣмъ, всѣ постройки на рыбалкѣ Бирича сооружены изъ камчатскаго лѣса, сплавленнаго по рѣкѣ Камчаткѣ изъ внутреннихъ районовъ, расположенныхъ верстъ за восемьдесятъ отъ моря. На этой рыбалкѣ около двухсотъ человѣкъ рабочихъ, Русскихъ и Японцевъ; при рыбалкѣ имѣются большіе склады для рыбы, огромный ледникъ.

Очень много въ этомъ краѣ такихъ рыбопромышленниковъ, которые занимаются лишь тѣмъ, что берутъ на свое имя одинъ изъ участковъ, который по правиламъ не можетъ быть сданъ Японцамъ, и затѣмъ, за приличную сумму, предоставляютъ всю эксплоатацію японскому же промышленнику или просто всю добытую рыбу продаютъ ему же. Многіе владѣльцы рыбалокъ промышляютъ еще тѣмъ, что вымѣниваютъ у мѣстныхъ жителей шкуры за спиртъ, что, конечно, такъ же запрещено, какъ и на Чукотскомъ полуостровѣ.

Въ одной изъ сѣверныхъ бухтъ Камчатки стоялъ какъ-то нашъ военный транспортъ. Пріѣзжаетъ на него однажды Корякъ и заявляетъ, что недалеко, на рыбалкѣ нѣкоего Т., взбунтовались рабочіе. Сейчасъ же были отправлены туда вооруженные матросы и два офицера для производства до-

знанія. Владѣлецъ рыбалки заявилъ, что онъ поймалъ одного рабочаго въ продажѣ мѣстному населенію спирта, хотѣлъ заставить его взять спиртъ обратно, но тотъ отказался, что якобы и послужило поводомъ къ общему бунту.

— Помилуйте, ваше б—родіе,—заговорилъ въ отвѣтъ одинъ изъ рабочихъ,—спросите всѣхъ, кого угодно—онъ самъ все время торгуетъ спиртомъ, да вѣдь мы молчали.

— Откуда же у него столько спирта оказалось?—спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— А когда мы въ Петропавловскѣ садились на пароходъ, онъ каждому рабочему далъ съ собой по бутылкѣ спирта. «Спрячьте»,—говоритъ «себѣ за пазуху. Тамъ, на рыбалкѣ вамъ пригодится по стаканчику, когда промерзнете, или промокнете». А потомъ всю эту водку онъ отъ насъ отобралъ, и когда намъ нужно было выпить, давалъ какую-то бурду, настоенную на махоркѣ, которую мы и сами не

Коряцкія женщины.

Русскій консервный заводъ въ Усть-Камчатскѣ.

нили. Спиртъ-то, который мы провезли, такъ и пошелъ весь на мѣха.

Увы, разсказъ рабочаго впослѣдствіи вполнѣ подтвердился. Дальше выяснилось, что вообще своимъ отношеніемъ къ рабочимъ рыбопромышленникъ самъ сознательно вызвалъ ихъ отказъ отъ работы, зная, что по контракту онъ прекращаетъ платежъ жалованья въ случаѣ забастовки въ горячее время.

Подобные «рыболовы» попадаются въ руки надзора въ одномъ изъ десяти случаевъ. Наша организація рыболовнаго надзора страшно хромаетъ. Мало людей, нѣтъ средствъ сообщенія. Съ 1911 года въ распоряженіи завѣдующихъ отдѣльными районами имѣются четыре небольшихъ моторныхъ катера, къ тому же вѣчно находящихся въ неисправности. Около рыбалки рѣки Панкара я видѣлъ разъ начальника надзора за восточнымъ побережьемъ, чиновника М. Стояла отчаянная жара; среди голаго поля раскинута небольшая палатка, наполненная комарами. Несчастный

М. лежалъ на кровати въ одномъ бѣльѣ и тяжело дышалъ. При моемъ входѣ онъ обернулся.

— Простите, не встану. Боленъ, совсѣмъ боленъ.

— Что съ вами?

— У меня лихорадка, голова трещитъ отъ боли и никуда не могу двинуться—моторъ мой уже двѣ недѣли стоитъ въ бездѣйствіи; испорченъ, какъ всегда. А тутъ еще комары проклятые; я ужъ и то всю ночь бумагу жгу, мало помогаетъ. Понимаете вы, эта палатка—моя главная резиденція!

На столикѣ стоялъ жестяной подносъ, весь наполненный пепломъ бумаги...

Главная причина слабой постановки дѣла надзора—крайне малое количество стражниковъ. Многіе крупные рыбопромышленники мнѣ говорили, что готовы на свои деньги держать людей, лишь бы водворить порядокъ и примѣнить законныя требованія къ массѣ нарушителей всѣхъ правилъ; каждое неисполненіе постановленій въ этой области тяжело отзывается не только на карманѣ другихъ

Образцы камчатской рыбы.

Бурунъ.

рыбопромышленниковъ, но и вообще на процвѣтаніи нашего рыбнаго промысла, играющаго такую громадную роль для всего края.

На всемъ побережьи Камчатки товарообмѣнъ края сильно затрудняется очень плохими условіями высадки со шлюпокъ. Весь берегъ изрѣзанъ устьями рѣкъ съ далеко выдвигающимися въ море барами, иногда на большомъ пространствѣ имѣющими глубину и болѣе двухъ футъ. На такихъ барахъ, въ мѣстѣ сліянія струи рѣки съ зыбью моря всегда происходитъ сильная «толчея», далеко отъ себя распространяющая волны. Подойдя къ отлогому берегу, волна поднимается крутымъ валомъ и, разбиваясь о песокъ, часто образуетъ очень высокій бурунъ. При такихъ условіяхъ высадка на берегъ требуетъ большого навыка и осторожности, ибо вмѣстѣ съ буруномъ вылетаетъ на берегъ и вскидывающаяся шлюпка. Особенно славится своими страшными бурунами Усть-Камчатскъ, гдѣ они достигаютъ иногда высоты одной сажени. Гребень буруна стремится всегда

завернуться внутрь, и если шлюпка прозѣвала моментъ— ее неминуемо зальетъ и сейчасъ же отброситъ обратно въ море. Обычно при высадкѣ выжидаютъ большую волну, которая могла бы сразу выбросить шлюпку на берегъ, гдѣ ее должны подхватить, уже выскочивъ на берегъ, сидѣвшіе въ ней люди и оттащить еще дальше по берегу ранѣе, чѣмъ подойдетъ второй бурунъ. При обратномъ отправленіи шлюпки люди становятся по бортамъ и, какъ только отойдетъ бурунъ, часто по поясъ въ водѣ, быстро скатываютъ ее впередъ въ море съ тѣмъ расчетомъ, чтобы слѣдующій валъ подошелъ къ шлюпкѣ лишь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ еще не разбивается о берегъ; потомъ шлюпка протягивается дальше въ море по канату съ заброшеннымъ еще при высадкѣ далеко отъ берега якоремъ. Иногда малѣйшее промедленіе можетъ стоить многихъ человѣческихъ жизней, какъ я это описывалъ при несчастіи въ бухтѣ Налачево. Практика жителей выработала тамъ особый типъ шлюпки «кунгасъ», съ плоскимъ днищемъ, наименѣе опасный при выбрасываніи на берегъ. Но, какая бы ни была шлюпка, выгрузка товара въ бурунахъ всегда затруднительна; часто пароходъ простаиваетъ нѣсколько дней около

Кунгасъ на гребнѣ буруна.

рыбалки, выжидая погоду, благопріятную для выгрузки и теряя зря драгоцѣнное время.

Вышеописанныя условія, затрудняющія или мѣшающія такъ или иначе процвѣтанію нашей рыбопромышленности, осложняются еще тѣмъ, что они находятся въ связи съ конкуренціей Японіи, выторговавшей послѣ войны громадное количество выгодныхъ для себя пунктовъ, на которыхъ Японцы имѣютъ право лова рыбы.

XIII.

Японскіе рыбопромышленники.

Много зла причинила намъ подписанная вмѣстѣ съ Портсмутскимъ договоромъ функціонирующая нынѣ рыболовная конвенція; что сдѣлано—то сдѣлано, поневолѣ приходится подчиняться этому, но знать это зло тоже необходимо.

Многія правила конвенціи поставили нашихъ рыбопромышленниковъ въ несравненно худшія условія, чѣмъ японскихъ. Правда, Японцы не могутъ быть конкурентами для насъ, ибо ихъ рыба идетъ исключительно въ Японію. Казалось бы, одни другимъ не мѣшаютъ. Но это только такъ кажется. Основное правило конвенціи заключается въ томъ, что русскимъ и японскимъ промышленникамъ разрѣшается ловить рыбу «на равныхъ условіяхъ». Примѣръ: Японцы для перевозки грузовъ пользуются исключительно своими судами, мы исключительно—своими; въ результатѣ у насъ провозъ груза изъ Владивостока на Камчатку обходится 45 коп. пудъ, а на зафрахтованномъ японскомъ пароходѣ—12 коп. [1]). Далѣе: «всякій рыбопромышленникъ при арендѣ участка подписываетъ контрактъ, въ которомъ онъ обязуется подчиняться всѣмъ существующимъ правиламъ и положеніямъ, а также и могущимъ быть изданными»; здѣсь есть

[1]) Данныя частнаго совѣщанія рыбопромышленниковъ въ гор. Владивостокѣ въ 1908 году.

уже существенная разница между условіями работы нашихъ и японскихъ рыбопромышленниковъ: Японецъ долженъ быть предупрежденъ о какомъ-нибудь новомъ положеніи за шесть мѣсяцевъ, а относительно Русскихъ это не оговорено. Конечно, «слухомъ земля полнится» и всегда прежде, чѣмъ выйдетъ новое правило, о немъ, хоть по слухамъ, да станетъ извѣстно—но нельзя же слухи возводить на степень офиціальнаго извѣщенія, каковое должно быть сдѣлано японскимъ подданнымъ.

Интересно сравнить прибыль русскихъ и японскихъ рыбопромышленниковъ. Повторяю, что на русскомъ рынкѣ Японія не составляетъ для насъ конкуренціи, но примѣры, которые я привожу, свидѣтельствуютъ о томъ, насколько мы, по недостаточному знанію края, мало позаботились о своихъ, сравнительно съ Японцами. Прежде, чѣмъ говорить о цифрахъ, надо объяснить причины, вліяющія на развитіе дѣятельности Японіи въ области рыболовства.

Въ данное время, въ Японіи широко развивается общество рыбопромышленниковъ, подъ названіемъ «Роріо Енкайшу Суйсенъ Куміяй», въ переводѣ: «Общество морскихъ промысловъ въ русской Приморской области»; насколько это общество дѣйствуетъ рѣшительно въ дѣлѣ эксплоатаціи нашихъ рыбныхъ богатствъ, не обращая никакого вниманія на Русскихъ, можетъ показать первая статья его устава, которая гласитъ: «Общество имѣетъ своею цѣлью упорядочить морскіе промыслы въ Приморской области, искоренивъ дурные обычаи, исправить поведеніе рыбопромышленниковъ и увеличить общую пользу членовъ общества»... Если показать это человѣку, не слишкомъ увѣренному въ томъ, что Приморская область принадлежитъ Россіи, онъ навѣрно похвалитъ Японцевъ за ихъ радѣніе о своей провинціи.

Это общество имѣетъ нѣсколько отдѣленій, изъ которыхъ «Хакодате-Сибу», т. е. Хакодатское отдѣленіе вѣдаетъ дѣлами Камчатки. Не безынтересно бросить бѣглый взглядъ на исторію возникновенія общества.

Казарма японскихъ рабочихъ на рыбалкѣ въ Усть-Камчатскѣ.

Почти всѣмъ извѣстенъ фактъ изъ минувшей войны, когда нѣкій японскій капитанъ, рѣшивъ завоевать Камчатку, явился туда съ небольшимъ отрядомъ, водрузилъ японскій флагъ и объявилъ край окупированнымъ; правда, въ результатѣ онъ потерпѣлъ фіаско. Это былъ капитанъ запаса японскаго флота Наридата Гундзи. Задолго еще до войны, онъ считался извѣстнѣйшимъ знатокомъ Камчатки, занимался энергичнымъ проведеніемъ въ жизнь идеи заселенія Курильской гряды, сильно интересовался положеніемъ рыбопромышленности въ нашихъ водахъ. Вотъ онъ-то своей колосальной энергіей и объединилъ всѣхъ японскихъ рыбопромышленниковъ въ могучее, прекрасно организованное общество, что было еще легче привести въ исполненіе. благодаря помощи въ этомъ самого японскаго правительства. 28-го марта 1908 года въ Японіи былъ изданъ законъ, разрѣшающій всѣмъ рыбопромышленникамъ, работающимъ въ иностранныхъ водахъ, соединяться въ союзы; но главной помощью токійскаго правительства явился спеціальный законъ, гласящій, что никто не можетъ ловить рыбу въ районѣ дѣйствующаго союза, не будучи его членомъ. Сознавая колосальное значеніе для Японіи рыбопромышленности и вліяніе ея на всю экономическую жизнь страны, японское правительство принимаетъ всѣ мѣры къ поддержанію промышленниковъ; такъ, напримѣръ, сейчасъ въ числѣ членовъ общества «Куміяй» насчитывается нѣсколько членовъ парламента.

Возникшее и развернувшее въ полной мѣрѣ свои дѣйствія съ 1909 года общество фрахтуетъ сейчасъ около 250 судовъ, насчитываетъ у себя до 200 членовъ, имѣетъ оборотъ въ нѣсколько миліоновъ рублей, кормя семь тысячъ человѣкъ. Это уже не общество, а цѣлая отдѣльная, громадная корпорація; малѣйшая просьба рыбопромышленника исходитъ здѣсь не отъ частнаго лица, а отъ мощнаго союза, узаконеннаго правительствомъ, опирающагося на силу своей громадной сплоченности.

29-го октября 1908 года въ Токіо собралось до 65 человѣкъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ рыбнаго промысла. Со-

вѣщаніе происходило подъ предсѣдательствомъ самого Гундзи, подавшаго первую мысль объ организаціи союза; на этомъ собраніи и былъ окончательно рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ объ образованіи общества.

Изъ краткаго описанія общества «Куміяй» видно, съ какой неутомимой энергіей Японцы направляютъ всѣ свои силы къ пріобрѣтенію доминирующаго значенія въ промыслахъ нашихъ береговъ; а это невольно наводитъ на мысль о близкой возможности мирнаго захвата Камчатки Японцами въ свои руки.

Но вернемся къ условіямъ, въ которыхъ находятся наши и японскіе рыбопромышленники.

Аренда участковъ установлена одно-и трехгодичная и, въ видѣ исключенія для нѣкоторыхъ лицъ, двѣнадцатигодичная, являющаяся для успѣшнаго развитія промысла, разумѣется, наиболѣе желательной. При этомъ Японцы не могутъ арендовать рѣкъ и 34 морскихъ участка.

Такъ какъ всѣ японскіе рыбопромышленники состоятъ членами «Куміяй», то аренда участковъ у нихъ производится послѣ тщательныхъ совѣщаній на общемъ собраніи; такимъ образомъ, они являются на торги, уже заранѣе твердо зная, какой кому достанется участокъ, и имѣя въ рукахъ подробныя данныя о каждомъ изъ послѣднихъ; являются спокойные за исходъ торговъ, ибо увѣрены, что Русскихъ будетъ очень мало. Борьба съ ними, однако, вполнѣ возможна, что показываетъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто на торгахъ 7-го марта 1909 года. Японцы были тогда очень непріятно поражены: они въ первый разъ предложили взять участки на долгосрочную, трехгодичную аренду, какъ неожиданно имъ пришлось столкнуться съ сильной конкуренціей со стороны Русскихъ. Японцы явились во главѣ со своимъ консуломъ, въ количествѣ шестидесяти человѣкъ; въ началѣ торговъ они были совершенно еще спокойны за предстоящіе результаты, но когда уже около 15 участковъ были заняты Русскими, Японцы вдругъ потеряли всякое самообладаніе и начали азартно конкурировать даже другъ съ другомъ.

Что касается арендной платы, то для Японцевъ она выше, чѣмъ для Русскихъ; въ послѣднее время она увеличена въ три раза (до 3,000 іенъ). Но это не имѣетъ большого значенія, ибо всѣ цифры говорятъ, что Японцы эксплоатируютъ наше побережье съ несравненно большей выгодой, чѣмъ Русскіе. Это доказывается хотя бы уже тѣмъ, что за 1907, 1908 и 1909 г.г. было взято участковъ русскими рыбопромышленниками—55, японскими—444. Считая, въ среднемъ, что на долю русскаго предпринимателя и рабочихъ каждый сезонъ дастъ 6,000 руб. прибыли, а Японцу -14,000 [1]), мы получимъ, что Японцами за эти 3 года вывезено рыбы въ 19 разъ, на 5.886,000 іенъ, больше, чѣмъ Русскими.

Въ общемъ, ежегодный доходъ Россіи отъ рыбныхъ промысловъ Дальняго Востока равняется теперь приблизительно 400,000 руб.

Если взять точныя данныя о ввозѣ русской рыбы въ Японію изъ отчета нашего консула въ Хакодате, то они выразятся слѣдующими цифрами:

	Привезено рыбы:	На сумму:
1907 г.	2.043.460 п.	2.842.796 іенъ.
1908 »	2.456.646 »	3.735.380 »
1909 »	3.637.436 »	4.836.884 »

Эти цифры показываютъ, что ввозъ русской рыбы въ Японію прогрессируетъ въ сильной степени. Такъ же значительно развивается и количество японскихъ рыбопромышленниковъ на нашихъ берегахъ.

Рыболовная конвенція заключена на двѣнадцать лѣтъ; вступила она въ силу съ 1907 года, слѣдовательно до 1919 года волей или неволей, а подчиняться ей придется, какъ придется считаться и съ законнымъ правомъ промысла Японцевъ на Камчаткѣ. Если съ этимъ вполнѣ примириться, сидѣть сложа руки и ждать грядущихъ событій— захватъ нашего края въ руки Японцевъ и постепенное вытѣсненіе ими нашихъ промышленниковъ—неизбѣжны.

---

[1]) Х. И. Биричъ, журналъ «Рус. Судох.», за 1907 г. № 27.

XIV.

Пароходные рейсы.

Въ настоящее время всѣ рыбалки наши обслуживаются пароходами Добровольнаго флота. Относительно дороговизны подобной перевозки грузовъ я уже говорилъ; но, кромѣ этого, отрицательной стороной является еще крайне неудачное расписаніе рейсовъ. Правда, каждый годъ это расписаніе обсуждается совѣщаніями рыбопромышленниковъ, но составляется оно, конечно, не исключительно согласно ихъ требованіямъ, вслѣдствіе чего получаются крупныя недоразумѣнія. Въ 1910 году, осенью, цѣлая рыбалка у бухты Моржевой осталась безъ парохода—и безъ провизіи; чтобы попасть хоть на какой-нибудь пароходъ, рабочіе отправлялись на кунгасахъ въ Петропавловскъ. Въ минувшемъ году путаницы было еще больше. Вслѣдствіе гибели двухъ пароходовъ, «Транзитъ» и «Тордисъ», очень долгое время, когда уже надо было везти рыбу во Владивостокъ, всѣ рыбалки оставались безъ пароходовъ, а въ октябрѣ забиравшіе рыбу три парохода оказались перегруженными до такой степени, что въ Петропавловскѣ капитанъ отказался взять грузы съ мѣстныхъ трехъ рыбалокъ.

Правильной организаціи сообщенія мѣшаетъ еще рядъ затруднительныхъ формальностей. Японецъ, отправляясь на Камчатку, забираетъ въ Хакодате одно навигаціонное свидѣтельство, чѣмъ и исчерпываются всѣ формальности для плаванія, послѣ чего онъ можетъ ходить, куда ему угодно. У насъ же, если рыбопромышленникъ долженъ отправить грузъ на Камчатку, онъ обязанъ непремѣнно зайти въ Петропавловскъ для выполненія массы таможенныхъ формальностей, а, значитъ, долженъ потерять много лишняго времени и денегъ. Кромѣ этого существуетъ еще одно очень оригинальное положеніе. Если нашъ рыбопромышленникъ взялъ документы на перевозъ грузовъ

до какого-нибудь одного пункта, то никакихъ сообщеній съ другими пунктами онъ имѣть уже не можетъ. Другими словами, если кто-нибудь имѣетъ двѣ, три рыбалки, хотя бы и расположенныя близко другъ отъ друга, но раздѣленныя чужими участками, то такой рыбопромышленникъ не имѣетъ права даже на кунгасѣ сообщаться съ одной рыбалки на другую.

Всѣ эти недостатки въ организаціи путей сообщенія, понятно, заставляютъ нашихъ рыбопромышленниковъ сильно задумываться надъ этимъ вопросомъ. Образованіе русскаго каботажа было бы здѣсь какъ нельзя болѣе желательнымъ, и многіе уже серьезно надъ этимъ думаютъ. Попытка организовать такое предпріятіе была сдѣлана въ 1910 году. Проектъ организаціи дѣла былъ очень многими рыбопромышленниками признанъ вполнѣ отвѣчающимъ ихъ насущнымъ нуждамъ.

Предложено было на первый годъ завести четыре моторныхъ шхуны отъ 80—120 тоннъ. Эти шхуны должны были ранней весной отправляться изъ Японіи на Камчатку съ грузомъ соли; одна должна была обойти западный берегъ, остальныя—восточный, доходя каждая до своего опредѣленнаго пункта: бухта бар. Корфа, Анадырь, Дежневъ. Послѣднюю шхуну, которая должна была ходить на мысъ Дежневъ, предполагалось выстроить нѣсколько больше остальныхъ.

Зимовка шхунъ предполагалась въ Петропавловскѣ, гдѣ должны быть устроены склады, обладающіе необходимыми запасами для приготовленія шхунъ къ слѣдующему плаванію.

Другая варіація этого проекта состояла въ томъ, чтобы, увеличивъ число шхунъ, доставлять рыбу непосредственно во Владивостокъ. Тогда тонажъ шхунъ разсчитывался такимъ образомъ, чтобы каждая могла забрать грузъ одной средней рыбалки.

Правительство, по словамъ компаньоновъ, давало на это предпріятіе около 100.000 р. пособія. Компанія была уже близка къ осуществленію своего проекта и весною 1912 года

должна была начать функціонировать, но все разстроилось вслѣдствіе происшедшаго разлада между членами общества.

Жаль, что не удалось осуществить этого проекта. Крайнія неудобства нашихъ способовъ сообщенія съ Камчаткой растутъ съ каждымъ годомъ.

Говоря о сѣверныхъ рейсахъ, необходимо сказать о приспособленности самихъ судовъ къ этимъ рейсамъ.

Пароходъ «Чинтуфу».

Добровольный флотъ фрахтуетъ суда, буквально, какія попадутся; вслѣдствіе этого создалось то положеніе, что суда оказываются крайне неудобными для сѣверныхъ рейсовъ. Лишь пароходы «Чинтуфу» и «Цинанфу» болѣе или менѣе удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются условіями плаванія и обслуживанія нашихъ береговъ. Развозя по побережью всѣ рыбалки, пароходъ долженъ везти и много груза и много пасажировъ. За исключеніемъ названныхъ двухъ пароходовъ, всѣ осталь-

ные представляютъ собою типъ обычнаго грузовика, совершенно не разсчитаннаго на перевозку 40—50 пасажировъ каютныхъ и до 400 палубныхъ. Вслѣдствіе этого грязь и полный хаосъ царятъ на пароходахъ невообразимые. А къ этой картинѣ надо еще прибавить отчаянное пьянство среди палубныхъ пасажировъ. На пароходѣ, правда, имѣется акцизный чиновникъ, но онъ, конечно, не въ силахъ услѣдить за всѣмъ, что творится. Во-первыхъ, большинство рабочихъ

Изъ судовой жизни.—Выгрузка быка съ парохода.

говорятъ, что они достаютъ спиртъ у судовой же команды, а, во-вторыхъ, и сами рабочіе имѣютъ возможность всегда пронести на пароходъ спиртъ незамѣченнымъ...

Сколько разъ мнѣ ни приходилось бывать на пароходахъ сѣверныхъ рейсовъ, всегда они производили самое отталкивающее впечатлѣніе полнымъ отсутствіемъ какого-либо намека на порядокъ.

Такихъ отдѣльныхъ примѣровъ безалаберности въ организаціи рейсовъ много. Каждый изъ нихъ самъ по себѣ

не имѣетъ большого значенія, но въ суммѣ все это дастъ очень печальную картину условій, въ которыхъ приходится жить нашему рыбопромышленнику.

А Добровольному флоту не трудно было бы позаботиться о томъ, чтобы въ корнѣ измѣнить эти условія. Съ другой стороны, не надо забывать, что Добровольный флотъ въ сильной мѣрѣ субсидируется правительствомъ. Если администрація Добровольнаго флота не хочетъ считаться съ необходимостью измѣнить постановку дѣла, то, казалось бы, правительство, давая громадную субсидію, можетъ и потребовать выполненія извѣстныхъ условій, упорядочивающихъ наши пути сообщенія у Камчатки. А это для Камчатки слишкомъ важно, ибо вся ея жизнь зависитъ отъ цѣлесообразнаго обслуживанія береговъ.

XV.

Условія плаванія.

Условія плаванія у береговъ Камчатки очень тяжелы. Все лѣто берега ея окутаны туманомъ, зачастую приходится входить въ бухту буквально ощупью. Берегъ обрывистый, крайне приглубый, но во многихъ мѣстахъ имѣетъ далеко выдающіяся въ море гряды камней и рифы. Часто суда, долго не имѣвшія возможности провѣрить свое мѣстонахожденіе, поступаютъ такъ: подходятъ, по ихъ расчетамъ, близко къ берегу и даютъ выстрѣлъ; если быстро услышатъ эхо, значитъ, дѣйствительно берегъ близко, и надо уходить; если эхо нѣтъ—можно идти впередъ. Конечно, этотъ способъ опредѣленія мѣста болѣе, чѣмъ рискованъ: можно не услышать эхо и налетѣть на подводный рифъ.

— Помилуйте,—говорилъ мнѣ одинъ капитанъ парохода,—если даже и точно знаете свое мѣсто, вылетѣть на берегъ очень легко изъ-за невѣрности картъ. Мнѣ разъ въ этихъ краяхъ пришлось идти около полутора сутокъ открытымъ моремъ, причемъ на картѣ мой курсъ проходилъ по землѣ, тогда какъ я все время ни клочка берега не видѣлъ.

«Транзитъ» въ бухтѣ Кичигъ въ маѣ 1911 г.

Установка новаго винта на «Колымѣ», взамѣнъ поломаннаго льдами.

Къ несовершенству картъ надо еще прибавить, что подъ берегами Камчатки масса неизслѣдованныхъ теченій; лѣтомъ плавающія тамъ военныя суда занимаются тѣмъ, что каждые четыре часа бросаютъ въ море закупоренную бутылку съ точнымъ обозначеніемъ широты и долготы мѣста бросанія, но это не помогаетъ. Во-первыхъ, бутылки отыскиваются обычно лишь на слѣдующій годъ, а, во-вторыхъ, постоянно оказывается, что, прослѣженное по той или другой бутылкѣ теченіе уже на другой годъ измѣнилось. До сихъ поръ нѣтъ точнаго и вѣрнаго объясненія причинъ, отъ которыхъ зависятъ всѣ эти неожиданныя измѣненія теченій. На всемъ громадномъ протяженіи береговой черты отъ Петропавловска до Ледовитаго океана нѣтъ ни одного маяка. Вотъ условія, при которыхъ приходится плавать кораблямъ.

Немудрено, если каждый годъ тамъ гибнутъ пароходы. Въ 1911 году разбился пароходъ «Транзитъ», выскочивъ среди бѣлаго дня въ туманѣ на мысъ, стоящій буквально на большой дорогѣ всѣхъ судовъ, обходящихъ Камчатку. «Транзитъ» успѣлъ свезти на берегъ всѣхъ пасажировъ, а черезъ два дня страшнымъ штормомъ былъ разбитъ на куски. Кстати припомню—этотъ же самый штормъ чуть не погубилъ военный транспортъ «Колыму».

Военная «Колыма» имѣетъ назначеніе совмѣстно съ канонерской лодкой «Манджуръ» охранять наши котиковые промысла отъ хищниковъ-Японцевъ. Въ дѣйствительности обязанности «Манджура» и «Колымы» нѣсколько разнятся. Первый, дѣйствительно, занятъ исключительно охраннымъ крейсерствомъ у Командорскихъ острововъ, тогда какъ «Колыма» имѣетъ, строго говоря, болѣе обширныя обязанности. Она обходитъ за лѣто буквально всѣ бухты на побережьи, проходитъ Беринговъ проливъ, забирается въ Ледовитый океанъ, обыкновенно до мыса Сердце-Камень. На ея обязанности лежитъ оказаніе всевозможной помощи населенію въ случаѣ нужды, вплоть до перевозки пасажировъ и грузовъ, содѣйствія мѣстной администраціи для водворенія порядка и т. д. Наряду съ этимъ «Колыма» произ-

водить много работъ по описи береговъ, промѣру или исправленію картъ. Каждый годъ ей приходится выдерживать борьбу со льдами. Въ 1910 году около мыса Дежнева большими льдинами у «Колымы» былъ сломанъ винтъ, въ 1911 году она такъ сильно помяла себѣ носовую часть, пробираясь во льдахъ, что у нея открылась течь во всемъ носовомъ отдѣленіи. Это поврежденіе было исправлено

Команда «Колымы» на рыбной ловлѣ.

своими средствами: добрались до Петропавловска, тамъ «выскочили» носомъ на прибрежный песокъ и, такимъ путемъ оголивъ подводную часть, перемѣнили всѣ расшатавшіяся заклепки.

Разумѣется, такое плаваніе имѣетъ одно громадное значеніе: для личнаго состава не можетъ быть лучшей морской школы. Постоянные уроки плаванія въ океанѣ при суровыхъ условіяхъ, вѣчная готовность къ грядущей

опасности, необходимость изъ всякой бѣды выходить самимъ, зная, что въ дикихъ краяхъ не отъ кого ждать помощи, перенесеніе громадныхъ лишеній,—все это вырабатываетъ въ личномъ составѣ всѣ качества истиннаго моряка. И, несмотря на все, матросы такъ стремятся въ это плаваніе, что многіе изъ нихъ по три-четыре года подрядъ находятся въ сѣверныхъ водахъ.

Посланныя въ 1910 году на Сѣверъ на судахъ «Вайгачъ» и «Таймыръ» экспедиціи главнаго гидрографическаго управленія морского вѣдомства должны составить точнѣйшее описаніе нашихъ береговъ. Ихъ назначеніе крайне отвѣтственно, ибо всѣ дальнѣйшія плаванія кораблей на Сѣверѣ будутъ руководиться исключительно результатами ихъ работы. «Вайгачъ» и «Таймыръ»—небольшіе транспорты, спеціально построенные для цѣлей плаванія въ Ледовитомъ океанѣ. Многіе ошибочно называютъ ихъ «ледоколами». Дико предполагать, что существуетъ корабль, способный ломать льды Ледовитаго океана. Можно лишь пробираться среди нихъ. «Вайгачъ» и «Таймыръ» построены такимъ образомъ, что могутъ провести два года гдѣ угодно среди льдовъ, будучи абсолютно отрѣзанными отъ всякой другой жизни. Ихъ запасовъ должно хватить очень надолго, такъ что перспектива нечаянно оказаться затертыми льдами и быть вынужденными зазимовать—для нихъ совершенно не страшна. Эти транспорты имѣютъ все необходимое для жизни на Сѣверѣ, до лыжъ и теплой одежды включительно; даже ихъ маленькія байдарки построены совершенно по типу шлюпокъ мѣстныхъ жителей. Разумѣется, такое хорошее оборудованіе этихъ судовъ даетъ имъ массу шансовъ на успѣшность работъ. Снаряженіе этой экспедиціи стоитъ, конечно, огромныхъ денегъ, но зато ея конечная цѣль—открытіе сѣвернаго пути между Европой и Азіей, раскрываетъ богатыя перспективы [1]).

---

[1]) Какъ извѣстно, въ настоящее время работы экспедиціи дали прекрасные результаты, одинъ изъ которыхъ—открытіе земли Императора Николая II.

Изъ судовой жизни.—Подъемъ 80-пудоваго моржа.

XVI.

Командорскіе острова.—Котиковый и бобровый промыслы.

Самая драгоцѣнная пушнина русской мѣховой промышленности—котикъ, боберъ и голубой песецъ—добывается исключительно на двухъ островахъ Командорской группы—

на островахъ Беринга и Мѣдномъ. (На южной оконечности Камчатки, около мыса Лопатки, правда, также водятся бобры, но въ очень незначительномъ количествѣ).

Командорскіе острова открыты были еще въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Въ 1730 году нѣкій Гвоздевъ видѣлъ на востокъ отъ Камчатки землю, оказавшуюся впослѣдствіи, въ 1741 году, тѣми островами, которые открылъ и впервые далъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія командоръ Витусъ Берингъ. Судьба этого изслѣдователя крайне печальна.

Выйдя 29 мая 1741 года изъ Петропавловска на шхунѣ «Св. Петръ», Берингъ сразу попалъ въ полосу частыхъ тумановъ; потомъ начался періодъ сильныхъ штормовъ, все время отгонявшихъ судно обратно, на западъ. Эти неблагопріятныя условія заставили искать спокойную погоду въ болѣе южныхъ широтахъ. Постоянныя перемѣны курса окончательно сбили «Св. Петра» съ толку, и Берингъ рѣшилъ, наконецъ, подняться снова на сѣверозападъ, считая, что на востокъ пройдено уже слишкомъ много. Послѣднее предположеніе подтвердилось тѣмъ, что въ концѣ сентября мореплаватели, идя на сѣверо-востокъ, увидѣли какіе-то острова, оказавшіеся одной изъ группъ Алеутской гряды, послѣ чего и повернули. 4 ноября замѣтили опять какіе-то высокіе острова; въ этотъ день разыгрался сильный штормъ, нанесшій «Св. Петру» крайне серьезныя поврежденія. Берингъ рѣшилъ во что бы то ни стало достигнуть берега, и, когда погода на слѣдующій день опять улеглась, судно благополучно вошло въ одну изъ бухтъ острова, названнаго потомъ именемъ храбраго изслѣдователя.

Однако, вскорѣ новый штормъ разбилъ шхуну въ прибрежныхъ бурунахъ, и командѣ судна пришлось уже подумать о зимовкѣ.

Кое-какъ, на скорую руку начали устраивать себѣ землянки, пользуясь выброшеннымъ на берегъ лѣсомъ. Но злой рокъ неумолимо преслѣдовалъ заброшенныхъ на голый, пустынный островъ людей; среди нихъ началъ сви-

Петропавловскъ.— Памятникъ командору Берингу.

рѣйствовать скорбутъ—и къ началу декабря изъ 77 человѣкъ экипажа осталось въ живыхъ лишь 31. Чтобы какъ-нибудь согрѣться, люди закапывались въ песокъ; въ такую же песчаную ванну легъ самъ Берингъ и, не выйдя изъ нея, 8 декабря умеръ. Могила его точно неизвѣстна; около предполагаемаго ея мѣста поставленъ въ 1880 году простой деревянный крестъ.

Оставшіеся въ живыхъ участники экспедиціи кое-какъ соорудили изъ обломковъ «Св. Петра» подобіе судна и весною 1742 года добрались до Петропавловска.

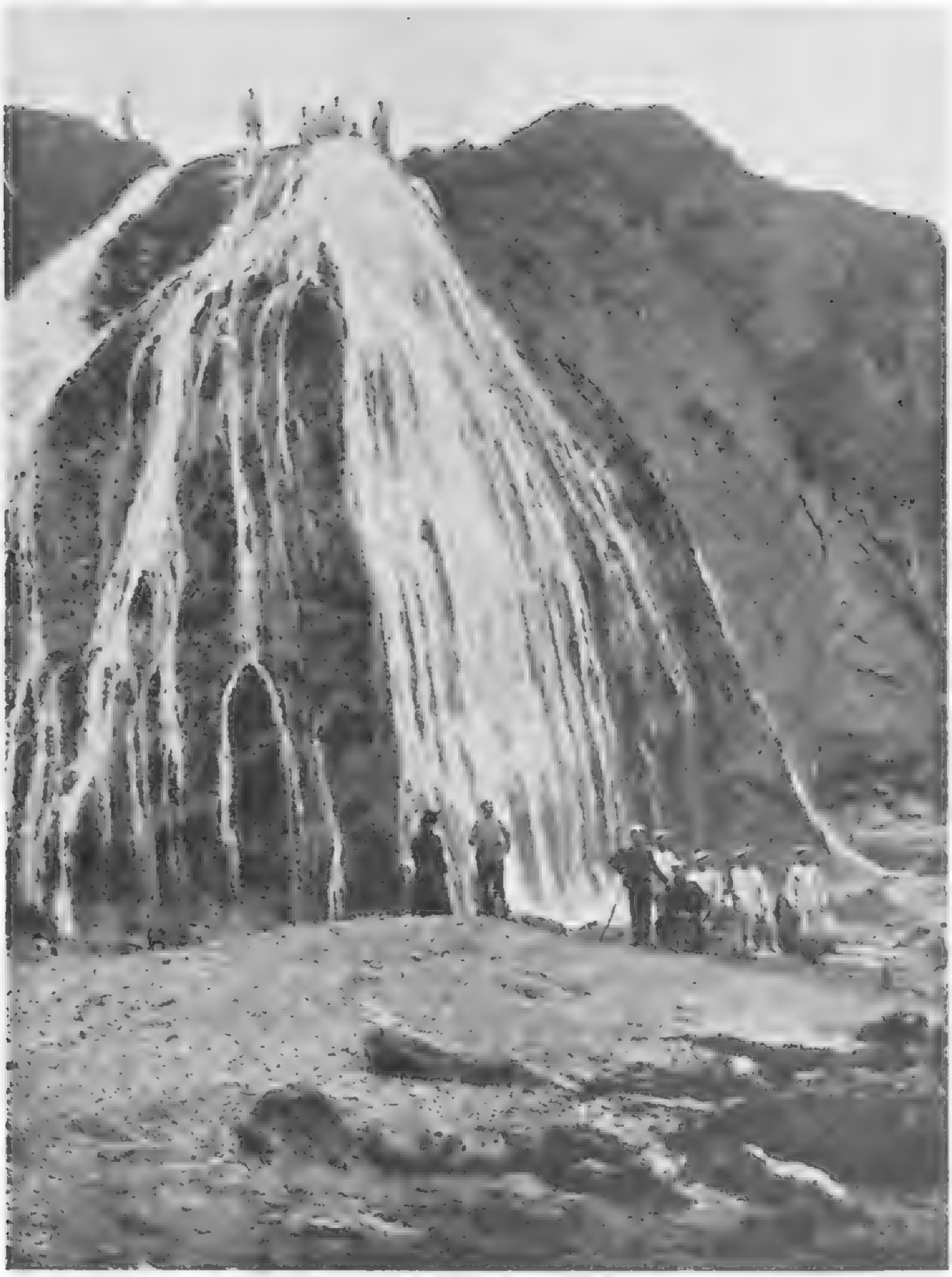
Печальная судьба экспедиціи Беринга не остановила изслѣдователей, и уже съ 1743 и до 1749 года казакъ Басовъ совершилъ туда четыре путешествія, каждый разъ привозя не малое количество мѣховъ; эти плаванья положили начало убою на Командорскихъ островахъ драгоцѣннаго звѣря. Въ 1776 году на острова попалъ энергичный предприниматель Шелеховъ, по почину котораго организовалось общество правильной эксплоатаціи звѣря, превратившееся съ 1800 года въ «Россійско-Американскую компанію». За это время были постепенно открыты всѣ острова Алеутской гряды, въ томъ числѣ острова Прибыловы подъ Аляской, гдѣ той же фирмой тогда же былъ открытъ котиковый промыселъ. Неумѣлая организація дѣла сказалась сейчасъ же въ слѣдующемъ безпримѣрномъ случаѣ. Въ 1803 году на этихъ островахъ накопилось слишкомъ много шкурокъ, и компанія, боясь пониженія цѣнъ на рынкѣ, спокойно сожгла 700,000 котиковъ. Далѣе слѣдуетъ безсистемный бой звѣря, безъ различія пола и возраста.

Въ результатѣ пришлось сразу устроить запускъ для поднятія количества котовъ. Въ это время острова уже отдаются въ аренду. Въ 1867 году Аляска была продана, вмѣстѣ со всѣми Алеутскими островами, кромѣ Командорскихъ, за $14^1/_2$ милліоновъ, послѣ чего все наше вниманіе сосредоточивается исключительно на островахъ Беринга, Мѣдномъ и Тюленьемъ, который потомъ тоже отошелъ отъ насъ по портсмутскому договору въ 1906 году.

Нѣтъ болѣе сырого климата на земномъ шарѣ, чѣмъ на Командорскихъ островахъ; поспорить съ ними могутъ развѣ только острова Прибыловы. Если сказать просто, что тамъ «вѣчные туманы», то врядъ ли кто-нибудь представитъ себѣ дѣйствительное положеніе вещей, ибо никому не придетъ въ голову понять это дословно. А между тѣмъ, это такъ и есть. Достаточно сказать, что воздухъ тамъ настолько насыщенъ парами, что почти нѣтъ дня, когда бы круглыя сутки не шелъ «бусъ»—мельчайшая изморозь, которая какъ бы виситъ въ воздухѣ, все насквозь пропитывая сыростью. Достаточно нѣсколько минутъ походить на воздухѣ, чтобы платье насквозь промокло. Зато дождей тамъ почти никогда не бываетъ, а грозу можно наблюдать чуть ли не разъ въ три года. Осенью начинаются страшные ураганы, продолжающіеся всю зиму. Снѣгъ почти совсѣмъ не покрываетъ острововъ, такъ какъ сильный постоянный вѣтеръ все время выдуваетъ его, и лишь въ глубокихъ ложбинахъ можно видѣть большія бѣлыя пятна, которыя сходятъ обычно къ серединѣ мая. Кстати, описанныя условія—безснѣжье и вѣчно мокрая, скользкая трава—даютъ собакамъ возможность возить нарты круглый годъ. Что же касается лошадей, то ихъ на островахъ не существуетъ.

Въ рѣдкіе ясные дни берега Командорскихъ острововъ представляютъ собою очень красивую картину. Высокіе, мрачные обрывы, отвѣсно спускающіеся къ морю, напоминаютъ многія мѣста Чукотскаго полуострова и такъ же мрачно красивы грозной сѣверной красотой. Берегъ сильно изрѣзанъ небольшими бухточками, окаймленными песчаными пляжами— «лайдами», покрытыми массой крупныхъ камней, на которыхъ и нѣжатся стада котиковъ. Эти небольшіе заливы лишь въ очень немногихъ мѣстахъ могутъ служить мѣстомъ якорной стоянки, такъ какъ они очень мелки и защищены множествомъ рифовъ, дѣлающихъ подходъ къ нимъ парохода крайне рискованнымъ.

Съ громаднымъ удовольствіемъ обходилъ я на шлюпкѣ многія мѣста побережья. Мой спутникъ, одинъ изъ служащихъ Камчатской промышленной компаніи, отлично зналъ



Водопадъ на одномъ изъ Командорскихъ о-въ.

берега, на которыхъ онъ прожилъ уже четыре года, зналъ также нѣкоторыя легенды и повѣрья, связанныя съ наиболѣе мрачными мѣстами.

Разъ, помню, мы проходили недалеко отъ берега, мимо цѣлаго ряда разсѣлинъ и пещеръ въ довольно высокомъ обрывѣ. Медленно скользила наша шлюпка въ гладкомъ черномъ отраженіи темной скалы. Несмотря на надвигав-

На о. Мѣдномъ.—Вертикальный береговой уступъ.

шіяся сумерки, не хотѣлось еще возвращаться домой, и мы лѣниво ударяли веслами по водѣ, точно боясь громкимъ всплескомъ нарушить окружавшую тишину. Только что передъ этимъ я слышалъ повѣрье относительно какихъ-то скалъ, пользующихся особенно мрачной, таинственной репутаціей.

Задумавшись, я вдругъ услышалъ какое-то громкое, точно сдавленное хрипѣніе, какъ будто тяжелый вздохъ

живого исполинскаго существа, потомъ нѣсколько глухихъ выстрѣловъ, опять вздохъ...

— Что это?—спросилъ я у своего собесѣдника и, долженъ сознаться, почувствовалъ себя не особенно пріятно.

— Вотъ видите: говорилъ я вамъ, что у насъ на островѣ есть кое-что сверхъестественное,—совершенно серьезно отвѣтилъ мнѣ мой спутникъ.

Отъ этого отвѣта продолжавшіеся странные звуки не стали для меня понятнѣе, и невольно какъ-то весла въ моихъ рукахъ повернули шлюпку въ сторону отъ таинственнаго обрыва. Насладившись произведеннымъ впечатлѣніемъ, мой гидъ объяснилъ мнѣ, что прибрежная волна, вливаясь въ узкія разсѣлины, сильно сжимаетъ находящійся тамъ воздухъ, который, вырываясь черезъ поросшія на краяхъ щели, и производитъ всѣ эти таинственные вздохи.

Мѣсто это носитъ названіе «гремящей пещеры»; расположено оно очень недалеко отъ островного селенія.

Къ достопримѣчательностямъ острова Беринга слѣдуетъ отнести еще небольшой островокъ, расположенный передъ самымъ подходомъ къ селенію. Островъ этотъ—излюбленное мѣсто, такъ называемыхъ, «морскихъ попугаевъ», или топорковъ. Топорокъ, дѣйствительно, напоминаетъ нѣсколько по формѣ попугая, въ особенности своимъ громаднымъ клювомъ; опереніе птицы черное, съ бѣлой грудью и такимъ же ошейникомъ. Порода это—хищная, питающаяся исключительно рыбой. Почему они избрали своимъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ этотъ маленькій островокъ—неизвѣстно, но количество ихъ тамъ настолько велико, что буквально шагу нельзя сдѣлать, чтобы не наступить на едва зарытыя въ землю гнѣзда. Разумѣется, при приближеніи человѣка, эти дикія птицы громадной тучей взвиваются надъ водой. Говорятъ, что иногда онѣ цѣлой стаей жестоко нападаютъ на осмѣлившагося нарушить ихъ семейную идилію, отчаянно его кусая. При попыткѣ поймать топорка руками, онъ дѣйствительно пребольно кусается.

Несмотря на сильную боязнь этой птицы къ человѣку, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Отправляясь какъ-то небольшой компаніей на охоту, мы ранили топорка. Онъ упалъ въ воду, и мы безъ труда его поймали; оказалось, что у него перебита нога. На кораблѣ ему сдѣлали перевязку, забинтовали ногу въ лубки, и довольно долго нашъ докторъ ухаживалъ за своимъ пернатымъ паціентомъ. Когда «больной» окончательно поправился, мы при первой же якорной стоянкѣ выпустили его; топорокъ сначала весело нырнулъ, потомъ быстро полетѣлъ отъ борта (летаютъ топорки низко, хлопая крыльями по водѣ). Стоялъ густой туманъ, такъ что мы вскорѣ потеряли нашего гостя изъ виду. Черезъ нѣсколько часовъ вахтенный матросъ услышалъ вдругъ равномѣрный стукъ у борта и увидѣлъ, что бывшій нашъ пасажиръ возвратился и бьетъ клювомъ у ватерлиніи. Потомъ онъ далъ спокойно поднять себя драгой на судно и еще долгое время забавлялъ насъ. Очевидно, въ туманѣ топорокъ не нашелъ берега и вернулся туда, гдѣ за нимъ очень предупредительно ухаживали.

Второй изъ Командорскихъ острововъ, Мѣдный, по своему строенію похожъ на островъ Берингъ, но много меньше его. Названіе свое онъ получилъ отъ большого количества мѣди, содержащейся въ прожилкахъ береговыхъ обрывовъ. Эти залежи отлично видны, но разработка ихъ очень затруднительна, такъ какъ къ нимъ почти невозможно добраться.

Оба острова отдѣляются другъ отъ друга небольшимъ проливомъ, шириной, въ среднемъ, мили три, постоянно застланнымъ туманомъ, такъ что лишь очень рѣдко можно съ одного берега видѣть другой.

Растительность острововъ очень бѣдна: кое-гдѣ тощая береза, рябина и кустарникъ; зато трава достаточно хороша, что при отсутствіи снѣга даетъ возможность круглый годъ держать на подножномъ корму скотъ, который теперь начинаютъ тамъ усиленно разводить.

Въ данное время на островахъ имѣется по три селенія: Преображенское, Глинка и Корабельное—на Мѣдномъ и Никольское, Лодыгинское и Саранное на—Берингѣ. Численность жителей въ нихъ не превышаетъ 250 душъ на каждомъ островѣ, причемъ обоихъ половъ почти точно поровну; всѣхъ жилыхъ строеній, считая деревянныя постройки и земляныя юрты—на Берингѣ 118, на Мѣдномъ—95. Какъ видно, населеніе скудное, если принять въ разчетъ, что эти 500 душъ живутъ на територіи въ 13.000 кв. верстъ.

Все населеніе острововъ—элементъ пришлый и притомъ сравнительно недавно. Лишь въ началѣ восьмисотыхъ годовъ на островѣ впервые остались 11 человѣкъ промышленниковъ, которые прожили тамъ 7 лѣтъ подрядъ. Послѣ этого началось уже заселеніе острововъ постояннымъ контингентомъ жителей. Начали привозить Алеутовъ съ сосѣднихъ острововъ Алеутской гряды, привезли обитателей Курильской цѣпи; съ этими переселенцами перемѣшивались европейскія національности. Въ результатѣ отъ собственно алеутскаго племени осталось немного, но назва-

На о. Мѣдномъ.—С. Преображенское.

На о. Берингѣ. — С. Никольское.

ніе это укрѣпилось за обитателями Командоровъ и по сіе время. Теперешнее населеніе растетъ уже безъ новыхъ примѣсей извнѣ.

Алеуты (слѣдую общепринятому названію)—народъ низкорослый, очень смуглый, съ черными волосами, напоминающій общій дальневосточный типъ. Конечно, всѣ они давно обращены въ православіе и очень религіозны. Праздники они чтутъ свято, хотя, я думаю, здѣсь въ сильной степени играетъ роль ихъ природная невообразимая лѣнь. Во всякомъ случаѣ Алеутъ скорѣе умретъ съ голоду, но въ праздникъ ни за какія блага работать не станетъ. По характеру это довольно добродушный народъ, очень любящій общество, крайне гостепріимный, какъ и вообще большинство народовъ Сѣвера; но, несмотря на эти черты, Алеутъ крайне скрытенъ, и нужно очень хорошо быть съ нимъ знакомымъ, чтобы заслужить его довѣріе. Я говорилъ, что они крайне религіозны, съ большимъ уваженіемъ относятся ко всѣмъ обрядностямъ, но никакіе догматы религіи не могутъ справиться съ ихъ понятіями о семейной жизни и вѣрности. У Алеутовъ въ

этомъ отношеніи процвѣтаетъ абсолютная свобода, да притомъ еще жизнь эта начинается у нихъ въ возрастѣ 11—12 лѣтъ. Вопреки общей природѣ всѣхъ обитателей Сѣвера, Алеуты крайне рано развиваются.

До спирта они, конечно, не менѣе падки, чѣмъ Чукчи и Коряки; въ обычныхъ условіяхъ очень честный, не имѣющій понятія о воровствѣ Алеутъ готовъ на что угодно, если дѣло идетъ о спиртѣ.

Тяжелыя климатическія условія на островахъ настолько приблизили старость, что средній возрастъ жителей теперь едва достигаетъ 26—27 лѣтъ; разумѣется, это давно привело бы маленькій народъ къ полному вымиранію, если бы не большая рождаемость, обусловленная ранней семейной жизнью и полной свободой отношеній.

Алеуты охотно учатся, но крайне трудно воспринимаютъ русскій языкъ; многія твердыя и шипящія буквы они путаютъ, нѣкоторыя же совершенно не могутъ произнести. Въ отчетѣ департамента земледѣлія, составленномъ Е. К. Суворовымъ, приведенъ примѣръ грамотности Алеута:

На о. Мѣдномъ. — Группа Алеутовъ въ одеждѣ, изготовленной изъ тюленьихъ кишекъ и котиковыхъ горлъ.

На о. Берингѣ.—Юрта въ с. Саранномъ.

«въ 6 ч. вѣчыря витеръ N свѣзыя дуздь скваламъ цебу ублачность и горизонтъ честон на мури малін зыбъ у быриговъ малій боронъ». И это правописаніе вызвано не одной лишь безграмотностью, а на половину—неспособностью Алеута воспринять русскій языкъ.

Алеуты живутъ исключительно добычей морскихъ котиковъ и бобровъ.

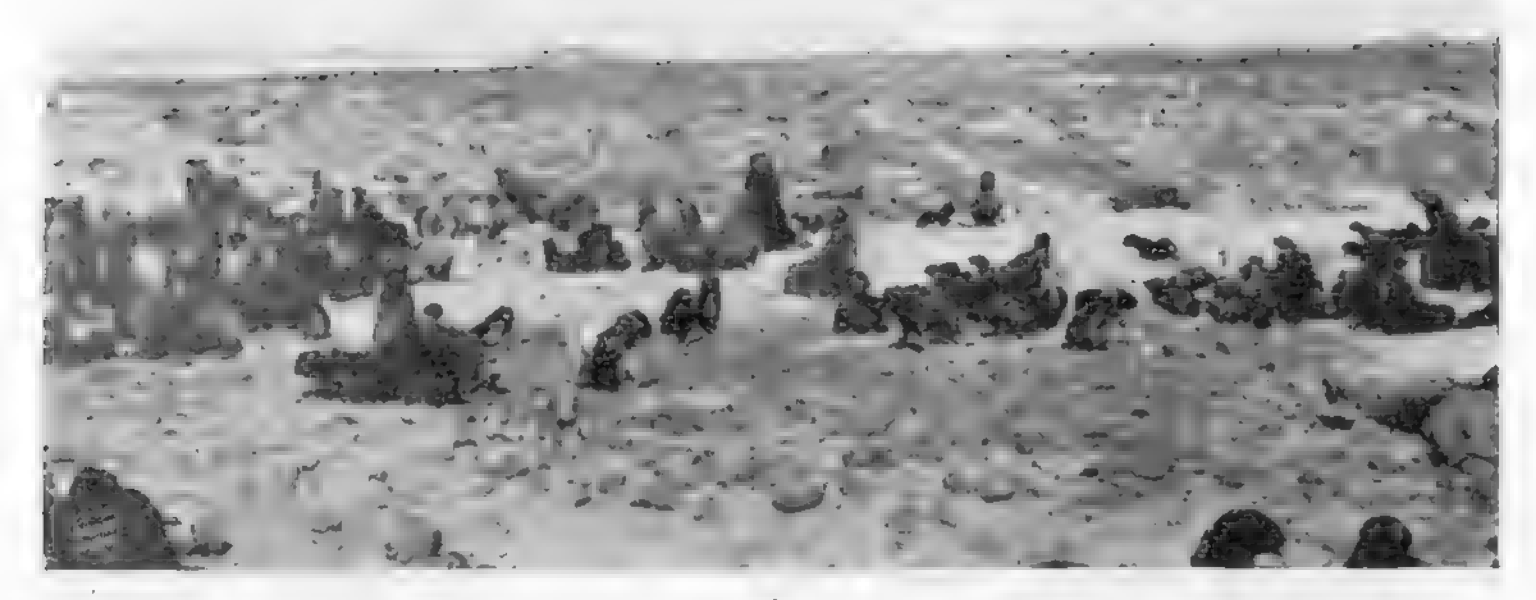
Всѣ котики раздѣляются на три самостоятельныхъ стада, имѣющихъ свои опредѣленныя лежбища: американское—на Прибыловыхъ островахъ, японское—на Тюленьемъ и русское—на Командорскихъ островахъ. Послѣ зимняго пребыванія въ южныхъ водахъ, коты возвращаются въ маѣ на свои лежбища, причемъ замѣчено, что не только выборъ послѣднихъ остается всегда безъ измѣненія, но животное старается даже улечься на тотъ самый камень, на которомъ оно лежало въ прошломъ году. Первыми появляются взрослые самцы-сѣкачи, возрастъ которыхъ обыкновенно—7—9 лѣтъ. Эти большія животныя, вѣсомъ въ

10—12 пудовъ, достигаютъ 7-футовой длины. Черезъ двѣ-три недѣли къ берегу подходятъ самки и тотчасъ разбираются подкидающими ихъ сѣкачами въ гаремы. Численность послѣднихъ очень велика: у каждаго самца количество женъ достигаетъ зачастую 150—200 головъ; сѣкачи страшно ревнивы и изъ-за каждаго подозрѣнія въ попыткѣ другого подойти къ ихъ женамъ свирѣпо бросаются на соперника. Одновременно съ самками приходятъ и холостяки-коты, возрастомъ около 2—3 лѣтъ.

Въ теченіе лѣтняго періода протекаетъ вся брачная жизнь животныхъ и роды.

Новорожденный котикъ совершенно чернаго цвѣта, мѣхъ его не имѣетъ подшерстка. Около года котикъ начинаетъ линять, шерсть его въ это время пріобрѣтаетъ сѣрый цвѣтъ; отсюда и произошли названія мѣховъ—черный и сѣрый котикъ. Промысловый котъ, трехлѣтокъ, имѣетъ

На о. Мѣдномъ.—Группа котиковъ-матокъ.



На о. Берингѣ. — Сѣверное лежбище котиковъ.

послѣ годового линянія коричневый оттѣнокъ, отчего продаваемыя шкурки всегда слегка подкрашены въ черный цвѣтъ; цѣны всѣхъ этихъ трехъ сортовъ сильно разнятся.

Убой котиковъ происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Рано утромъ, какъ только начинаетъ разсвѣтать (выбирается такой день, когда разсвѣтъ совпадаетъ съ моментомъ наибольшаго отлива), все работоспособное населеніе острова осторожно подкрадывается къ спящему еще на лежбищѣ стаду и быстро отрѣзаетъ его отъ моря; часть животныхъ успѣваетъ скрыться въ воду, а оставшіяся на берегу сразу теряютъ свою энергію, жмутся другъ къ другу и уже покорно позволяютъ гнать себя куда угодно. Отъ всего стада погонщиками отдѣляются промысловые звѣри, остальные отпускаются обратно. Отобранная группа звѣрей затѣмъ перегоняется на мѣсто убоя—гладкое поле, верстахъ въ двухъ отъ лежбища; котики идутъ крайне медленно, съ частыми остановками для отдыха. Пригнавъ на мѣсто животныхъ, ихъ оцѣпляютъ тѣснымъ кольцомъ и оглушаютъ, ударяя по носу длинными, около двухъ

аринить, палками, по мѣстному—«дрыгалками». Тутъ же ловко и быстро снимается шкурка; нерѣдки случаи, что отъ перваго удара котикъ еще не умираетъ, но Алеуты съ нимъ не церемонятся и «оперируютъ» живого. Оставшаяся туша идетъ у Алеутовъ въ пищу.

Мнѣ вспоминаются разсказы о томъ, что котики «плачутъ» передъ убоемъ. Это не совсѣмъ вѣрно. По дорогѣ отъ лежбища до мѣста убоя многія животныя настолько устаютъ, что въ изнеможеніи падаютъ, не могутъ двинуться съ мѣста и ихъ тутъ же и приканчиваютъ. И вотъ у уставшаго, измученнаго трудной дорогой животнаго мнѣ, дѣйствительно, пришлось разъ видѣть на глазахъ какъ бы слезы, вызванныя чисто физической болью и усталостью. Впечатлѣніе это усиливается еще тѣмъ, что вообще у котиковъ выраженіе глазъ какое-то удивительно кроткое.

Шкурки засаливаются и въ засоленномъ видѣ отправляются на рынки для выдѣлки и продажи. Въ виду того, что за послѣднее время сильно возросло число матокъ, ихъ тоже начали бить въ большомъ количествѣ. За послѣдніе годы цифра убитыхъ за лѣто на обоихъ островахъ котиковъ доходила до полутора тысячъ; на лежбищахъ же можно было наблюдать въ теченіе лѣтняго сезона 13—14 тысячъ головъ. Всего на міровые рынки поступало съ Прибыловыхъ, Командорскихъ и Тюленьяго острововъ, за послѣднее время до 17—19 тысячъ шкурокъ въ годъ.

Что касается бобровъ, то современная ихъ добыча—лишь слабый намекъ на прежнія времена. Еще экспедиція Беринга привезла въ 1742 году 700 шкурокъ; потомъ часто добыча бобровъ доходила до $1^1/_2$—2 тысячъ въ годъ,—теперь же ихъ добываютъ едва 80—100 за лѣто. Орудіями лова служатъ сѣти и ружье. Иногда, въ особенно счастливый годъ, удачно примѣняются и «дрыгалки». Бобры располагаются обычно на «Бобровыхъ Камняхъ» (рифъ въ сѣверной оконечности острова Мѣднаго). Выбравъ ночь, когда вѣтеръ дуетъ съ берега, Алеуты подкрадываются къ спящимъ бобрамъ и быстрымъ нападеніемъ убиваютъ иногда въ нѣсколько минутъ до 25—30 головъ.

На о. Мѣдномъ. — «Бобровые Камни».

Песецъ на Командорскихъ островахъ водится въ довольно большомъ количествѣ; главнымъ образомъ славится такъ называемый голубой песецъ. Охота на бѣлыхъ песцовъ не подчинена никакимъ законамъ; пользуются при этомъ канканами и ружьями. Средняя годовая добыча песцовъ достигаетъ до 1300 штукъ.

Значеніе для насъ Командорскихъ острововъ лежитъ въ добычѣ котиковъ, и объ этомъ промыслѣ стоитъ серьезно подумать.

XVII.

Охрана котиковъ.

Въ 1911 году было утверждено новое положеніе объ эксплоатаціи котиковъ, въ силу котораго ихъ теперь пять лѣтъ не будутъ бить. Эта мѣра, разумѣется, должна въ сильной степени поднять число драгоцѣннаго звѣря. Но существуетъ одинъ способъ истребленія котиковъ, раз-

витый очень широко, но не подчиненный буквально никакимъ законамъ и положеніямъ. Способъ этотъ японское хищничество.

Какими бы правилами ни ограничивали офиціальнаго избіенія котиковъ, всегда останется возможность тайнаго истребленія звѣря, пока не будетъ учрежденъ особенно бдительный надзоръ за хищниками.

Живя въ краяхъ, отстоящихъ всего въ какихъ-нибудь 9—10 дняхъ морского перехода отъ лѣтнихъ логовищъ котиковъ и находящихся въ районѣ ихъ зимняго мѣстопребыванія, Японцы еще издавна прекрасно изучили жизнь, характеръ и пути слѣдованія котиковъ.

Котики всю зиму проводятъ около восточныхъ береговъ Японіи, отправляясь на лѣтніе мѣсяцы къ Командорскимъ островамъ. Японцы не только знаютъ съ точностью чуть ли не до одного дня время ихъ переселенія, но имѣютъ даже спеціальныя, выработанныя многолѣтними наблюденіями карты слѣдованія звѣря. Въ началѣ мая отъ береговъ Японіи расползается громадное количество шхунъ, бьющихъ котиковъ въ морѣ; этотъ бой продолжается до середины іюня. Понятно, что подобный способъ боя съ каждымъ годомъ страшно уменьшаетъ число котиковъ. Котики идутъ всегда большими стадами, слѣдить за ними крайне легко; шхуна набрасывается на такое стадо и избиваетъ его, совершенно не заботясь о возрастѣ звѣря; бьютъ молодыхъ, старыхъ, бьютъ одинаково и самцовъ и самокъ. Промысловый же котъ, котораго разрѣшено бить на Командорскихъ островахъ,—это почти исключительно трехлѣтній самецъ-холостякъ. Кромѣ этого зла, Японцы причиняютъ еще массу бѣдъ тѣмъ, что многіе котики бываютъ въ морѣ ранены и потомъ гибнутъ безъ малѣйшей пользы даже для самого хищника. Къ сожалѣнію, этимъ варварскимъ способомъ Японцы пользуются слишкомъ широко, а, между тѣмъ, его нельзя не только пресѣчь, но даже назвать хищническимъ, ибо въ нейтральномъ морѣ никто не можетъ запретить ловить и бить все, что угодно. А въ результатѣ—стадо котиковъ доходитъ до Командорскихъ острововъ

совершенно разрозненное, на половину перебитое, отчего въ сильной степени страдаетъ правильная эксплоатація звѣря на мѣстѣ узаконеннаго убоя.

Но, не довольствуясь этимъ, Японцы уже открыто хищничаютъ у самыхъ острововъ Беринга и Мѣднаго. По закону можно бить котиковъ не ближе трехъ миль отъ береговой черты; эта запретная територія настолько мала, что обойти законъ весьма нетрудно. Нахальство хищниковъ доходитъ до такой степени, что они просто высаживаются на берегъ и тамъ бьютъ котиковъ. Алеуты, страшно озлобленные на Японцевъ за послѣднее время, увидя хищниковъ, вступаютъ съ ними въ ожесточенную перестрѣлку; убить хищника—на языкѣ Алеутовъ носитъ даже извѣстный терминъ «уронить». Вооруженные винчестерами и берданками, Алеуты перестрѣливаютъ Японцевъ при малѣйшей ихъ попыткѣ высадиться на берегъ. Конечно, такой самосудъ не опредѣленъ никакими законами, но никто, разумѣется, и не подумаетъ карать за это. Къ сожалѣнію только, острова эти слишкомъ пустынны для того, чтобы Алеуты могли поймать каждаго хищника. Съ другой стороны и Японцы платятъ населенію той же монетой. Каждое лѣто бываютъ одинъ-два случая, что Японцы до тла разграбляютъ цѣлое небольшое селеніе. Въ силу этого, Алеутамъ поневолѣ пришлось учредить у себя нѣчто въ родѣ развѣдочной службы, которую прекрасно выполняютъ мальчики 10—12 лѣтъ, цѣлый день бѣгая по горамъ и давая знать въ селеніе о всякомъ замѣченномъ въ морѣ подозрительномъ суднѣ. Каждое лѣто на островахъ, въ особенности на Мѣдномъ, идетъ жестокая война, и все-таки Японцы берутъ верхъ, ибо изъ десяти случаевъ высадки на берегъ Алеуты въ состояніи узнать объ этомъ лишь въ двухъ-трехъ случаяхъ. Да и мудрено слѣдить за каждымъ уголкомъ острова, когда на немъ всего 250 человѣкъ населенія, включая въ эту цифру женщинъ и дѣтей.

Насколько хищники успѣшно дѣйствуютъ, говорятъ слѣдующія цифры: за 1907, 1908 и 1909 г.г. нами убито котиковъ—18.567, тогда какъ хищники лишь въ 1907 и 1908 г.г.

убили ихъ 44.224. (Изъ японскихъ данныхъ, издающихся въ Японіи совершенно открыто). Начиная съ 1909 года, у насъ нѣсколько улучшена охрана, такъ что хищничать стало труднѣе.

Правительственная охрана нашихъ котиковыхъ промысловъ заключается въ томъ, что ежегодно въ крейсерство къ Командорскимъ островамъ отправляютъ военныя суда. Около островов проводитъ все лѣто канонерская лодка «Манджуръ». Съ мая по сентябрь все плаваніе «Манджура» заключается въ рейсахъ между Петропавловскомъ и Командорскими островами—разстояніе въ 300 миль.

Все лѣто Командорскіе острова покрыты крайне частыми и густыми туманами (по изслѣдованіямъ экспедиціи Рябушинскаго, въ 1910 году, на островахъ въ лѣтній мѣсяцъ приходится, въ среднемъ, лишь 4—5 ясныхъ дней). Во время тумановъ подходъ къ берегамъ для такихъ судовъ, какъ «Манджуръ», ближе, чѣмъ на три мили, крайне рискованъ, а входъ въ проливъ между островами Берингомъ и Мѣднымъ абсолютно невозможенъ. Въ силу этого, японскія

Арестованная японская шхуна въ Авачинской губѣ.

Арестованная японская шхуна въ Петропавловскѣ.

шхуны могутъ совершенно безнаказанно находиться не только въ проливѣ, гдѣ онѣ главнымъ образомъ скрываются, но и въ запрещенной трехмильной полосѣ. За послѣднее время хищники усвоили еще такую тактику: шхуна останавливается въ морѣ, далѣе трехъ миль отъ береговой черты, а на берегъ посылается за котиками лишь одна-двѣ шлюпки. Если даже послѣднюю и замѣтятъ, то во многихъ случаяхъ она успѣваетъ сбросить за бортъ всѣ компрометирующія улики и отговориться хотя бы тѣмъ, что пошла за водой; въ такомъ случаѣ доказать, что она била котиковъ—крайне трудно. Въ результатѣ, если даже шхуна и замѣчена, то это еще не значитъ, что ее можно сразу уличить въ хищничествѣ и арестовать. А увидѣть шхуну также не легко. Обыкновенно, а въ особенности въ началѣ лѣта, около Командорскихъ острововъ находятся одновременно 5—6 шхунъ, «Манджуръ» же одинъ. Къ этому надо прибавить, что Японцы прекрасно знаютъ расписаніе его рейсовъ и, разумѣется, могутъ всегда находиться гдѣ-нибудь по близости

съ тѣмъ, чтобы тотчасъ по уходѣ «Манджура» въ Петропавловскъ нагрянуть на острова.

Всѣ описанныя препоны для правильной и полной охраны отъ хищниковъ въ очень сильной степени усугубляются еще недостатками и несовершенствомъ инструкцій, даваемыхъ командиру охраннаго судна. Главное напутствіе, которое дается командиру передъ плаваніемъ, это — быть возможно болѣе осторожнымъ и осмотрительнымъ при арестѣ шхуны. Въ мало-мальски сомнительномъ, въ смыслѣ неопровержимости уликъ, случаѣ, командиръ долженъ отпустить шхуну.

Подобнымъ положеніемъ вещей связываются руки охраннаго судна; командиры часто боятся придраться къ хищнику, и, дѣйствительно, имъ не остается ничего больше дѣлать, какъ стараться на всякій случай не замѣчать шхуну. Результатъ всего этого тотъ, что за послѣдніе три года конфисковано всего 5 шхунъ, тогда какъ перебывало ихъ тамъ за это время не менѣе двадцати.

Кстати, нѣсколько словъ о судьбѣ конфискованныхъ шхунъ.

Арестованныя шхуны на буксирѣ приводятся въ Петропавловскъ, гдѣ сдаются въ вѣдѣніе мѣстной администраціи. Всѣ инструменты, оружіе снимаются съ судна и сдаются куда-нибудь на берегъ, подъ замокъ, гдѣ за ними, разумѣется, никто никогда не слѣдитъ. Ни къ шхунѣ, ни къ снятымъ съ нея вещамъ не позволяютъ никому дотрагиваться: вещи портятся и шхуна гніетъ. Въ 1910 г. «Манджуромъ» была приведена моторная шхуна; моторъ былъ снятъ, и теперь онъ уже совершенно никуда не годенъ, шхуна же понемногу протекла, погнила. Пробовали ее вытащить на берегъ, но вытащили только на половину и бросили—она, очевидно, погибнетъ такъ же, какъ погибли два ея товарища, лежавшіе посреди ковша въ Петропавловскѣ и теперь по частямъ вытащенные на берегъ. Въ 1911 г. тотъ же «Манджуръ» привелъ еще двѣ шхуны; одну изъ нихъ отправили во Владивостокъ, а другую спасло только то, что мѣстный агентъ Добровольнаго флота получилъ ее въ свое вѣдѣніе.

Гавань Илюлюкъ. — Американскія охранныя суда.

При описаніи организаціи нашей охраны приходитъ на память система охраны Прибыловыхъ острововъ, принадлежащихъ Штатамъ.

Какъ у насъ базой для Командорскихъ острововъ служитъ Петропавловскъ, такъ Американцы основали для Прибыловыхъ острововъ базу на островѣ Уналашка, отстоящемъ отъ первыхъ на 200 миль. На островѣ имѣется небольшой городокъ Илюлюкъ, гдѣ помѣщаются склады угля и всевозможныхъ припасовъ для охранныхъ судовъ.

Въ Америкѣ охранную службу несутъ не военныя суда; у нихъ есть для этого какъ бы особый отдѣлъ флота, носящій названіе «Bering Sea Serving Fleet», по своей организаціи очень похожій на нашу морскую пограничную стражу. Эта охрана имѣетъ пять своихъ небольшихъ судовъ, носящихъ особый флагъ; точно также форма личнаго состава ихъ отличается нѣсколько отъ формы военнаго боевого флота. Суда у нихъ небольшія, но построенныя спеціально

для цѣлей охраны, прекрасно оборудованныя, приспособленныя исключительно къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходится плавать. Два судна «Tahoma» и «Maining» совершенно новыя, съ 15-узловымъ ходомъ, большимъ запасомъ угля и припасовъ, и сравнительно небольшой осадкой (12—13 футъ), имѣютъ водоизмѣщеніе около тысячи тоннъ; остальныя три: «Bear», «Perry» и «Albatros» нѣсколько меньше, съ ходомъ около 12 узловъ. Изъ нихъ «Perry» въ 1910 году разбился, выскочивъ на камни около острова св. Павла въ той же группѣ Прибыловыхъ острововъ. Всѣ суда снабжены безпроволочнымъ телеграфомъ такъ же, какъ и острова св. Павла и Уналашка, а районъ плаванія ихъ таковъ, что всѣ станціи все время могутъ между собой переговариваться. Организація службы у нихъ такова: четыре судна постоянно крейсируютъ около острова св. Павла, одно стоитъ въ Илюлюкѣ. Стоянка продолжается недолго; назначеніе ея—лишь отдыхъ и погрузка необходимыхъ припасовъ. Все время разсчитано такимъ образомъ, что на долю каждаго судна приходится черезъ каждые 16 дней крейсер-

Американскій охранный крейсеръ «Maining».

Православная церковь на о. Уналашкѣ.

ства четыре дня стоянки въ гавани. Передъ возвращеніемъ въ Америку въ концѣ лѣта одно судно уходитъ на островъ Атку (на разстояніи одного дня пути отъ Уналашки), а другое обходитъ сѣверо-западное побережье Америки, послѣ чего въ началѣ сентября вся флотилія кончаетъ охранную службу и возвращается на зимовку въ Сіятль.

Служба лѣтомъ нелегкая: надо принять во вниманіе, что климатъ Прибыловыхъ острововъ своей суровостью и вѣчными туманами поспоритъ съ Командорскими островами. Кромѣ того, какъ это ни странно, Американцы до сихъ поръ не имѣютъ порядочныхъ картъ этихъ мѣстъ, а пользуются старыми русскими картами, изданія семидесятыхъ годовъ. Но зато личный составъ обставленъ очень хорошо: платятъ большія деньги, каждую зиму всѣмъ дается отпускъ и т. д.

Бой котиковъ происходитъ на островѣ св. Павла; бьютъ ихъ Алеуты, получая съ каждой шкурки 10—12 рублей. Небольшое селеніе (около 300 человѣкъ) застроено чистень-

кими домиками, имѣются двѣ церкви—русская и англиканская, жители почти всѣ говорятъ по-русски и по-англійски. Для огражденія отъ набѣговъ японскихъ хищниковъ на островъ, всѣ котиковыя лежбища соединены телефонами съ селеніемъ, а также со станціей безпроволочнаго телеграфа.

Съ пойманными хищниками Американцы не церемонятся. Увидѣвъ шхуну въ запрещенной полосѣ, ее приводятъ въ Илюлюкъ и безъ всякаго суда конфискуютъ. Съ команды требуютъ штрафъ въ размѣрѣ пятисотъ долларовъ съ каждаго матроса; разумѣется, у Японцевъ такой суммы не оказывается—тогда ихъ заставляютъ отрабатывать эту сумму, засчитывая работу въ счетъ долга. Когда же весь штрафъ выплаченъ, Японцу предоставляется полная свобода дѣлать все, что ему угодно. Если онъ пожелаетъ вернуться на родину, то въ этомъ ему никакой помощи не оказывается, онъ долженъ ѣхать черезъ Америку обыкновеннымъ путемъ пасажирскихъ пароходовъ. Въ результатѣ, по словамъ Американцевъ, ни одному арестованному Японцу не удается вырваться съ Уналашки ранѣе двухъ съ половиною лѣтъ.

Иконостасъ православной церкви на о. Уналашкѣ.

Насколько Американцы считаются съ «уликами», можетъ служить примѣромъ слѣдующій фактъ: въ 1910 году въ одной небольшой бухточкѣ острова Уналашки, гдѣ котиковъ никогда и не бывало, увидѣли японскую шхуну, мирно стоявшую на якорѣ. Ее, разумѣется, арестовали, но никакихъ признаковъ хищничества не нашли. Экипажъ шхуны увѣрялъ, что они только хотѣли наловить рыбы, да и то исключительно для ихъ личнаго пропитанія; документы всѣ были

Арестованныя Американцами японскія шхуны на о. св. Павла.

въ полномъ порядкѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что Американцы не имѣютъ у себя на судахъ переводчиковъ японскаго языка, считая лишнимъ вступать въ какіе-либо переговоры. Поэтому, когда понадобилось перевести документы, американцы поѣхали на стоявшій тогда тамъ нашъ транспортъ «Колыму» и обратились къ помощи нашего переводчика. Въ концѣ концовъ, несмотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было основаній къ подозрѣнію въ хищничествѣ, шхуна и экипажъ были подвергнуты общей участи.

Японцы прекрасно знаютъ суровые порядки Американцевъ и несравненно меньше рискуютъ идти на хищничество, чѣмъ около нашихъ промысловъ. Въ рѣдкихъ очень случаяхъ шхуна остается незамѣченной. Если же Американцамъ удается изловить Японцевъ, то они стремятся извлечь изъ подобнаго ареста возможно большую пользу, включительно, какъ я говорилъ, до рабочихъ рукъ.

XVIII

Уроки прошлаго и задачи будущаго.

За послѣднее время снаряжается много экспедицій съ цѣлью выясненія возможности сообщенія между европейскими и азіатскими владѣніями Россіи сѣвернымъ путемъ. Что вообще такой проходъ возможенъ, доказано уже давно большимъ сравнительно количествомъ судовъ, прошедшихъ по сѣвернымъ водамъ, въ числѣ которыхъ былъ и пароходъ «Вега» съ экспедиціей Норденшильда въ 1877—1880 годахъ. Многіе американскіе пароходы и шхуны, ища китовъ, доходили до Медвѣжьихъ островов, тогда какъ со стороны Европы тоже хорошо извѣстна дорога почти до тѣхъ же островов. Если бы этотъ путь былъ уже изслѣдованъ и представлялъ собою одну изъ «большихъ дорогъ» для судовъ, то весь путь отъ Петербурга до Владивостока можно было бы совершить въ двѣ-три недѣли. Но теперь это плаванье сильно затрудняется отсутствіемъ хорошихъ картъ: идти приходится все время съ громаднымъ напряженіемъ вниманія и осторожностью. Описаніе береговъ, выясненіе необходимыхъ мѣстъ наблюдательныхъ пунктовъ, постройка складовъ угля, ознакомленіе съ моремъ и условіями плаванія въ немъ, точное опредѣленіе теченій и карты движенія льдовъ, наконецъ, степени населенности береговъ, ихъ свойствъ,—вотъ цѣль, которую стремятся выполнить всѣ эти экспедиціи.

Возможность сообщенія сѣвернымъ путемъ несомнѣнно дастъ Россіи много шансовъ для процвѣтанія ея сѣверныхъ владѣній. Весь край сразу оживится, однимъ движеніемъ

судовъ будетъ вызвана необходимость заселенія, возникновенія портовой жизни.

Нечего и говорить, какъ много Россія пріобрѣтетъ въ военно-морскомъ смыслѣ, въ случаѣ необходимости передвиженія военныхъ кораблей на Востокъ или обратно, для обороны и защиты своихъ владѣній. Американцы и сейчасъ прилагаютъ всѣ усилія для мирнаго захвата въ свои руки Чукотскаго полуострова. Въ 1854 году англо-французская эскадра нѣсколько разъ пыталась завладѣть этимъ краемъ. Во время минувшей войны было много попытокъ со стороны японцевъ окупировать его; ужъ одинъ примѣръ капитана Наридата Гундзи, о которомъ я разсказывалъ, ясно говоритъ, что не только военные круги Японіи, но и народъ жаждетъ завладѣть этимъ краемъ. Въ Петропавловскомъ музеѣ хранится доска, найденная послѣ войны, гдѣ значится: «Эта земля принадлежитъ Японцамъ. А кто ее захватитъ, тотъ будетъ обезглавленъ». У Японцевъ есть много изданій картъ, гдѣ Камчатка окрашена въ одинъ цвѣтъ съ японскими владѣніями. На Командорскихъ островахъ всю войну были жестокія столкновенія съ вѣчно нападавшими японскими шхунами, эта война продолжается и сейчасъ...

Наши сѣверо-восточныя владѣнія пока почти ничего не имѣютъ, что дало бы право назвать ихъ русскими. Вотъ объ этомъ-то и надо подумать. Искры, способной сразу разжечь въ бушующее пламя тлѣющій пока вопросъ о желтой опасности, надо ожидать съ минуты на минуту. Японцы не успокоятся, пока не убѣдятся въ невозможности забрать эти края въ свои руки.

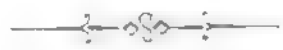
Наши сѣверныя земли ждутъ людей, ждутъ эксплоатаціи. Онѣ нуждаются въ самомъ тщательномъ и разностороннемъ ихъ изученіи, въ пробужденіи интереса къ нимъ со стороны общества.

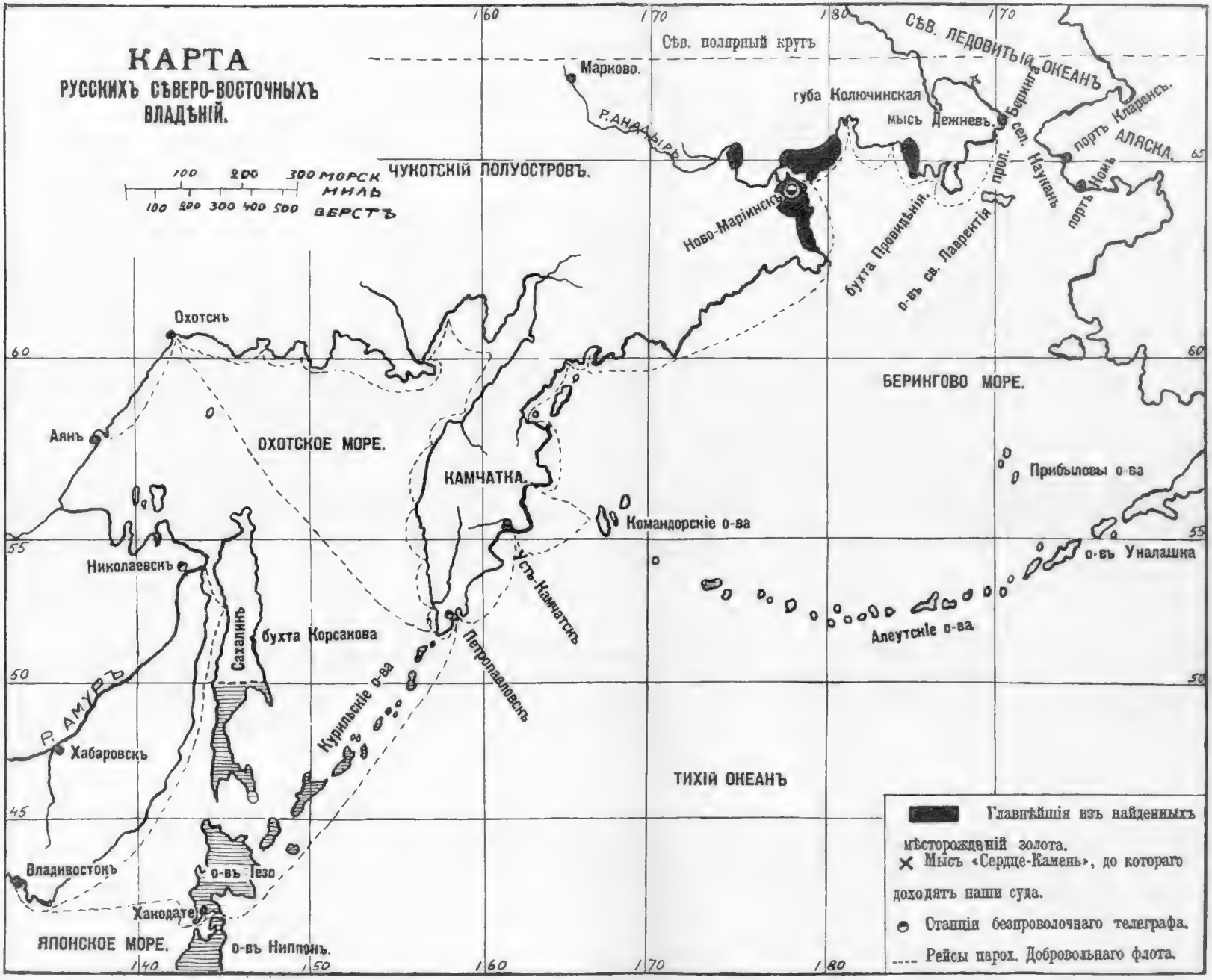
За послѣдніе годы масса денегъ ушло на далекій край. Учрежденіе тамъ администраціи, попытки правительства пробудить культуру, наконецъ, громадныя затраты на сооруженіе грандіозной сѣти безпроволочнаго телеграфа: Николаевскъ-на-Амурѣ—Петропавловскъ—Командорскіе остро-

ва—Ново-Маріинскъ—Дежневъ—Америка,—все это пропадаетъ зря и не достигаетъ цѣли, во-первыхъ, потому, что нѣтъ должнаго количества дѣйствительно знающихъ край и его нужды людей, а, во-вторыхъ, потому, что для процвѣтанія края необходимо, чтобы туда шли частные предприниматели, а послѣдніе не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся условія работы русскихъ предпринимателей, пока законъ, вмѣсто стѣсненій, не создастъ поощреній ихъ усиліямъ.

Мы одинъ разъ сдѣлали громадную оплошность, продавъ за безцѣнокъ богатѣйшую Аляску и Алеутскіе острова, второй разъ проиграли очень много, подписавъ Портсмутскій договоръ, добровольно отдавъ этимъ всѣ богатства края Японіи. Въ обоихъ случаяхъ все это произошло лишь вслѣдствіе того, что мы недостаточно знали свои владѣнія, о которыхъ шла рѣчь, сами не отдавали себѣ отчета въ возможной отъ нихъ для Россіи колосальной пользѣ, не видѣли грядущихъ отъ всего этого бѣдъ для насъ, когда иностранцы заселятъ и начнутъ эксплоатировать края, которые должны быть заселены Русскими.

Мы сдѣлаемъ непоправимую ошибку, если не обратимъ теперь же самаго серьезнаго вниманія на свои владѣнія, вниманія не только правительства, но и всего общества. Если развалъ, который тамъ теперь царитъ, будетъ такъ же прогресивно идти впередъ, Америка и Японія окончательно вытѣснятъ насъ изъ Камчатки и Чукотскаго полуострова и овладѣютъ колосальными богатствами, которыя мы упустимъ только благодаря нашей традиціонной нерадивости и халатности.




КАРТА
РУССКИХЪ СѢВЕРО-ВОСТОЧНЫХЪ ВЛАДѢНІЙ.
100 200 300 МОРСК МИЛЬ
100 200 300 400 500 ВЕРСТЪ
Сѣв. полярный кругъ
СѢВ. ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
Марково.
Р. АНАДЫРЬ
ЧУКОТСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ.
губа Колючинская
мысь Дежневъ.
Беринга
сел.
проп.
Наукань
порть Кларенсъ.
АЛЯСКА.
порть Номъ
Ново-Маріинскъ
бухта Провидѣнія.
о-въ св. Лаврентія
Охотскъ
БЕРИНГОВО МОРЕ.
Аянъ
ОХОТСКОЕ МОРЕ.
КАМЧАТКА.
Прибыловы о-ва
Командорскіе о-ва
Николаевскъ
Сахалинъ
бухта Корсакова
Усть-Камчатскъ
Петропавловскъ
о-въ Уналашка
Алеутскіе о-ва
Р. АМУРЪ
Хабаровскъ
Курильскіе о-ва
ТИХІЙ ОКЕАНЪ
Владивостокъ
о-въ Іезо
Хакодате
ЯПОНСКОЕ МОРЕ.
о-въ Ниппонъ.
Главнѣйшія изъ найденныхъ мѣсторожденій золота.
Мысъ «Сердце-Камень», до котораго доходятъ наши суда.
Станція безпроволочнаго телеграфа.
Рейсы парох. Добровольнаго флота.

1-00

1

M2
Г70-3